

ВООР

ВЛАДИМИР РОСС

Владимир Росс

Вор

«Издательские решения»

Росс В.

Вор / В. Росс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836224-8

Скандальный роман, до сих пор вызывающий изжогу у силовых структур. Я уважаю принципы покойных Воров Васи Бузулуцкого, Васи Коржа и Саши Севера. Почитаю живые легенды Серёгу Лёру Сумского, Неделю, Умку и многих, несломленных пакостью сегодняшней действительности Воров. Многолетняя дружба с Ворами позволила воссоздать истинное значение тех принципов преступного мира называемые воровскими понятиями. Вы нигде не найдёте литературы, в которой художественная риторика раскрывает риторику криминальную.

ISBN 978-5-44-836224-8

© Росс В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Часть I. Роковой каприз	8
Скок!	9
Мисс Ляля Босоножка	13
Побег	20
Анкетно-финансовый роман	23
Баловень судьбы	28
Алкогольное крещение	31
Псевдоотеческий бедлам	34
Ковбой Мальборо	37
Золотая жила	39
Семерка треф	43
Лапландец	46
Зимнее имя	50
Выше всяких смыслов	52
Просто Кристалл	55
На перекрестье времен	57
Скандинавский расклад	59
Часть II. Шпана	62
Часы пик	63
Одно слово – Неотложка...	67
Григорианские страсти	71
Возвращение блудного папаши	73
«Свинья»	75
Эдем и джунгли	80
Повальная арахнофобия	85
Знать бы прикуп...	88
Ах, эти синие глазки	92
Прошляк с «Периньоном»	96
Светлая тень	98
«...на том пруду, куда тебя я приведу...»	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Вор

Владимир Росс

Дизайнер обложки Нада Орлик

Иллюстратор Владимир Росс

© Владимир Росс, 2017

© Нада Орлик, дизайн обложки, 2017

© Владимир Росс, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6224-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Dixi et salvavi animam meam.¹

Мой требовательный читатель!

Ни в коей мере я не старался употреблением в тексте большого количества «блатонизмов», выделить роман из бесчисленного сонма произведений криминального жанра, а себя из тех, кто работает в этом литературном направлении, и предстать этаким глашатаем преступной субкультуры. Напротив, меньше всего хотелось, чтобы моя книга была строго позиционирована как «бандитский» роман и заняла на магазинных и библиотечных полках отведённое для одного места, а фамилия автора фигурировала в издательских, читательских и других окололитературных кругах как символ любителей подперчить художественную сторону своих творений острым словом. Целью своей при написании ставилось максимально правдивое и реалистичное отображение жизни, той её грани, с которой я оказался весьма близко знаком. Именно это желание передать с зеркальной истинностью познанное и посвятить в него вас неумолимо подталкивало к обращению в анналы воровской лексикологии и к передаче с её помощью самой атмосферы преступного мира, ибо только они, его языковые единицы, несут в себе все необходимые оттенки и позволяют избежать досадных искажений.

И всё же самого консервативного и педантичного читателя прошу простить мне каждый случай использования ненормативной лексики, уводящей от чистоты нюансов русского литературного языка, и принять на веру мои уверения об оправданности применения жаргона в виду исключительности каждого такого случая.

Остаётся добавить, что компенсировать вероятный ущерб, нанесённый высокочтимым мной традициям классической русской литературы я нашёл возможным за счёт самокритичной авторской щепетильности и старался не забывать о своём долге как на протяжении всего текста, так и в комментариях путём детальных пояснений, каждое из которых есть по сути извинение...

Всё представленное в криминальном романе – чистая правда. На то вам моё авторское слово. Многолетняя дружба с Ворами позволила воссоздать истинное значение тех принципов и законов преступного мира, которые называются воровскими понятиями. Да, перед вами настоящая хрестоматия воровских понятий, суть и смысловые категории воровского арго и блатной фени. Вы больше нигде не найдёте литературы, в которой художественная риторика раскрывает риторику криминальную.

¹ Я сказал и тем облегчил свою душу – Библия, Книга пророка Иезекииля, 33,9

Вор – это имя и состояние души особой касты уголовного мира, поэтому каждое его упоминание в тексте, пусть и художественного произведения, написано с большой буквы.

Фанатичным буквоедам, жаждущим расправы над своеобразной авторской трактовкой привычных смысловых категорий русского языка, повторяю:

Вор – это имя.

Автор

Воровское – не против закона, а против того беспредела, что возле (него)...

Вор Серёга Лёра (Сумской)

Внимание, чтение романа рекомендована для лиц в возрасте от 21 года.

Пролог

*С чего ж все началось?
Кто знает?.. Мне неведомы истоки.
Само, быть может, ветром принеслось
И почему-то растеклось по строкам.*

Жаркий июльский день. Ничем не примечательное провинциальное местечко распрощалось с последними признаками утренней свежести.

Нарядная современная дама в лихой белой панаме, ультрасексуальных шортах и такой же маечке поверх сытого тела выплыла из подъезда шестнадцатизажки и, осторожно ступив итальянской туфлей на сомнительную твердь, дернула длинный кожаный аркан, на конце которого билось, отважившись на неслыханную дерзость, пушистое создание. Оно упиралось и вопило о пощаде, предчувствуя ужас прикосновения нежных подушечек к раскаленной жаровне. Однако человеческая воля возобладала над животным рефлексом, физически подчинив барской прихоти перепуганное существо. Непреклонная обладательница серо-полосатой «тигры» вторглась в полуденный ад и потянула бедную тварь на битумную пытку, ласково приговаривая: – За мной, Мурчик. За мной, послушный котик...

Ожоги на лапках любимца мало трогали женщину. Скорее её больше волновало собственное превосходство над жалким представителем мужского сословия.

Проходивший мимо солидный гражданин, став невольным очевидцем трагикомической сцены, отверг кокетливый взор властной мадам и, глядя на полузадушенного котика, нервно поправил бабочку. Он тяжело вздохнул, выразив Мурчику сочувствие, и мысленно пожелал собрату лучшей участи. Тот, будто зарядившись импульсом поддержки, внезапно вырвал из сомлевших хозяйских рук привязь, победоносно заверещал и, волоча по земле ненавистный шлейф, метнулся к подвальному оконцу. Дама от неожиданности оцепенела. Судорожно хватая ртом духоту, она распаляла свои чувства непредвиденной потерей и глазами взывала к небу.

Небо отвернулось, громыхнув раскатами далекой грозы. А прохожий с молитвой на устах боготворил небо, свободу четвероного провинциала и Его Величество Случай...

Часть I. Роковой каприз

*Разглядывая вереницу лиц,
Причудой собранных в один альбом,
В их судьбах вижу роковой каприз,
С которого, пожалуй, и начнем...*

Скок!

*Ругаешь лис. Любимая игрушка – плюшевый медведь.
Волк серый – враг, а на подушке дышит зайчик,
Но повзрослев, поймешь, что зла не одолеть...
И кем тогда ты станешь, милый мальчик?*

Жара, резко сместившись с южных провинций, застала российскую столицу врасплох, взяла ее без боя и весь июль изводила горожан своим пылким характером. Палящее солнце – безжалостный комендант захваченного мегаполиса – лютовало неимоверно, и вялой активности изнуренных зноем москвичей хватало разве что на холодный душ или манипуляции с кондиционерами и вентиляторами. По-настоящему город оживал лишь с заходом уставшего за день «опекуна».

Далеко за полночь, когда духота разбивалась свежестью скорого рассвета, в родительской спальне возобновились стоны, и Юрка, недовольно поморщившись во сне, проснулся. Дешевые пластмассовые часики на руке показывали четыре. Он удовлетворенно зевнул и, стараясь не шуметь, перекатился на край дивана. Сухенькие, сбитые на коленках ноги выскользнули из-под простынки и поползли по истертому линолеуму в поисках домашних тапочек с пушистыми кисточками, а лопушковые радарчики, развернув розовые полости на прием эфирных возмущений из-за стены, цепко держали нарушителей тишины на тотальном прослушивании. Сегодняшний объект ничем экстраординарным не отличался. Мерный скрип кровати заглушался хрипловатым мужским басом. Притворно-приторное женское воркование чередовалось с искусственными обоюдными смешками. Периодическое бульканье и звон стаканов предвещали операции плеую сложность.

Знакомая шерстка приятно защекотала стопы, но Юрка, сверившись с мнением своего шестого чувства, откинул пижонские замашки, осторожно выглянул из детской и бесшумно, на цыпочках, прокрался в прихожую. На вешалке свершился переворот. Вместо заношенного клетчатого пиджака на оленьих рогах красовался прокуренный серый мундир с тремя большими звездами на погонах и обещал незабываемые ощущения. Хлоп-хлоп! За неприятной на ощупь тканью таился увесистый плоский предмет. Скок! Ладонки ловко прыгнули в прорези карманов и моментально настигли пухлый кошелек. Тоненькие пальцы привычно перебрали содержимое, вознаградили за ночной нелегкий труд парой купюр, отделенных от толстой пачки, и, засунув их за резинку трусов, нервно остановились на книжечке в твердом переплете: структура, в которой служил дядя, пребывающий ныне в маминой постели, пропечатывалась на красном фоне опять же тремя золотистыми буквами и вызвала суеверное опасение. Совладав со страхом, мальчик раскрыл документ и поднес его к лицу. Из нижнего левого угла на него с укором смотрел крайне подозрительного вида тип с крепко сжатым ртом, приплюснутым носом и со злющими пустыми глазами. Быстро захлопнув «корочку ужаса», Юрка собрался было навести прежний порядок, как запоздало отметил изменения в звуковом поле. Стоны сменились приближающимися шлепками разбитых тапок, и кто-то уверенно потянул дверную ручку...

К малоопытным новичкам ночных вылазок Юрка никак не относился. Количество рейдов к вешалке измерялось десятками, все сходило благополучно, ибо, во-первых, пацан не жадничал, и, во-вторых, всегда оставалось время убраться восвояси, так как в залоге успеха лежала одна хорошо усвоенная пикантная подробность: взрослые покидают спальню не сразу по окончании борцовской схватки, а после минуты-двух убывающей возни, вроде бы как необходимой для фиксации чистой победы. Так он представлял себе происходящее. И хоть лексиконом двенадцатилетний сорванец не блистал, вылетевшее как-то из уст маминого знакомого слово

«оргазм» было справедливо отнесено к терминологии того единоборства, еженощно вулканирующего в запретной комнате. Сегодня же, по всей видимости, оргазм не состоялся, и досадный сбой, нарушив тактический план отхода, вел к катастрофическим последствиям. Мир переворачивался. Время стремительно ускорялось в полете, мешая пацану сосредоточиться над исправлением недопустимой ошибки, затем остановилось и потеряло всякий смысл. Юрка был готов увидеть кого угодно: от разъяренного вампира до инопланетного пришельца и, широко распахнув глазенки, медленно отступал назад. К счастью, кошмарные прогнозы, навеянные кабельным телевидением, не подтвердились, и вместо Лектора Ганнибала на пороге предстал вполне миролюбиво настроенный волосатый неандерталец, неуловимо схожий на запечатленного в кровавого цвета документе мужика.

– Нашел, что искал? – пробасил гость из прошлого, бесстыдно почесывая нижнюю часть голого живота.

Юрка не смог бы найти слов для передачи своего странного состояния. Мерзкий облик пузатого здоровяка с усищами под носом и густой бородищей у пупа натянул нервную струнку вдоль спины до предела, породив вместо стыда легкую зыбь напряжения. Мощный выброс адреналина подарил неведомое доселе чувство опасного наслаждения. Оно воспламеняло в полутьме дьявольские глазенки, жгло щеки и, иссушив рот, лишало дара речи. Самообладания хватило только на то, чтобы, хрюкнув, сглотнуть слюну, мелко закивать головой и ошалело уставиться расширенными зрачками в огромный сморщенный придаток, свешивающийся у подножия буйной растительности.

– Вот и отлично.

Незнакомец протянул мясистую ладонь и замер, дожидаясь пока пойманный с поличным мальчишка догадается вернуть преступные свидетельства. Получив улики обратно, полковник кисло скривился, вздохнул и, показывая вниз, посетовал:

– Кризис. Береги его, если не желаешь вместо оплаченного удовольствия узнавать, чем занимается втихаря сынок твоей подружки. Понял?

– Ага... – шепотом выдал Юрка и хитрым движением провалил как будто незамеченные хозяином деньги внутрь единственного укрытия.

– Молодец, – и крепкий подзатыльник вколотил щуплое тельце в меха гардероба. – Это тебе добавка к зарплате. Усё. Пшел к себе!..

Больше горилла с погонами полковника и птичьей фамилией Кулик не приходила, бежали месяцы, а мальчишка никак не мог забыть приключения той ночи.

Мамины ухажеры мелькали в их квартире на Старом Арбате все реже и реже. Не внушающие доверия, как правило без определенного места жительства, перебивающиеся сомнительными заработками самцы, с присущей большинству похотливой потребностью на лицах, перемешивались в мальчишечьей голове и сливались в одну безлико-серую массу. Стоило какому-нибудь клиенту зачастить к его матери, Марье Андреевне Кудрявцевой, знаменитой в давно минувшей молодости путане, переживающей ныне закат профессиональной карьеры, как на горизонте возникал Юрка с неприступно злобным взглядом, молчаливая агрессия которого настраивала гостей на совсем другой лад и сводила на нет все старательные увещевания хозяйки, мечтавшей скрасить бальзаковский возраст постоянным сожителем, а то, чем черт не шутит, и женихом.

– Прицеп у тебя, дура. Оттого и улов не идет, – поджучивала тетя Клава, совмещавшая убогую должность уборщицы в баре напротив с почетными обязанностями снохи, а говоря проще, доброжелательной сводницы. – Мишка, который афиши рисует, уж на что богема, но так и сказал: «Два члена под юбкой у музы не уживаются». Думай, Маша, думай. Бобыль нынче привередливый. Через годик тебя не то что музой, козой драной не назовут.

Немудрено, что будучи женщиной в интеллектуальном плане крайне беззащитной, Марья Андреевна производила на свет лишь слабые паллиативы, которые никак не могли спасти чух-

нувший бизнес, абсолютно не выдерживали критики и потому резались все той же Клавой в зачатке.

– Может сказать, что это племянник на каникулах? – Всхлипывала мать накануне долгожданного randevu с Колей-Лимузином, имеющем на автобарахолке свой лоток, вследствие чего отнесенным к особо привлекательным кандидатурам исполнителя несбыточной мечты.

– Ну, клюнет... а что первого сентября скажешь? – фыркнула подруга. – Хочешь, чтоб мне опять морду набили? Нет уж. Я врать не буду.

Понятное дело, после скоротечной «лав стори» с Лимузином, хамски прервавшейся так практически и не начавшись, Марья Андреевна призадумалась об избавлении от обузы все-рьез. Ребенок и не подозревал о той петле интриг, которая медленно, но верно затягивалась вокруг его шеи, но даже будь он подгадливей – что бы это изменило? Одна за одной проваливались все нелепые «легенды», поток ухажеров критически иссякал, и, доведенная до кондиции мамаша, признав печальный итог бесполезных измышлений, получила из рук советчицы клочок бумаги с коряво набросанным телефонным номером. Дамоклов меч, висевший над Юркиной головой, сорвался вниз, разрубив запутанный узел раз и навсегда.

Она подняла трубку старого телефона и, с трудом попадая дрожащим пальцем в нужные ячейки цифрового диска, набрала несложную комбинацию. Наказанное за вчерашнюю выходку чадо, сотворившее из рабочего ведра цветочника Гиви – последнего, а потому главного спонсора – гигантский дуршлаг, коротало утро в детской и, прислушавшись, отчетливо различило в родном голосе тревогу.

Юрка, влекомый плохим предчувствием, испытал слабое головокружение, осторожно потянулся в гостиную. Мать сбивчиво объясняла, как отыскать их подъезд. При виде сына она зажмурилась, но не изменила принятому решению, довела разговор до логической точки и, лишь после уверения в скором выезде, медленно нажала на рычаг. Какое-то время Марья Андреевна приходила в себя, пока, слегка заикаясь, не заговорила:

– С-сегодня ты уедешь учиться... в д-другую школу.

Пояснить, что за причины срочной перемены места учебы и что означало само «уедешь учиться», духу не хватило. Она отрешенно прислонилась к стене и навзрыд разревелась.

Маловразумительные причитания и всхлипы не произвели на как-то сразу повзрослевшего пацана никакого эффекта. Хлипенький шалопай с карими остекленевшими глазами застыл, опершись о косяк, и молча наблюдал бессмысленную истерику. Ему бы схитрить, броситься к матери с просьбой о милости, промокнуть лицо слезой, но, словно выросший звереныш, он вдруг напрочь потерял кровную связь. Интуитивно чувствовалось предательство, выхваченные в конце разговора слова подтверждали безошибочность внутренней подсказки, и унижение пустых уговоров отвергалось бесповоротно.

Милицейский воронок подкатил через час. Когда вслед за воспитателем подмосковного интерната в квартиру вошел молоденький лейтенант, женщина обомлела:

– А милиция-то зачем, Господи?!

Брезгливая растерянность смутила тщедушного сотрудника детской комнаты, но тип в штатском, выказывая к мамаше ответное отвращение, резонно заметил:

– Здрасьте, тетя, Новый год! Вы что, дамочка, первый раз замужем? Кто по-вашему содержится в интернатах и спецприемниках для трудных подростков? Победители областных олимпиад? Нет, дорогуша. Хулиганье там! – И с опаской покосившись на «клиента», добавил уверенно: – Будущие бандиты. Ну, ничего, перевоспитаем. Где заява?

Напористый тон смял последние колебания. Сложенный вчетверо листок, торопливо протянутый воспитателю, гарантировал мальчишке посадочное место в его первом загородном путешествии. Марья Андреевна сунула Юрке собранные наспех скудные пожитки и подтолкнула к провожатым...

Едва замок щелкнул, силы покинули её. Проблема, как зудящая короста, отпала с её души, но под сброшенной коркой обнажилась рана еще сильнее. Хотелось всё забыть, разогнать страшный сон радужными перспективами и уже сегодня начать жизнь заново. Увы, без прошлого не бывает ни настоящего, ни будущего. Там, в наших вчерашних страданиях и радостях – тени нас сегодняшних, и разрыв с частью самого себя куда болезненней, чем мучения, которые несет наша греховная целостность.

Юрка никогда не узнает о материнских самоистязаниях и поселившейся на веки вечные саднящей боли в её сердце. Да и что ему с того мазохизма? Не всё он искупает, а душевной боли мальчишке и своей не занимать.

Его втокнули в глухую будку автозака, разбитую на десять обособленных крошечных кабинок, отдаленно напоминающих шкафчики в раздевалке школьного спортзала, втиснули в ближайший от двери отсек и забыли. Пахло железом и чем-то неизвестным, отбивающим охоту к дорожным шалостям. Кичливые надписи, нацарапанные на переборках, ничего не объяснили, тем более что их контекст выходил за рамки школьной программы русского языка и литературы. И даже если бы Юрку уведомили, что в этих «стаканах» развозят уголовников по судам, ИВС, тюрьмам и зонам, понял ли бы он в какое болото попал, – неизвестно, но то, что знакомство с чуждым миром получит продолжение – не сомневался. Наитие редко его обманывало. Едва мальчишка ступил в удушливый сумрак и облекся в металлический скафандр, сшитый на вырост, убежденность в не случайности примерки крепко засела в сознании и будоражила смелые детские фантазии...

Громыхая, машина рваными тошнотворными зигзагами выбралась из вязкого городского потока, набрала на шоссе приличную скорость и минут сорок занудно мычала, надрывая слабенький двигатель. Вскоре, на шестьдесят седьмом километре, где трасса делала резкий поворот к зеленеющему поодаль леску, воронок рискованно накренился и, благополучно приняв устойчивое положение, съехал с асфальта на размокшие после ночного дождика ухабы. До интерната оставалось рукой подать, когда неуклюжего ублюдка отечественного автомобилестроения подбросило на рытвине, и пенсионных годков мотор, прочихав зауспокойную о давным-давно отработанном ресурсе, преспокойно отошел к уаттовским праотцам.

Сопровождающий выпрыгнул из кабины и громко выматерился. Лязгнула решетка. Огромным ключом, смахивающим на дверную ручку, конвоир разгерметизировал вонючий отсек и сострил:

– Что, сопляк, взмок? Чухай, каково житие-бытие наших зеков. Будешь плохо себя вести – всю жизнь прокатаешься в таком ландо, от одного централа к другому.

Юрка, боясь пошевелинуться, затаил дыхание.

– А ну, выходи! – скомандовал шутник вжавшемуся в угол пацану. – Вещи оставить!

Мисс Ляля Босоножка

*Она появится внезапно,
Со вздохом восхищенным внутрь проникнет,
В крови растает безвозвратно,
И сердце дерзкое погибнет...*

Фома жил на тихой улочке вполне респектабельного района и имел веское основание гордиться огромным особняком, унаследованным от дражайших пращуров. Тюремный срок, оторвавший Фому от родового гнезда, превратил старинный дом, некогда отличавшийся ухоженностью, в ветхое запущенное строение, но благородство архитектурных форм оказалось сильнее хозяйского легкомыслия – как и раньше редкий прохожий не останавливался под впечатлением пышного барокко. Освободившись, Фома недвусмысленно отослал приютившихся в нем бомжей, расчистил от грязи и хлама одну комнату и, отложив наведение порядка во всем особняке до лучших времен, вернулся к старому промыслу. Кто знает, что мешало сорокалетнему крадуну² взяться за ум? Не сложившаяся жизнь часто отторгает красоту, и нищета материальная, как правило, – не пара богатству духовному.

Последняя ходка³ здорово изменила его. Опустошенный взгляд на бутылку по вечерам и отсутствие каких бы то ни было целей, кроме дневных рысканий в поисках «прожиточного минимума», – вот и всё кино. Так бы и спился позабытый друзьями и врагами, если бы вскоре не появилась она.

Увидев её – бойкую, энергичную, с озорными глазами и смешным хвостиком на макушке, мужчина, уголовник незапятнанной репутации, не имеющий ничего общего с донжуанством, прошел, ни разу не обернувшись. Помня предательство подельника⁴, обеспечившего сознатель⁵ последний срок Фоме, а себе свободу, он поклялся никогда впредь не промышлять в паре. Тем более, делать исключение ради девки, пусть даже идеально подходящей на роль стрёмки⁶, не собирался. Жизнь, однако, распорядилась иначе.

² Крадун – преступник, живущий за счет краж. Крадуна нельзя путать с Вором (смотри), ибо эти два слова не одинаковы по своему значению, так же как глагольные формы красть и воровать, и неправильное использование их строго пресекается. Стать Вором способен далеко не каждый крадун.

³ Ходка – тюремный и/или лагерный срок. Для молодых, неопытных преступников служит одним из критериев авторитетности, не всегда, впрочем, истинным, так как количество отбывших в местах лишения свободы лет по сути не является сколь-нибудь весомым показателем (как шутят в криминальной среде: «важно не сколько, а с кем и как сидел»). Многие уголовники считают каждую ходку не положительной слагающей чьей-либо значимости, а напротив, «минусом», свидетельствующим об отсутствии профессионализма при совершении преступления и хитроумия во время дознания, допросов и прочих следственных и судебных процедур.

⁴ Подельник – соучастник преступления или лицо, проходящее по одному с кем-либо уголовному делу. По устоявшемуся мнению, слово подельник синонимично слову «друг», но это не соответствует действительности. Нередко стремления сидящих на скамье подсудимых прямо противоположны. Случается, один из подельников отрицает свою вину и само участие в совершенном преступлении, а другой, поддавшись обещанному смягчению наказания, раскрывает все истинные обстоятельства преступления (см. сознанка), становится свидетелем обвинения или, выгораживая себя, сваливает свои грехи на других, что приводит подсудимых (подследственных) к открытой вражде и ярко выраженной жгучей ненависти, развязывающей даже родственные узы. И все же, подельники, как правило, стараются не допускать между собой подобных конфликтов, договариваются, распределяя роли степени участия, и согласовывают показания. Этим следствие и судебное разбирательство усложняются, запутываются, даря подельникам возможность снизить ответственность и уменьшить наказание, в чем они и заинтересованы.

⁵ Сознанка – чистосердечное или вынужденное (под психологическим или физическим) полное признание своей вины. Представляет собой подробный, обычно в письменной форме, рассказ о содеянном преступлении, его мотивах, способе совершения и с детальной конкретизацией роли каждого соучастника. Следственные органы, поощряя такое желание упростить им ведение уголовного дела, часто оформляют сознанку как «явку с повинной» – протокол, наличие которого в деле относится к смягчающим вину обстоятельствам и благосклонно воспринимается судом.

⁶ Стрёмка (стрёмщик) – соучастник преступления, роль которого в уголовно-наказуемом деянии сводится к наблюдению

Паразитка прибилась к нему в ходе одной рискованной вылазки в соседний квартал. Забравшись в лакомую хату, Фома уселся возле холодильника, выложил из него съестные припасы, мысленно распределив порядок их употребления, и хотел было приступить к трапезе, как услышал звонкий свист. Домушник⁷ насторожился и прильнул к окну, удачное расположение которого позволило узреть отворившего калитку хозяина. Не забыв ухватить часть продуктов, крадун под лязг дверного замка, аккуратно снял выставленную при проникновении раму, перешагнул подоконник и тихо смылся.

Чумазая малолетка⁸ в запомнившемся желтом жакете необъятных размеров крутилась неподалеку, сияя гордостью за своевременный сигнал. Фома протянул спасительнице палку колбасы и молча откланялся. Глупости добавить к родной статье «с проникновением» ещё «вовлечение несовершеннолетних» его солидный опыт и знание уголовного кодекса не позволяли. Но наглость юной леди меры не ведала. Девчушка липучкой клеилась сзади и не отставала ни на йоту, чем изрядно трепала нервы. Кому же хочется засветить⁹ домашний адрес? Битый час петляя по городу, Фома на каждом хитром повороте надеялся потерять преследовательницу, а когда сие в конечном итоге произошло, облегченно вздохнул. И всё же Фортуна разыгрывала свою партию, ибо по возвращению домой на завалинке родительского терема его поджидала смышлёная не по годам малолетка, рассекретившая тщательно оберегаемые координаты в ближайшей пивной.

Напустив на себя, насколько позволяли мимические способности старого эРЦэдэ¹⁰, устрашающий вид, Фома грозно прошамкал:

– Ух, я тебя! Вали отсюда, клопиха.

Девочка, шуря миндалевидные глазки, мило улыбалась, словно перед ней тряс кулаками не уголовник, а потерявший квалификацию кукольник. Смутившись нулевым эффектом, крадун ретировался:

– Ну как хошь...

Примирительной фразой всё джентльменство и ограничилось. Оставив девку на улице, Фома, в предвкушении торжества по случаю благополучно провернутой операции, прошел в дом. Уже поднеся граненый стакан к разверзшимся устам, услышал за спиной:

– Не пей!

Знакомый тоненький голосок прозвучал совершенно иначе, нежели у дома «клиента». Казалось, вырвавшись из глубин девичьей души, он вобрал в себя вселенскую нежность и хрупкость.

– Да кто ты такая?! – оторопел Фома. – Какие причины помешают мне делать, что хочу?

– Самая главная, – тихо прошелестела «гостья», – я. Ты ведь будешь моим другом? Мимолетный интерес промелькнул во взгляде мужчины и тут же угас. Плоская грудь юной особы, претендующей на роль подружки, лишала переговоры даже призрачного консенсуса.

– Ни-ког-да! – отрезал он.

– Да? – донеслось сквозь веселый ответный смех.

нию за «подступами» к месту совершения преступных действий с целью предупреждения подельников об опасности, запале (смотри). Стоять на стрёме – выполнять функции стремщика.

⁷ Домушник – крадун, специализирующийся на кражах из жилых помещений (домов, квартир и т. д.).

⁸ Малолетка – лицо, не достигшее совершеннолетия. В уголовной среде малолеткой называют также место, где отбывают наказание несовершеннолетние преступники, а кроме того это слово используется в значении «несмышлёный, неопытный». Малолеткой, например, могут называть и великовозрастного дедушку, не сидевшего ранее, только постигающего азы арестантской жизни.

⁹ Засвети'ть – показать самому или невольно раскрыть нежелаемую информацию, обнаружить что-либо для других. Засветиться – выдать себя, свое присутствие, причастность к чему-нибудь.

¹⁰ эРЦэдэ – «РЦД» аббревиатура «рецидивиста». В уголовной лексике может использоваться (чаще с иронией) для краткой характеристики матерого, прожженного лица, потерявшего все представления о совести, человеческом достоинстве, порядочности и ставящего материальные блага выше понятий арестантской чести. Чаще используется по своему прямому значению к лицам, неоднократно отбывавшим наказание за решеткой.

Девочка приблизилась, бесцеремонно забрала у Фомы стакан и преподала ему, умудренному лагерными перипетиями, первый урок:

– Ты ведь не злой. У тебя глаза добрые, сколько ни притворяйся – все равно выдают. А это, – показав пальчиком на едва пробивающуюся грудь, добавила с завидной непосредственностью, – вырастет. Вот увидишь.

Что мог противопоставить избитый жизнью уголовник обезоруживающей откровенности? Он тупо уставился на экспроприированный стакан и выдавил:

– Фома... Аквинский...

– А меня зовут Ляля... Ляля Босоножка.

И Фома увидел, если быть конкретнее – прозрел! Понадобились несколько лет и крепкие нервы, чтобы действительно рассмотреть в подростковой леди секс-символ! Теперь домошник часто слышал:

– Ну и... Чего вылутился? – Беззастенчивая непринужденность девушки с первой минуты сковала волю Фомы. Стоило ему попытаться уяснить детали из прошлого Ляли, лукавая колдунья чарующе улыбалась, заставляя мужское сердце сжиматься, и безжалостно щелкала друга по носу:

– Нет, ты не джентльмен...

Стремление стать им предусматривало неслыханные жертвы. Имперский статус единственной дамы огромного дворца вмиг обрел величественные очертания, в связи с чем Аквинскому пришлось применить всю свою гибкость. Бархатная революция промчалась по его жизни, изменив уклад, привычки и принципы работы. Если раньше он выходил на промысел, когда заканчивалась выпивка, и финансы пели романсы, то ныне – с периодичностью, какая довлеет над законопослушными работягами, спешащими на фабрики и заводы. Друзья вновь зачастили к нему. Иногда просто посидеть, чаще – перекинуться в картишки и почти всегда – с презентацией верняка¹¹ – наводящей информацией о денежных квартирах и домах. Наряду с хлопотами гостеприимство несло Босоножке золотые яйца – за год с небольшим она умудрилась организовать ремонт в доме, уютно обставить интерьер и настояла на приобретении Фомой машины, разборного бассейна и сауны с солярием. Телефонизация особняка стала прорывом в области информационных коммуникаций, а вскоре на обновленной черепичной крыше забелела и спутниковая антенна. Наперекор консерватизму соседних хибар, бережно лелеющих признаки старины, Аквинские хоромы подверглись неизбежным преобразованиям времени, управляемым дирижерской рукой Босоножки.

Сама Ляля проявила себя несравненной хозяйкой и требовательной подругой. В вопросах быта любые споры с ней обретали неуместный подтекст, а иной раз венчались унижительным эпилогом, ибо всё, к чему она притрагивалась, наполнялось непредсказуемым смыслом. Фома, идя на поводу природной Лялькиной интуиции, безропотно дурел от несоизмеримых с прошлой умеренностью трат. Скрывая недовольство под глубокомысленной маской финансового стратега, вкладывающего резервы в высоколиквидные активы, он, скрипя зубами, давал добро на очередное приобретение, а после, тайком, безбожно клял свою уступчивость, женскую «магазинную» болезнь, а заодно и научно-технический прогресс. Оставалась единственная область, где Фомой по праву удерживался лавровый венок непревзойденного маэстро и непререкаемого авторитета. Моральной компенсацией за бесчисленные уступки служили

¹¹ Верня'к (набой, нако'лка, наво'дка) – достоверная наводящая информация о наличии в каком-нибудь месте денег, драгоценностей и прочего, являющегося стимулом к совершению преступления. Обычно «досье» такого рода включает в себя и дополнительные сведения: распорядок дня хозяев (владельцев ценностей) с подсказкой оптимально удобного и безопасного времени для проникновения в дом, квартиру или хранилище; предупреждение о наличии сигнализации и прочих помех; слепки ключей и многое другое, упрощающее задачу похитителя и призванное свести риск к минимуму. Верняк – услуга, как правило, платная и ее цена рассчитывается как определенный процент от суммы украденного по указанному адресу.

отрывы на Ляльке в работе. Если Босоножка на скоке¹² портачила бок¹³ – просто ли совершала ошибку в краже или занималась на стреме своевољством, Аквинский, проявляя порой чрезмерную суровость, раздалбывал её, не стеснясь в выражениях. Ни к чему, кроме штормов, словесные вольности не приводили. Легкая перепалка превращалась в шквал, а не так уж и редко – в цунами. Тогда каждый отсиживался на своей половине, ожидая, пока стихия успокоится, и в океане Выплескиваемых Эмоций наступит прежний штиль. Иногда на погодные катаклизмы уходили месяцы, бывало, благодаря отходчивости хозяина, апокалипсис сворачивался за несколько дней.

В их отношениях замечалось много странностей. Так, например, спальня Ляли была персоной нон грата, святыней, порог которой Фома никогда не переступал. Того потребовала девушка, и Аквинский, дав страшную для каждого арестанта¹⁴ клятву, обрёк себя на гордую невозмутимость импотента. Соблазнительные формы созревшей подруги, коих он жаждал с минуты знакомства, уже давно маячили в глазах, но приверженность кодексу каторжанской чести¹⁵ была сильнее вольных слабостей. И даже после того, как однажды Лялька осчастливила его ночным визитом, позволив сотворить с ней долгожданный coitus (акт совокупления), Фома не изменил обещанию.

Босоножка появлялась, когда хотела и исчезала не менее загадочно, руководствуясь исключительно личными прихотями. Винить в том кого-то, кроме себя, Аквинский не мог. Душенька уголовника, скудная на фантазии, грезилa классической позицией «дама снизу», а удовлетворившись, тут же забывалась сном. Утром повторить подвиг не удавалось, ибо Лялька не задерживалась у сожителя, и тогда невосполненные потребности девы били днем по сэкономленной энергии самца коротким:

– Эгоист!

Что поделаешь, альтруизмом уголовник не страдал, разве только по праздникам, да и то после длительных воздержаний – следствий затяжных ссор.

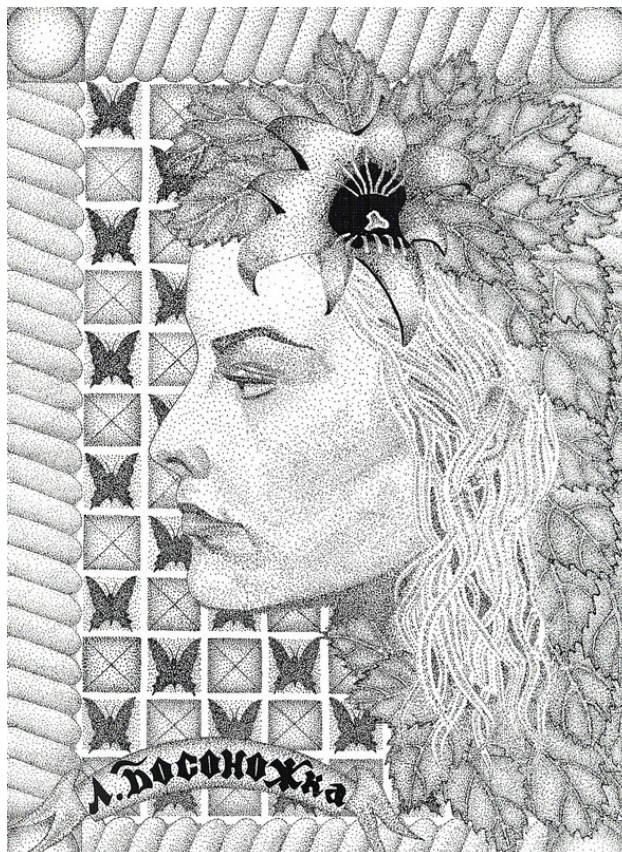
Фома кожей прикипел к малышке, хотя вслух, несмотря на приличествующий возрастной ценз, он ни разу не осмелился так её назвать. И справедливо. Маленький родничок превратился в фонтан энергии, сметающий на своем пути всё и вся. Подруга бурлила жизнью, будто подпитывалась неведомыми космическими источниками, заряжающими её божественной силой. Спорить с богиней – невозможно, доказывать очевидное – себе дороже, настаивать на благоразумии – всё равно, что головой об стенку биться. Стоило ей свернуть пухленькие губки суровым узлом, взметнуть молняшку из грозового неба бездонных глаз, как сердце начинало нестерпимо болеть, хотелось уступить и согласиться со всем, чего она просит и требует.

¹² Скок – уголовно-наказуемое деяние (кража, наскок, грабёж, разбой) против частной собственности граждан.

¹³ Портачить бок (запороть бочину) – совершить ошибку как при совершении преступления, так и по жизни (смотри) вообще.

¹⁴ Арестант – осужденный к лишению свободы (но может быть и свободный человек, перенесший тюремно-лагерные привычки на волю), придерживающийся канонов арестантского жизненного уклада в отличие от так называемых арестованных – категории, случайно попавших в места лишения свободы людей и ведущих себя там боязливо-пассивно. Определение Арестант – нейтрально и хоть не несет в себе пренебрежительно-язвительного подтекста слова «арестованный», тем не менее, если арестант руководствуется в поступках ПОНЯТИЯМИ (смотри), то необходимо уточнять, добавляя «порядочный». Например, он – порядочный арестант.

¹⁵ Кодекс каторжанской (арестантской) чести – совокупность норм, неотъемлемых от понятий, а точнее вытекающих из них, следовать которым обязан каждый арестант, претендующий на порядочность.

Отстаивая в неравной схватке право выпивать с друзьями по выходным, Фома поступился азартными играми, до которых был охоч с молодых лет. Бойкая шантажистка угрозой навсегда покинуть дом нанесла серьезный контрудар по приятелям-каталам¹⁶, зачавшим к сожителю. Привыкшие считать дом Аквинского уютной малиной¹⁷, они мечтали вернуть ему, утратившему громкое имя в силу последней ходки и пристрастия хозяина к зеленому «змию», былую славу, но, столкнувшись с босоногой грозой в юбке, предпочли исчезнуть до более благоприятного случая. На этой почве произошел дворцовый переворот. Крича об оскорбленных чувствах потомственного шпилевого¹⁸, Фома бил себя в грудь, хватался за бритву и даже разок полоснул по татуированному запястью. Отвоеванное таким образом право на выпивку, окропленное полулитром крови, хоть и вылилось дорогой ценой потери острых азартных ощущений, зато открыло двери старым друзьям.

Одним из завсегдатаев субботних посиделок стал аскетичного вида строгий старичок с профилем Гомера. Философская внешность жарким греческим солнцем растопила сердце Ляли, а усилия, приложенные обстоятельным дедом к воспитанию безалаберного Фомы, моментально нашли в женской душе благодарный отклик. Педагогические приемы вызвали восхищение. Достаточно было старику хищно втянуть ноздри и произнести магическую фразу: «Есть к тебе, брат лихой, интерес с претензией¹⁹», как Аквинский жалко съеживался и шел на попятный, чего бы те претензии не касались.

¹⁶ Ката'ла – особая каста уголовного мира, специализирующаяся на азартных играх как на своем единственном источнике получения доходов, не важно в местах лишения свободы ли или на свободе.

¹⁷ Мали'на – жилище и место отдыха уголовных элементов. Отвиснуть на малине – провести там время в развлечениях.

¹⁸ Шпилевой – игровой (от немецкого Spiel – игра), не чуждый игре и азартной страсти человек. В отличие от каталы может не жить исключительно за счет игровых выигрышей и относится к игре просто как к любимой забаве.

¹⁹ Интерес с претензией – здесь внимание, любопытство по какому-нибудь (обычно касаемо понятий и относительно арестантской порядочности) моменту. При наличии на то оснований, проявить интерес и затем, в случае подтверждения подо-

Очень скоро пожилой господин завладел уважением Босоножки, а с ним – безграничным доверием, что само по себе приравнивалось в этом доме к подвигу, и мог без опаски для ушей заявиться посреди ночи, встретив гарантированное радушие хозяев.

Виктор. Слава о его мастерстве гремела по всей стране, когда Фомки, а тем более Ляльки, еще и в помине не было. Непревзойденный карманник²⁰, щипач-одиночка²¹, Вор²² по духу и образу жизни²³ доживал долгий век в поисках того, кому бы смог передать секреты древнего мастерства. Навыки тонкого искусства требовали исключительно талантливого ученика, потому за свою многолетнюю жизнь пришлось поменять добрую сотню претендентов, но счастье встретить человека, способного в будущем творить чудеса, так и не улыбнулось. Беспардонное молодое поколение раздражало старого урку²⁴ и убивало надежды, однако вера в нетленность высокого ремесла и яркий пример Диогена, днём с огнем искавшего, делали вдохновенным даже отчаяние.

– «...просите и дано будет вам, ищите и найдете...», – грустно цитировал дед слова из Евангелия и поднимал на Ляльку огненный взор. – Так разве ж я не ищущий?!

Фома в такие разговоры не лез и помалкивал, хотя мог сказать многое – ведь он тоже был учеником Виктора, правда, самым неудачным. После первых же занятий Аквинский, тогда еще зарившийся на журавлей в небе юноша, осознал свою никчемность в карманном искусстве и получил от прямодушного учителя старую добрую фомку с рядом полезных наставлений. Это и определило имя и дальнейшую судьбу домушника, ставшего виртуозным мастером проныжничества в чужие жилища. Впрочем, Виктор зла на бесталанного воспитанника не держал.

– Фома, – часто повторял он, – уникал. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. Одним словом, наш человек.

Обычно компания усаживалась за кухонным столом и, основательно подкрепившись, вспоминала былые времена. Пожалуй, старик был единственным посетителем, кто на дух не переносил спиртного и посторонних лиц, но при этом никогда не заглядывал с пустыми

зрений в проступке (провинности по жизни, непорядочном поступке), предъявить претензию – выразить свое неудовольствие по данному факту и потребовать моральной или материальной компенсации для себя или для общих дел – может любой порядочный арестант. Как правило, интерес – сильное оружие в устах грамотного по жизни человека, ибо даже казалось бы из «ничего», за какой-то мелкий старый огрех, первоначальный интерес по неопытности «ответчика» легко раздувается натасканным в понятиях «претензором» чуть ли не в «смертный грех» и вытекает в претензию. Претензия же – это в любом случае удар по престижу ответчика, брошенная на его арестантское реноме тень, избавляться от которой приходится порой очень долго, как восстанавливать подмоченную репутацию в глазах чопорного светского общества. Поэтому слово интерес, тем паче с претензией действует на оппонента настораживающе, отрезвляюще и крайне усмирительно, а если последний еще и чувствует за собой какой-то проступок, то старается замять опасный разговор всеми возможными способами.

²⁰ Карманник – преступник, специализирующийся на карманных кражах – наиболее уважаемый в уголовной среде «профессии», требующей природного дарования, ловкости пальцев, хладнокровия и блестящего знания людской психологии.

²¹ Щипач-одиночка – карманник, работающий самостоятельно, без напарников и прикрытия, а потому не имеющий права на малейшую ошибку при совершении кражи. Щипать кошельки в гордом одиночестве – признак виртуозного мастерства, истинного профессионализма.

²² Вор – гений преступного мира, гимн его, воплощенная в плоть живая легенда и олицетворение идеала, отвечающего всем представлениям уголовного люда о чистоте человеческой, арестантской, криминальной. Вор – это высшая ступень иерархической лестницы преступного сообщества и достичь, подняться на нее может лишь тот, кто избрал воровское своим образом жизни, доказал силу духа, твердость воровских убеждений, нестигаемую волю в борьбе за людское (смотри *Ход ладить*) и верность воровской субкультуре многократными поступками, да и всей своей жизнью, не оставив за спиной ни одного проступка. Слово Вор образует приставку к личному имени и становится самим Именем – символом высочайшего авторитета в криминальной среде.

²³ Образ жизни – это большее, нежели совокупность поведенческих факторов, определяющих принадлежность того или иного человека к какому-либо общественному классу, социальной прослойке, профсоюзу, «клубу любителей...» и т. д. Наиболее подходящее и полное объяснение этому понятию обнаружилось, к моему удивлению, в учебнике Ф. Котлера. Оно звучит как: «... устоявшаяся форма бытия человека в мире, находящая свое выражение в его деятельности, интересах, убеждениях...». Остается добавить, что образ жизни как форма бытия, оценивается в нашем случае холодным и твердым взглядом криминалиста, а не бегающими глазами переменчивой общественной морали.

²⁴ Урка (уркаган) – когда-то давно так называли уголовных элементов, обладающих удивительными дерзостью и бесстрашием. Ныне урка близко по значению к Вор и часто именно по отношению к Во'ру и употребляется.

руками. Потому кухню вскоре окутывал терпкий дым шалы²⁵, и, смеясь до упаду, обкурившаяся троица проводила незабываемые часы. И вообще, вечера с Вором кардинально отличались от других. Они затягивались до утра и радовали спокойной домашней атмосферой. Босоножка, пристроившись рядышком, грациозно орудовала кухонными приборами, и Виктор, не в силах отвести взгляд от её длинных белых пальцев, часто восхищенно охал:

– О-хо-хо! Надо же какой набор у дитя! Боже мой, почему ты не послал такую диточку мне?

Лялю не смущали слова друга. Где-то в глубине души ей нравились отеческие нотки в устах притягательного деда, тайком от Фомы показывающего хитрые штучки из криминального репертуара.

– Деточка, подай салфеточку, – ласково просил Виктор, когда ситуация требовала уединения с хозяином.

Городские проблемы, новости из тюрем и лагерей обсуждались в её присутствии, но резюме выносилось в сугубо конфиденциальной обстановке.

Не обижаясь на причуды старика, Босоножка чмокала его в лоб, и понимающе пропадала в комнате. Исполнение просьбы растягивалось до притворного возмущения Виктора:

– А где же наша салфеточка? – после чего Ляля возвращалась к заскучавшим друзьям...

Уроки не проходили даром. По воскресеньям, во время закупочных мероприятий, она грузила Аквинского провизией, а сама, пользуясь временной слепотой взмыленного, как мул, спутника, оттачивала в базарной толчее освоенные приемы Виктора. Ловкость, с которой кошельки прилипали к рукам, дарила ей удовлетворение, какого не давал Фома, и наслаждение, какого не мог дать ни один мужчина. То, ради чего женщины кидали на панель бранные тела, она брала легко и без самоосквернения, а, учитывая и вовсе не материальную заинтересованность игры в чужие кошельки, Босоножка по праву считала себя высоконравственной леди.

Одна милиция знает, к чему приводят психологические шалости, если объектом их приключения служат платежные средства законопослушных граждан.

²⁵ Шала» (шалопет) – курительная смесь из конопли, марихуана, запрещённые на территории Российской Федерации.

Побег

*Как гениальна в педагогике природа,
Что не ввергает в душу дидактическую мусть,
Талант её учительства – привить понятие свободы,
А дальше ученик сам избирает путь.*

Знакомое возбуждение стряхнуло годовую спячку и вновь, как когда-то, прокатилось по телу. С наслаждением Юрка потянул носки стареньких башмаков на себя, размял затекшие стопы и покорно выпрыгнул под полуденное солнце. Подошвы хлюпнули о землю, зачерпнули грязевой жижи и, шлепнув пару шагов, весело чавкнули, подтрунивая над хозяином. За редким сосновым перелеском он засёк оживленную автостраду, и тут же опытная рука лейтенанта, предупреждая шальные мысли, упала на плечо.

– Чего головой вертишь, бесенок?! Давай топай. Воспитатель остается ждать подмогу, а ты поступаешь в распоряжение конвоя. Чем быстрее дойдем, тем для тебя же и лучше. И не балуй!

Серый китель отдаленно напомнил ночного полковника. Доверчиво уцепившись за краешек лейтенантского кармана, пацан поплелся за сопровождающим в глубь леса, напрямик к новому дому. Однако ворон не ловил. Пальцы нечаянно коснулись документов, переданных матерью. Какое-то время Юрка колебался, но трезво расценив нарочитое стремление бумажек выползти провокацией – соблазнился и ювелирным толчком кисти помог им преодолеть узкий разрез. Стараясь незаметно втиснуть пакет за просторную пазуху, Юрка драматически теребил переносицу и шмыгал носом с самым отсутствующим видом. Лейтенант, занятый своими мыслями, и не думал подмечать хитрые манипуляции, поэтому, когда Юрка дернул его за рукав, спустился на грешную с усталым вопросом:

– Чего еще? Шевели поршнями, без фокусов.

– Ну дядя... – протянул мальчишка, – мне в кустики надо.

Взрослый кинул недоверчивый взгляд на излучающего кротость мальчугана и, не рассмотрев в глазенках причин для беспокойства, сдался.

– Шустро, пока в штаны не наложил.

Высокие побеги бурьяна сомкнулись за Юркиной спиной. Над головой, качаясь, шелестели колючие цветки. Пахло свободой. Живая природа подарила ощущение радости. Решение выработалось инстинктивно и мгновенно. Ноги потянули вперед. С каждым шагом робость сменялась уверенностью.

– Эй! Ты где? – отголоском пронеслось по верхушкам деревьев.

Встревоженный крик вонзился в мозг и придал скорости. Так быстро Юрка еще не бегал. Он мчался, не чувствуя кустов и хлеставших по лицу веток деревьев, коварных сплетений травы, цепляющих ступни. Бежал, падал, вставал и, не отдышавшись, устремлялся всё дальше напролом, к неведомой цели. Когда голос конвоира исчез за многокилометровой толщей леса, пацан рухнул на мягкий зеленый ковер и, позволив себе короткую передышку, счастливо рассмеялся. До наступления темноты Юрка сделал, для острастки совести и закрепления успеха, хитрый крюк.

Возвращаться домой беглец не собирался. Нет, он не самоутверждался симптомами подросткового максимализма, да и вообще, мать – не лучшее средство для проявления характера. Просто в мальчишке отсутствовали качества, дарующие людям напасть прощать, а на приобретение их требовались годы. Блуждая в холодной мгле дремучего леса, он на слух пытался уловить шум шоссе, и тогда же неоднократно клялся уехать далеко, туда, где не охотились бы за ним интернатовские приставы, туда, где можно свободно жить, не боясь встречи с отрек-

шейся от него матерью. Впереди лежала долгая дорога. Она притягивала загадочностью, интригуя воображение, и таила бескомпромиссный авантюризм. Никогда ещё Юрка не горел так идеей приключений как в ночь странствий по чащобе. Этот огонь выплавил в его характере новую черту – самостоятельность. И теперь, мечтая о будущем, мальчишка уже не заикливался на родителях, сытой жизни и глупых игрушках.

Вот и знакомая просека. Оставались считанные метры, прежде, чем нога шагнет на долгожданный асфальт, как вдруг поступил сигнал тревоги. Синий огонек вспыхивал впереди с постоянной периодичностью. Дикая злость вылилась немудреной руганью:

– Ищите, суки?! Не на того напали!

Юрка перевел дыхание и побрел к Москве надежным лесным укрытием вдоль шоссе. Дорога не оправдала надежд на кажущуюся вначале легкость. Хотелось кушать, покидали силы, и как только рассвет размыл мрак в легкую дымку, а лесные обитатели затянули сладкоголосые арии, Юрка повалился на мягкий мох под ароматной пушистой пихтой и, прислонившись к стволу, испаряющему тепло, забылся крепким сладким сном.

Снились богатые шумные застолья, добродушные толстые гости и радостный голос виртуального отца, обещавший сыну любовь и понимание.

Солнце находилось в зените, когда Юрка проснулся. Незатихающий шум близкого шоссе приглушал лесные звуки, подсказывая верный ход. Мальчишке повезло: почти сразу возле крошечной фигурки, отчаянно голосовавшей на обочине, притормозила «Скания», и добряк дальнобойщик, толкнув пассажирскую дверь, пригласил Юрку внутрь.

– Ну и, шкет? Куда путь держим?

Каков вопрос – таков и ответ.

– К Киевскому вокзалу, – сдержанно буркнул пацан и, видимо, испытав угрызения совести, смягчился. – Здравствуйте.

Озабоченно взглянув на серьезного во всех отношениях пассажира, водитель понимающе кивнул и надавил на газ. На Юркины колени упал завернутый в салфетку бутерброд.

– Жуй, путешественник. Далеко собрался?

Юрка, кривя губы, держал марку до упора. Наконец, медленно развернув незатейливый сэндвич, перевел взгляд на дальнобойщика и поделился соображением:

– Думаю, на Украину.

– А деньги? Как доберешься? Кто тебя, головастика, с грязным пузом и зелеными коленками в поезд пустит?

– Украду, – не задумываясь прошамкал мальчик, роняя изо рта крошки.

Ответ доставил удовольствие не только водителю. Он понравился самому Юрке, ибо придал веры в собственные силы. Не зная, как и где украдет, он совершенно точно уяснил и свято поверил, что так будет, так должно быть и произойдет очень скоро. Пока зубы беспощадно расправлялись с хлебом, пальчики нервно барабанили по стеклу, выдавая легкое беспокойство. Эхо дробы проникло в сознание, грохотнуло и, внезапно оборвавшись, уступило созревшему решению. Стоит отметить, прагматичные опасения мимолетного друга послужили хорошей подсказкой.

– А что, мальчишек в поезд одних не пускают? – как бы между прочим спросил Юрка.

– Ну это как сказать. Ежели тебя родители усадят и сдадут проводнику, то нет проблем, а так ты – беспризорщина, хоть и на билет надыбаешь. Тебя же на первой станции пограничники хохлы снимут, а если не они, так мусора²⁶.

Скорее догадавшись по смыслу о ком идет речь, пацан тут же взял жаргонное словечко на вооружение.

²⁶ Мусора» – презрительная обобщающая кличка, употребляемая по отношению к работникам правоохранительных органов.

– Что же делать? – карие глаза поражали безобидной наивностью и придавали лицу обезоруживающую вежливость.

– Не знаю. Раскинь мозгами, Сапрыкин²⁷.

– Кто? Я не Сапрыкин. Я – Юрка.

– А я – Григорий. Только не бродяжье это имя – Юрка.

– Дядь... – просяще протянул мальчик, но тут же был поправлен.

– Григорий.

– Григорий...

– Ну?

– Посади на поезд, будь другом.

– Может тебе и денег дать?

– Нет, у меня есть, – жажда странствий перевесила разумные опасения быть раскрытым за что Юрка немедленно поплатился репутацией.

Григорий, вопросительно хлопнув себя по карману, вынужденно признал пропажу и необыкновенные способности ушлого мальчугана.

– М-да... а ты в натуре Сапрыкин. Всем Сапрыкинам Сапрыкин.

²⁷ Сапрыкин – фамилия горе-карманника «Кирпича», одного из персонажей «Эры милосердия» – криминального романа братьев Вайнеров. В экранизации этого произведения (телефильм «Место встречи изменить нельзя») роль Кирпича сыграл актер Садальский, и получившийся яркий типаж героя стал в уголовной среде самокритично общеприимным, а его фамилия – практически нарицательным понятием, использующимся с саркастическим оттенком.

Анкетно-финансовый роман

*Итог антиматриархальных революций
Марксистско-ленинскую обрывает нить:
Излив на стороне причины предположий,
Низы по-старому согласны жить.*

Редкое утро понедельника на Фому, как на злополучного аборигена Острова Невезения, не нападала хандра. Раздираемый внутренними и внешними противоречиями, сначала стихийно, в порыве похмельного отчаяния, затем упорядоченно, не благодаря растущему мужеству, а в силу укоренившейся привычки, и наконец, вполне осмысленно, с тщательно обдуманными контраргументами в свою защиту, он провозглашал ноту протеста злым пунктам «брачного контракта», насажденного феминистской беспардонностью, и объявлял смену власти. Тогда, смело разлепляя веки, Аквинский с ухмылочкой Пиночета отыскивал у изголовья кровати болтающийся на отрывке скотча листок, на котором матриархальное правительство с вечера старательно выводило жирным фломастером список поручений. Сыпя едкими комментариями, рецидивист небрежно пробежал текст, а чаще и вовсе не читал, остервенелось комкал «Вестник диктатуры» и, с техничным жеманством легионера НБА, выстреливал бумажный шарик в раскрытую форточку. Острый угол атаки снижал коэффициент удачных попаданий. Три среднестатистических броска из десяти тюлька в тюльку ложились в цель, примерно столько же, нарушая спортивную этику, насмешливо отскакивали от стены и заставляли произвести штрафной бросок. Бывало и хуже: импровизированный мяч, пометавшись в фрамуге, падал между стекол, и Фоме приходилось освистанным убежать со спортивной арены, чтоб из баскетбольной суперстар превратиться в заурядного разнорабочего. Монтировка из гаража помогала расковырять крепко забитые на зиму под неусыпным надзором Босоножки окна, которые с наступлением тепла теряли то пристальное внимание, какое уделялось им в холодный сезон.

Сегодняшнее начало недели выдалось особенным. Аквинский с кашлем дохнул в кулак устойчивым перегаром и злобно скрипнул зубами, вспомнив заключительную фазу вчерашней попойки, свернувшейся по банальной причине: супружница, не считаясь с его, страждущего, авторитетным мнением, забрала недопитую бутылку и под конвоем раскаленного утюга отправилась спать. С мясом содранное предписание прыгало в непослушной руке. Черным по белому ему сообщалось, что «мы», то бишь она – Её Высочество – единственная и неповторимая – в супермаркете.

– Всё, бля, мало! Никак не натащается...

Дальше, выплясывая, большие печатные буквы (к другим уголовник был в оппозиции) рекомендовали во избежание неприятностей программу-минимум: в двухчасовой срок отремонтировать в ванной комнате прохудившийся кран, привести себя в подобающий вид и в связи с проводимой по стране переписью населения приготовиться к достойной встрече с агентом. Огородом предлагалось заняться после обеда. Выход на работу милостиво разрешалось перенести на завтра.

– Шас... Выкуси! – Фома прочистил горло мощным «Кхе!» и хрипло затянул с пафосом «Марсельезы»:

Что же ты, зараза, бровь себе побрила,
Для чего надела, падла, синий свой берет!
И куда ты, стерва, лыжи наострила...

Настроение выравнивалось. Перепись субъективно относилась к разряду общегосударственных праздников, и уголовник, как никто прогорбатившийся на стройках народного хозяй-

ства, не мог, чтоб не отщипнуть причитающийся ему кусочек социальных благ. Мотивы для бунта имели все основания.

– Что, не заслужил? Не заслужил, спрашиваю? – горько завыл он, репетируя сцену объяснения. Получалось впечатляюще.

Второпях скомканный снарядик полетел к голубому просвету.

– Опа-а-а-а-о-ох! – заохал Фома, лицезря как наглая бумажка захватила низину в межконном плацдарме и мстительно выпятила бок с обрывками психологического шантажа: «починить... встретить... скоро буду...» – Та-а-к-с.

Резолюция о провозглашении Дня Независимости была составлена на лету и тут же единодушно принята. Рецидивист запрыгнул в отглаженные приготовленные Босоножкой выходные брюки, скрыл фривольные татуировки на торсе под козым мехом предпочитаемой всему безрукавки, прихваченной на память о последней ходке, и, закуривая, вырос перед холодильником, осовремененным Робинзоном Крузо.

Надежды не оправдались. Прозорливость Пятницы внушала трепетный ужас. Пустым предстал и бар. Рьяно, но безрезультатно, порывшись в батарее пустых бутылок, Фома признал себя содрогнувшимся, но не побежденным. Ужаленный сомнением, он ринулся в погреб и за ножкой деревянного стеллажа, в замазанном глиной углублении, выцарапал из священного тайника дорогой сердцу неприкосновенный запас в объеме литры водки «Сотка». Не забыв срезать с копченого окорока нежную розовую полоску, в комнату Аквинский вернулся с полным комплектом джентельменского набора, ибо для утоления жажды мщения прихватил с собой и последнюю банку любимого Лялькиного персикового компота.

Признаки поствыходной депрессии размылись со вторым стаканом. Окрепшая рука без промаха метала тяжелые косточки в хрустальную вазу. Пережившая стресс душа просилась в пляс. Пуская в потолок душистые кольца оставленного Босоножкой в суете сборов «Роялса», Фома небрежно щелкнул пультом «Самсунга», нашел канал МУЗ – TV и послал извивающейся Евгении Власовой воздушный поцелуй.

– М-м-му-а-а!

Под кожей буграми заходили волны вседозволенности. Первый же подвернувшийся на язык тост зазвучал сигналом к конкретным действиям, не откликнуться на который мог только глухой.

– За свободу! За независимость! За демократию!

Уровень «живой воды» неудержимо падал. Рецидивист, плывя в эйфории своей причастности к вопросам государственного масштаба, смотрел выпуск новостей. Ироничная улыбка налогоплательщика более удачливой нежели та, о которой шла речь, державы, прочно закрепилась на лоснящихся от жирной закуски губах.

– Ну народ, ё-ма-ё. Ни украсть, ни покараулить. И хоть бы один пришел, попросил: «Фома, подскажи, как быть...» а легко! Отчисляю Лялке в бюджет – на водку идет трансфертом. НДС возвращаю магазинной сдачей. Чем больше даст, тем больше вернется...

Договорить до конца парадоксальную фискальную идею помешал звонок в дверь.

– Шухер...

Изошренный ум сработал быстро и гениально, но полегчавшая до дистрофического веса бутылка отказывалась тонуть в кастрюле с борщом. Придавив улику крышкой, Аквинский раскусил припасенный мускатный орех, смел со стола пепел и вылил остатки компота в туалет. Зазвенело вновь и уже требовательно.

– Да сейчас, чего трезвонишь, – осадил он чье-то нетерпение и, соорудив на голове подобие пробора, подался в прихожую.

Свои медлительность и нерасторопность уголовник мысленно проклял сразу, стоило узреть на пороге статную деловую даму с папочкой наперевес. Гостя смирив его толерантным

взглядом и, нисколько не смущенная способностью хозяина плющить красновато-мутные сферы неземного притяжения в пятикопеечные блины, снисходительно прыснула.

– Це що? Добродий трошечки того... шуткует?²⁸ – серьезные интонации грудного баритона слегка отрезвили Фому, и он, взяв себя в руки, впал в другую крайность.

– А як же, чаривныця²⁹? – залебезил он, лукаво щурясь.

– Працівник³⁰, – строго поправила дама, – службы переписи, – и, считая, что такой визитки больше чем достаточно, без приглашения прошествовала в дом.

Внутри она, со знанием дела выпячивая на обозрение филейные части своего бройлерного тела, долго искала подходящую для важной миссии точку, недвусмысленно остановила выбор на кухонном гарнитуре, смахнула со стола крошки, разложила бумаги и безошибочно приземлилась самой внушительной, уже оцененной хозяином по высшему разряду, частью на еще теплую табуретку.

– Килька запытань, добродию. Не запэрэчуэтэ?³¹ – механика произношения отдавала рапсодией режущей части фрезерного станка при соприкосновении с вязкой деталью.

– Я? – изумился обходительностью Аквинский.

– А хто ж щэ?³² Мы одни? – суровый блеск очей, которому могла позавидовать половина следственного аппарата ГУМВД, заставлял Фому ностальгически трепетать.

– Одни, – он подсел рядом и развил тему. – А чого мэни... Э-э... противиться? Вот только язык ваш...

Унизанная перстнями рука невольно взметнулась к накрашенным губам, и в глазах женщины застыл немой вопрос.

– Не-не-не, – виновато засуетился уголовник, отводя раззолоченную длань от манящих коралловых опухлостей. – Я про мову, шановна. Незручно мне по-вашему балакать. К российскому привыкли.

– Ну тогда так и говорите, чего людей путаете?! – интонации заметно смягчились, и, кокетливо освободив кисть из мужских клешней, «працівник» трогательно приспустила ресницы. – Я по-русски с пеленок лепетала, но что поделать? Работа такая. Требуют и заставляют... знать нашу национальную гордость, любить и пользоваться. Но как скажете. Не будем терять времени.

Ручка с готовностью зависла над чистым бланком. Переводя взгляд с декольте на губы, сыпавшие интересами, Фома бдительно, словно перед ним был детектор лжи, контролировал логические переходы от фамилии к возрасту, от национальности к образованию и потому, когда наступил самый ответственный момент – вопрос о семейном положении – замялся и с неподражаемой застенчивостью заерзал на стуле.

– Ну что же вы? Наверное, женаты?

– Не угадали, – вздохнул он. – Позабыт, позаброшен. Холосты мы, одиноки и не с кем даже разделить восторг ни от долгих зимних ночей, ни от падающих летом звезд.

– Кем работаете? – раздалось взволнованное, и в этот раз Аквинскому показалось, что ему в уши капнули по горячей капельке миртового масла.

– Эх... Финансовый директор. Банк у меня.

– Водички бы... – сдавленно просипело в ответ.

Пока Фома вскрывал шоколадный ликер из Лялькиной коллекции, гостя наметанным ревизорским оком обвела нафаршированное знаменитыми брендами помещение. Заце-

²⁸ Это ещё что? Добрый человек немного того..., шутит?

²⁹ А как же, волшебница

³⁰ Работник

³¹ Несколько вопросов, добрый человек. Не возражаете?

³² А кто ж ещё?

пок, опровергающих холостое состояние объекта и его безупречное материальное положение, не обнаружилось.

– И что же вы, бедный, в таком особняке совсем один?!

– Не повезло, – печально вещал из соседней комнаты Аквинский, скручивая «Моцарту» фольгированную голову. – Автокатастрофа. Восьмой год мыкаюсь. А как насчет чего покрепче? Помянуть, так сказать.

Живее всех живых отклик последовал незамедлительно.

– Ну разве, символически. Мне еще работать...

Вскоре финансовый вдовец, совершенно игнорируя вопиющие факторы внешней угрозы, возложил скорбящую головушку на воздушную, вспученную бюстгальтером твердыню и лил, оплакивая горькую долю, крокодиловы слезы. Его воздыхательница с материнской нежностью гладила по остриженным тронутым сединой вихрам, всхлипывала в унисон и, будучи женщиной прагматичной, сомневалась: поместится ли в том углу возле пальмы бабушкин белоснежный беккеровский рояль – ее главное неразменное приданое, не потерявшее товарного вида после трех неудачных браков. Крамольные руки Фома уже давно мяли податливые выпуклости обширных зон плотского табу и напористо подталкивали к пропасти. Гостья не сопротивлялась, и в греховную бездну они пали, взявшись за руки: она – гордо демонстрируя французское белье и смелые подтяжки, он – пряча спину, испещренную чем угодно, но только не схемами движения денежных потоков.

Под композицию Антонова «Только в полетах живут самолеты» Аквинский воспарил над высокими вершинами, окинул сверху голодным взором лакомую панораму и принялся иступленно избавляться от жгучего груза примерного семьянина. Партнерша, метаясь в экстазе, вгоняла в его подсознание исходную формулу:

– Одинока я, одна, одинокая...

Отзывчивый реципиент внушению не противился и заученно вторил:

– Одинок...

С этим словом и свершилось.

– О-о-о-о, – зависнув на первой букве Фома сбросил накопленный балласт и плавно пошел на снижение. Раскинув руки, он удовлетворенно зарылся в мягкие складки. Быстро убывающее впечатление от полета сменилось прозрением, и место блаженного приземления постепенно превращалось в муравейник.

«Ляля!» Вскочив как полоумный, Фома кинулся к штанам. Оперативность давала кое-какие шансы на спасение. Объяснять что-либо времени не было.

– Чего развалилась?!

Счастливая избранница витала в потерявших значение абстракциях. Постылая работа, неудовлетворенные безденежьем запросы, тоска по сильной половине – всё окрашивалось в мажорные тона романтической любви, разрешающей все проблемы.

– А? Что, любимый?..

– Вставай, говорю, корова! – в сердцах возопил Аквинский, реактивно просовывая ноги в брючину. – Под монастырь подведешь, дура...

Ежесекундно кидаемые в окно взгляды, в свою очередь, красноречиво подвели гостью к безошибочным выводам. Паника на лице любимого предельно доходчиво указала на степень надвигающейся опасности. Оскорбительное «корова», претензии к «дуре» и прочее автоматически отодвинулось на задний план.

Пышное тело оторвалось от постели как от батута. Попытки придать происходящему ауру униженного благочестия испарились после звука хлопнувшей калитки, и прятавшие грудь руки занялись куда более актуальным делом. Три секунды на платье, две – на макияж, одна – на перекрученный чулок и нисколько на прическу.

В прихожую они ворвались одновременно – она с папкой и недооформленной анкетой, Фома в боевой мазутной раскраске с разводным ключом в руках – и, источая порядочность, уставились на дверь.

Лялина улыбка таяла как пломбир на солнцепеке, убывая пропорционально величине растущего подозрения. О явлении неразрывной связи пролетариата с интеллигенцией Босоножка не знала ничего, но расстегнутая ширинка сожителя и съехавший вбок колтун на голове у явно растерянной бабы, заставляли сейчас заняться изучением коммунистического тезиса вплотную.

– Ну, я пошла, Фомочка? – пролепетала перепуганная особа, безжалостно бросая обманщика под танк, но Аквинский смело ринулся вперед.

– Лялочка пришла, – подхалимажно скалился он, пританцовывая вокруг суженой. – Чего так долго? А у нас перепись...

Босоножка метко уронила нагруженные сумки на босы ноги муженька, потянула чувствительным носиком шоколадный запах, исходящий от застигнутой парочки и, сфокусировавшись на незнакомке, подбавила взгляду амперов.

– Перепись? – ярко выраженный в интонации антагонизм вызвал у слушателей обильное потовыделение. – Ах, перепись, – и она решительным шагом направилась в спальню.

Обратно Ляля мчалась со скоростью курьерского поезда, но драгоценные мгновения были потеряны. Мопассановской сучки и след простыл, а изменник наглухо забаррикадировался в ванной и скулил о презумпции невиновности.

– Я те, блядь, дам перепись, пес шелудивый. Сволочь. А ну, открой, – таранила она неприступный бастион с трусливым гарнизоном. – Открой, кобель! Открой, «Фомочка»!! Открой, мразь!!!

– Боюсь, – не скрывал ощущений рецидивист, забившись в угол под несущей стеной, как того требовали меры безопасности при сейсмическом предупреждении. Под сотрясающими ударами все и впрямь ходило ходуном.

– Перепись, дорогой? – не успокаивалось снаружи. – А может перепих?! Ты не ошибся? – Перепись, – заикнулся Фома и, дрожа, отмечал шаткость своего логова... Переговоры длились трое суток и на четвертые зашли в тупик. На все конструктивные предложения из ванной доносилось что-то нечленораздельное и жалобное:

– ...Реписьпереписьперепись... Тогда оборзевшую тварь было решено взять на измор. Босоножка заблокировала выход громоздким сундуком, подстраховала его упорами, проинспектировала все возможные лазейки, перекрыла воду и отправилась восстанавливать запущенное хозяйство. Следующие сорок восемь часов в ванной стояла абсолютная тишина. На шестой вечер осады проявились гаснущие признаки жизни.

– Погибаю... – застонало что-то отдаленно родное, и звякнула щеколда. Дверь начала медленно приоткрываться, но уперлась в препятствие. В щель с палец толщиной вылетел белый лоскуток с намалеванным на нем кровью крестом. Впрочем, ожидаемого эффекта это не произвело, и только наутро, вооружившись вытасненной из забора рогатиной, Ляля приняла безоговорочную капитуляцию. Разобрав препоны, она нашла горе-любовника свернувшимся калачиком у порога, основательно выбила из еще теплого тела прелюбодейскую дурь и, сжавившись, повела прихрамывающего ветерана Семидневной войны на кухню.

– Любимая моя, – тоненько пропел Фома после пятого стакана жидкости, – зайчика моя, мой ласковый нежный зверек. Спасибо...

– Всевышнего благодари, что не сдох, – отрубила Ляля. – А со мной считаешься натурой. Список найдешь на кровати...

Баловень судьбы

*Цивилизаций непобедимый вид храня,
Вверх головы задрали небоскребы.
Меж тем, не ведая ни отдыха, ни сна,
Их стопы жрут подвальные трущобы.*

«Сапрыкин» запомнил Григория на всю жизнь. И не только за то, что тот посадил юного путешественника на поезд, договорился с проводником, дал денег и накормил перед дорогой, а потому, что черкнул на заветном клочке бумаги свой адрес и объявил о готовности всегда прийти на помощь.

Минуло три года. Юрка обосновался в провинциальном городе юга Украины и мало-помалу усваивал непредсказуемые законы улицы. Первым жилищем стал полуразрушенный дом возле зеленого базарчика. Люди давно переселились из аварийного здания, но, как часто бывает, местная ТЭЦ все так же исправно гнала горячую воду, и хорошо обогреваемый подвал, вполне сносный для приюта, постепенно превратился в Юркину крепость. Обнаружив в одной из квартир старый матрас, пару залатанных одеял и кривую раскладушку, он переволок найденные элементы комфорта в свои апартаменты и призадумался о защите. Любой мог вторгнуться к нему во владения и положить глаз на хоть и скудные, но собственные, его, Юркины, пожитки. Назойливая мысль не давала покоя ни днем, ни ночью, пока, наконец, он не обзавелся массивным амбарным замком и великолепным складным ножичком. История их приобретения еще долго будоражила кровь.

Как-то, совершая привычный вечерний моцион по городу, мальчишка ненароком забрел на стоянку грузовых авто. Вспомнились Григорий и его белоснежная «Скания». Взгляд с тайной надеждой пробежался по номерам громадин, отыскивая среди скопления техники машину друга. Юрка замер. Скрежет металла и темный силуэт мужчины, копающегося в замке ближайшего фургона, заставили отойти в тень. Не сводя горящих глазенок с подозрительного субъекта, мальчишка дождался, пока из вскрытой фуры на землю упала первая коробка, и шагнул в луч прожектора. Точность расчета оправдалась вмиг.

– Пацан... пацан, иди сюды, – полушепотом подозвал крадун. – Хапай, пидсобышь³³.

Уговаривать особо не пришлось. Юрка взвалил на плечи часть добычи и, семена, поспешил за «находчивым» незнакомцем, имя которого выяснилось чуть позже. Когда коробки благополучно приземлились у резного палисадника, мужчина, он же сторож городского рынка, пожал помощнику хрупкую ладонь и отрекомендовался:

– Кличут меня Степкой. Для тебя – дядя Степа. Верю в людскую порядочность, потому – проси, что хошь...

Так у Юрки завелись первые средства безопасности и самообороны. Теперь, покидая жилище, он подолгу колдовал над замком, прилагая невероятные усилия, дабы повернуть громоздкий ключ. И хоть тонкие пальцы за последние годы внешне окрепли, силы в них прибавилось ненамного. Механизм, явно насмехаясь над юным собственником, приручался непросто. Понадобился целый год, чтобы приловчиться с легкостью управляться с ним.

От своей двери он отходил вылитым барçonком. С истинно королевским достоинством мальчишка прятал ключ в карман потертых джинсов, тут же проверял наличие любимого ножичка, приятная тяжесть которого делала прогулки куда увлекательнее и, тешась могуществом, скупно улыбался. Утренний обход несостоявшийся интерн начинал с соседнего базар-

³³ Хватай, поможешь.

чика, чьи просторы освоил с первых дней пребывания в городе. Он изучил каждый закуток и все рыночные колдобины, а с той ловкостью, которой его наградила природа, добыть пропитание не составляло труда. Достаточно было прошвырнуться по торговым рядам – и жизнь дарила легкие радости.

В нелетную слякотную погоду, а значит не базарный день, скучающие продавцы частенько подмечали белобрысого парнишку, бесцельно снующего между прилавков. Скрыги просто отводили глаза от продрогшего подростка, другие, из доброты людской, угощали витаминками с огородов, но чаще приходилось проявлять инициативу самому, в те скользкие моменты отвода глаз. Счастливая звезда опекала его. Никто никогда не замечал противозаконных трюков Сапрыкина, тем не менее с промысла он неизменно возвращался с набитой пазухой спелых фруктов.

Иногда мальчишке удавалось стащить червонец, тогда в ближайшем кафе он от вольной масти³⁴ обедался мороженым, а затем празднично шатался по городу и чувствовал себя баловнем судьбы.

На центральный рынок Юрка старался не лезть. Из головы не выходило неприятное столкновение с местной шпаной³⁵. Прошлым летом, решив расширить «охотничьи угодья», он отправился знакомиться с богатым потенциалом чужой территории и, воодушевленный обнаруженным изобилием, вознаграждался душистым лавашем. С булкой в руках его и застукала оголтелая орава местных подростков, стайкой летавшая между прилавками азербайджанских торговцев и сеявшая панику, хаос и разруху. Подрыв экономики южан прекратился сразу же, стоило Юрке попасть в поле зрения оперившихся хищников. Гурьбой окружив белобрысого конкурента, сытая невоспитанная молодежь отрезала все пути к отступлению. Сапрыкин нагло кинул в рот остатки хлеба и, старательно пережевывая, сохранял ледяную невозмутимость. Бояться он не собирался. Главарь банды, увалень лет восемнадцати, понял это сразу и потому, оставив психологические эффекты для других, перешел к активным действиям. В Юркину грудь ткнулся корявый палец.

– Кто таков?

Встрепенувшийся в сущности мальчишки волчонок порывался с достоинством ответить. Исподлобья оглядев враждебные лица, Юрка бесцеремонно отбил руку и прошипел:

– Не твое собачье дело... Ему еще повезло, что обошлось без переломов. Шпана яростно набросилась на чужака и била до тех пор, пока не вмешались прохожие. Не успела одна сердобольная женщина пригрозить милицией, как стая, в один голос ухнув – «Шухер!», бросилась врассыпную, исчезнув в многолюдной толпе. С того дня Сапрыкин не испытывал судьбу и облюбовал безопасный зеленый базарчик на окраине города. Впрочем, прощать обидчиков также не думал. Грозный нож уравнивал любые шансы, а воспрянувшее с годами самолюбие облагораживалось мыслью о мести.

В утро своего шестнадцатилетия изголодавшийся Юрка отменил двухнедельную самоизоляцию от внешнего мира, причиной которой послужило страшное слово «перепись», машинально проверил в кармане новых брюк присутствие надежного друга с острым жалом и решил повторить вояж на центральный рынок. Погода под стать настроению напрашивалась на комплимент. Яркое воскресное солнце дарило виновнику торжества теплые лучи и желало удачи. Настроившись по-боевому, он кинул в карман выходной рубашки скромные сбережения и уверенно зашагал к центру. Программа действий намечалась обширная. Кроме восполнения бюджета и акта возмездия Сапрыкин рассчитывал посетить дядю Степу, давно обижавшегося

³⁴ От во'льной ма'сти – вволю, сколько душе угодно.

³⁵ Шпана» – молодое поколение преступников. В виду того, что юная поросль стоит еще только у истоков тернистого, полного капканов и ловушек криминального пути, принято считать ее чистой по жизни.

на невнимание молодого человека. Ничто не предвещало того, что к старому дому с подвалом придется вернуться не скоро...

Алкогольное крещение

*Узор фамильных и не очень совпадений
Плетется случаем весь год. То плача, то смеясь...
Кому весна достанется, кому фрагмент весенний.
Кому-то неба синь, кому-то по колено грязь...*

Каштановая брюнетка с пышной грудью, какой природа редко одаряет восемнадцатилетних дамочек, и её спутник, худощавый господин тщедушной наружности, прикинутые в фирменные адидасовские костюмы и одноименные белоснежные кроссы, вальяжно прогуливались между павильонами центрального рынка. Узнать в дородной даме Босоножку, непосвященным в этапы ее женской эволюции, было невообразимо. Логичную цепочку рвало не столько несоответствие имени с козырным «Торшен», сколь высокомерный взор светской львицы, рождение которой предусматривало шотландский родовой замок, но никак не местное захолустье. Фома же в кавалере угадывался сразу, ибо его взгляд на шествующую рядом особу, в отличие от заискиваний глазами других мужчин, был хмур и мрачен. Причина недовольства – один из пунктов наложенной епитимьи – выглядывала из огромной сумки, покоящейся на плече мужчины – кухонный суперкомбайн в мгновение ока лишил его двухсот долларов и хорошего настроения. Фома слепо топал за сияющей от долгожданной покупки подругой и, несмотря на душевный надлом, оставался внимателен и быстр. Стоило Ляле наманикюренным пальчиком манерно описать трепетную для Аквинского сердца дугу, остановить перст на очередном съестном прибабасе³⁶ и утвердительно цокнуть языком, как Фома тут же деловито подходил к торгашу, безапелляционным тоном называл цену, а забрав заказ, накидывал для собственного промоушена щедрые чаевые. В ослепительных лучах Босоножки он казался удачливым гангстером и вызывал у испуганных лавочников немое благоговение. Когда Аквинский, довольно потрепав по щеке сговорчивого частника, удалялся, тот, облегченно переглянувшись с соседями, считал себя заново рожденным и немедленно снимал стресс стаканом забористой сивухи. Помня о подсказанных Лялей несоответствиях в злодейском облике, на люди Фома показывался в непроницаемо-черных очках. Погода и сезон не имели никакого значения.

Тщательно оберегаемый имидж бил наповал не только торговые ряды. Попадавшие на пути знакомые приветствовали пару низким поклоном, и, если Ляля в ответ на почтительный книксен звонко щебетала, то Аквинский лишь слабо кривил уголок рта. Отблеск золотых фикс, удостоверяющий прошлое рискованного малого, гармонично вписывался в портрет Фомы сегодняшнего.

Закончив обход последнего ряда, они уже засобирались к выходу, где их на стоянке поджидал вишневый «Опель», как вдруг девушка коброй скользнула в толпу и на излете молниеносного броска ухватила верткого юношу, отчаянно продирающегося вперед. Неугомонно крикливый темперамент подружки никак не соответствовал безмолвию в продемонстрированной атаке, и Фома, привыкший сначала слышать, а только потом делать, позорно растерялся. Ситуация грозила обернуться для его госпожи поломанными ногтями, но очнувшийся-таки оруженосец, кинув сумку, ринулся на подмогу и предрешил исход схватки.

– Что за дела? – осведомился он, потрясая поднятым за шкуру пацаном.

– Аквинский, – пропела Босоножка, – познакомься с молодой перспективной сменой, – и, вмиг сбросив улыбку, ощерилась. – Раззява! Деньги где?

³⁶ Прибабас – деталь предмета, вещь или продукт, отличающиеся оригинальностью или являющиеся атрибутами роскоши.

Фома, скорее машинально, хлопнул по нагрудному карману и ухмыльнулся: – Тута все. Чего кипишь садишь?³⁷ Хлопцу чуть зенки не выцарапала. Дрогнув, рука поползла обратно и нырнула в карман. Пальцы уперлись в донную строчку. Деньгами, еще минуту назад реально существовавшими, там и не пахло.

«Черт. Неужели старею?» – ёкнуло сердце домушника. – «Обставили, как инвалида».

Убедившись в своей правоте, Ляля не успокаивалась:

– Ну? Ты что – язык проглотил? Иди, дядя, оформляй пенсию!

– Не бухти³⁸, – пресек подругу Фома. – Накаркаешь еще. Он?

– Нет, мама с папой!

Рассматривая затрепыхавшегося под рукой подростка, Фома пожалел себя и свои сорок с хвостиком. Хватка с годами ослабевала, а это болезненнее любого оскорбления. Ухудшение внимания – плохой признак. И вот случилось то, что заставляло задуматься о покое... или молодом помощнике.

Домушник аккуратно опустил пацана на землю и, заметив полыхнувший в карих очагах пламень, поспешил разрядить обстановку.

– Аквинский...

Столь быстрая смена настроения не могла не насторожить. Готовый в любой момент драпануть, Юрка осторожно пожал протянутую руку, а губы его опередили ищущее объяснений сознание:

– Сапрыкин.

– Ну что, Сапрыкин? Фартовый ты парняга. Считай, что ничего не произошло. Мы – друзья.

Юрка, здраво предположив, что дружба подразумевает широкий жест, полез за пазуху.

– Стоп. Не будем паскудить чувства деньгами, – отмахнулся Фома. – Сорвал куш – не базарь³⁹, что не дюж. В общем, проехали. А теперь Ляля пригласит нашего нового друга в гости. Я угадал?

От неслыханной благотворительности Босоножка, открыв рот, очумело хлопала ресницами.

– Не слышу, – раздалось чуть тверже.

– Хорош выделяться, Аквинский, – фыркнула девушка и окинула пацана с головы до ног. – Сапрыкин, поехали. Покушаешь, потрещим о том о сем... Да и в ванную тебе не помешало бы.

Резкий переход на гигиену Юрке не понравился.

– Некогда! Мне надо к дяде Степе зайти.

– Вот как? – удивился Фома. – Ты знаком со сторожем?

– Угу.

– Тюли-пули, малыш. Дружок твой второй месяц «охраняет» нары в следственном изоляторе. Так что не вижу причин для отказа...

Они с ветерком прокатились через весь город и, когда въехали в частный сектор, Юрку осенило:

«Вроде добрые», – думал пацан, – «и денег куры не клюют. Приютят, что ли?»

Смутная надежда обрести родителей не покидала его никогда, как бы он не обманывал себя. И теперь, лицезря гордого кормчего за штурвалом иномарки, мальчишка замирал:

«Повезло!»

³⁷ Садить ки'пиш – поднимать шум, скандалить, паниковать.

³⁸ Бухте'ть – ворчать, зудеть, действуя на нервы.

³⁹ Базарить – говорить, рассказывать. Под базаром часто понимаются пустые разговоры.

Иллюзии растворились в первый же вечер, превратившись в алкогольное усыновление. Фома, настоявший на том, чтобы все было как у людей, нахлестался по знаменательному поводу сам и накачал Юрку так, что Ляльке пришлось волочить бесчувственного парня в его новую комнату.

Наутро Сапрыкин боялся шевельнуть головой.

«Нет, родители не спаивают своих детей водкой. А значит, нос надо держать по ветру. Если что – смоюсь...»

После пьянки, в ходе которой «папаша» с блеском продемонстрировал хорошее знание блатного репертуара и панибратски лил слёзы на мальчишечьем плече, Юрка уже не представлял Аквинского своим родителем. И потом, какая из Босоножки мать, ежели она старше пацана на год, от силы – два? Нет, новым друзьям больше подходила ипостась крестных. На том и порешил. Жизнь вступала в фазу неопределенности, и Сапрыкин, целиком доверившись воле случая, почувствовал себя ручейком, влившимся в мутную протоку глубоководной реки.

Псевдоотеческий бедлам

Чужие стены. Пол паркетный. Шпилем крыша.

Уютно здесь, тепло. Не капает, не дует.

А по ночам в душе скребутся мыши

То отчий домовый по мне тоскует.

Первым делом крестник оценил достоинства отдельной мебелированной комнаты с видом на пустырь и потребовал смены утлого диванчика огромной викторианской кроватью, пылящейся в сарае. После трехлетней йоготерапии на продавленной раскладушке счастье представлялось Юрке именно настоящей двуспальной кроватью, с которой, раскинув руки, так легко взмывалось в ночной полет и не свисали, затекая, ноги. Люди в преобладающем большинстве своем до того изнежены, что неделями приспосабливаются к новым условиям. Давит непривычная обстановка, путаются мысли, пропадает сон. С Юркой же все обстояло иначе. Понятие психологического барьера отсутствовало напрочь. Мальчишка не испытывал дискомфорта, видимо, благодаря редкому типу мировосприятия. Сформированное под воздействием неподходящих условий и уличной среды, оно заставляло думать в первую очередь о безопасности и целесообразности, а этическую сторону предпринимаемого шага считало телячьим романтизмом. Сапрыкин впитывал радость от надежного комфортного кроватки полной грудью и ни капли не стыдился своей удачной экспансии, ведь она соответствовала идее – выжить. Через пару лет Юрка прочитает авторитетное мнение о том, что стыд – первый признак сумасшествия и, усмехнувшись, подметит свое душевное здоровье. А пока далекий от фрейдовско-юнговских концепций он просто поступал, как подсказывал ему инстинкт. Напрямую, без словоохотливых посредников.

Разобравшись со своим логовом, Сапрыкин придирчиво осмотрел весь дом, насчитал в телевизоре четыре десятка каналов, окунулся в бассейне, покатав в бильярдной шары и, удовлетворенный, отправился завтракать.

За столом парню приоткрылась разгадка подозрительной щедрости.

– Аквинский, ты видишь то же, что и я? – спросила Ляля, стараясь непринужденно улыбаться.

– Не делай из меня идиота, – Фома недовольно поморщился и тут же глупо подтвердил правоту девушки: – Руки как руки.

Объекты пристального внимания орудовали столовыми приборами с грацией гребца, пытающегося благополучно пройти на каное пороги бурной горной реки. Голод для Юрки был не только не теткой, но даже и не троюродной бабушкой.

– Разуй глаза, алкаш! Да это и есть та последняя надежда для Виктора.

– Ну... Учи ученого! – Фома расправился с отбивной и подскочил табакерочным чертиком. – Виктора нема в городе. Они сейчас в столице ход ладят⁴⁰. Вернется – покажу, а пока

⁴⁰ Ход ла'дить – сложное понятие, подразумевающее целый ряд мероприятий, нацеленных на распространение и укрепление воровского влияния. «Идеологический фронт работы» включает в себя приобщение преступного люда к понятиям, насаждение воровской субкультуры, а первыми практическими шагами становится создание общака (смотри), черной кассы (смотри) как фундамента для дальнейшего возведения воровской цитадели. Координация всего этого довольно непростого процесса осуществляется в рамках общей стратегии – наработанных действенных мер по преодолению агрессивного противодействия со стороны правоохранительных органов. Ход, как таковой, бывает людским (воровским) и мусорским – в зависимости от того, в чьих руках сосредоточена реальная власть – в городе то, городском районе, зоне или тюрьме. Мусорской ход – это разброд и шатание в рядах преступников, когда каждый сам за себя, вследствие чего правоохранительные структуры, не ощущая жесткого отпора «подопечных», навязывают им выгодные для себя условия и подчиняют своей воле. Людской ход неумовимо близок к воровскому, ибо в основе понятий «людское» и «воровское» лежит одно – «единство и взаимопонимание в преступной среде», позволяющее криминалету совместными усилиями сдерживать давление милиции или тюремно-лагерной администрации и заставляющие последних идти на максимально возможный компромисс.

хай приживется и себя покажет, – закрыл опасную тему Аквинский и поторопил крестника: – Малой, включай глубинный насос. Чего ковыряешься?! Дела ждать не будут...

Экзамен прошел успешно. Теперь Фома мог взвалить на Юрку подсобную работу и вздохнуть свободней.

Вечером пацан убивал двойную порцию ужина, запирался в своей комнате на замок и вспоминал прошедший день, перебирая промахи и ошибки. Но стоило лечь в постель и зарыться в шелковые простыни, пахнущие Лялькиными руками, тотчас сердечко начинало бешено колотиться, в темноте вспыхивали озорные глаза крестной и попытки самоанализа безнадежно глохли.

Чуткий сон приносил Юрке неприятные моменты. Просыпаясь от знакомой по детскому опыту возни, мальчишка зажимал уши руками, натягивал на голову одеяло, пел песни и все равно не мог избавиться от режущих нервы звуков. Если Босоножка глухо и неуверенно стояла, то крестный в кульминационный момент орал, как подрезанный.

«Мудак!» – чуть не плакал Юрка от чужого счастья и ненавидел Фому всем своим существом. Свинячий визг от прикосновений к Лялькиному телу мальчишка считал кощунством, и каждый раз, когда он его слышал, оскорблялся до корней волос. В юношеском возрасте половой инстинкт опирается на идеалы. Особенно, если говорить о любви.

Наутро волнующие оттенки в Лялькином голосе бесследно исчезали, и когда мужчины задерживались к столу, она отчитывала провинившихся с привычными интонациями:

– Ох и рожи! Куда весло⁴¹ тянешь?! Хамуру умой, барсук!

«Семья» завтракала, Фома выводил из гаража машину, и сильная половина отправлялась на скок. Девушка присоединялась к ним в случаях крайней необходимости.

Обладая врожденной способностью усваивать все на лету и особым даром игнорировать страх в нужные минуты, Сапрыкин легко схватывал основу неведомого доселе искусства. Фома с завистью открывал в пацане новые грани, а тот уже самостоятельно шлифовал их. Вскоре Юрка с непосредственностью юного гения указывал крестному на недоработки.

– Ты что, глаза пропил? Какого беса этот замок высверливать приспичило? В нем нутро медное – кислоты плесни, – и назидательно протягивал учителю наполненный шприц.

В унижительные минуты Фома обиженно хлюпал носом и клялся найти изъяз в работе ученика, но тот обходил подводные камни так ловко, что оставалось разводить руками и переносить мщение до следующего раза.

Придраться, как известно, можно к чему угодно, и сам повод в таком случае не имеет особого значения. Как-то, увидев в Юркиных руках нож, Аквинский насупился:

– Вот блядь, детсад! Зачем он тебе?

Нож, подарок Степана, крутился в пальцах серебристым колесом. Как сталь исчезла в корпусе Фома даже не заметил. Любуясь резной рукоятью, пацан объясняться не стал:

– Пусть будет.

– Что?! – Аквинский протянул руку и потребовал: – Дай.

Острое жало вновь сверкнуло на солнце. Мальчишка осклабился:

– Понравился? Да? Может попробуешь забрать?

Фома опешил. В холодной насмешке старый арестант подсознательно выделил ту иронию, с какой жираф обзревает сочную зелень низкорослого кустарника. С такой же улыбкой на зонах ломали позвоночники, прошивали печень заточенными электродами и загоняли в петушатню⁴². Бояться было поздно, а отступить нельзя.

«С-сученок! Пригрел гадюку!»

Но вслух не произнес. Соотношение сил требовало мирной развязки.

⁴¹ Весло – ложка.

⁴² Петуша'тня – тюремная камера, отделенная часть барака или весь барак, где живут петухи (смотри).

– Запомни, босяк⁴³. В нашем ремесле никакого оружия. Если швайка⁴⁴ тебе дороже по уму выставленной хаты – нам не по пути. Решай!

Юрка вложил рукоять в протянутую ладонь. Швырнув нож в кусты, Аквинский осмелел:

– Будем считать, что пошутили. Но брыкнешься – выгоню на хер!

Усмотрев в инциденте ущемление своего права собственности, Юрка затаил настоящую злобу. Он опять ощутил одиночество.

«Чужак», – кипел Сапрыкин. – «Вот кто я для них».

Он не ушел от крестных, однако задетая гордость неусыпно взывала к духу противления. Немного отойти помог компромисс – через неделю карман оттягивал другой нож, вдвое страшнее старого. И все же, до конца сгладить неприятный случай не смогли ни Аквинские потуги к примирению, ни теплые глаза Босоножки, ни щедрые гонорары. Просто неразумно возвращаться в подвал за месяц до зимы. Дождаться солнечных дней, а весной и думать...

⁴³ Босяк – уважительное среди преступников обращение. В старину босяк употреблялось как близкое по значению к Вор.

⁴⁴ Швайка – самодельное колющее оружие: заточенный электрод, шило, длинный гвоздь. Самое популярное благодаря своей доступности и простоте средство самообороны или нападения в местах лишения свободы.

Ковбой Мальборо

Хорошая мечта – как сумасбродная жена:

Жеманна, ветрена, ей не сидится дома.

Но наберись терпения, не то обидится она,

Налево повернет и сбудется другому.

Теперь в Аквинском доме Юрка старался не засиживаться. Он надолго пропадал в городе и, бродя по улочкам, рассматривал в витринах дорогие вещи. Нормальная кровать виделась уже анахронизмом. Роскошная жизнь ассоциировалась с наличием джипа, перстня неподъемной тяжести и кожаного плаща. Ноги сами несли Сапрыкина в зал супермаркета, где на уродливом манекене скучало гигантское изделие, воплощающее сокровенную мечту. То ли мужская половина города статью не вышла, то ли провинциальная ментальность не позволяла людям по достоинству оценить индивидуальность новинки сезона, но великолепный ковбойский плащ бездарно прозябал на пластиковом истукане. К своей мечте пацан относился серьезно. Не проходило и дня, чтобы он не проводывал шедевр и мысленно не примерял его на себя. Всегда чего-то не доставало. Поначалу роста – приходилось подниматься на цыпочки, позже – ширины в плечах. Юрка срочно налег на гантели, пока однажды не обнаружил, что догнал манекен по всем, за исключением уродливости конечно, параметрам.

«Не понял!» – сконфузился Сапрыкин. Близость к цели обжигала. Дрогнувшая рука потянулась к плащу. Коснувшись воротника, пальцы пробежали по бархатному отвороту, оставались у кармана, скользнули по мягкой коже вниз. Желание немедленной покупки пьянило. Старенькая куртка, обиженно прошелестев, упала к ногам.

Привыкший к постоянным визитам чудаковатого пацана продавец развлекался порно-журналом и только внутреннее, свойственное торговому люду, чутье, заставило отвести глаза от розовой задницы и подсказало: «Клиент созрел!» Телепортация произошла мгновенно.

– Разрешите вам помочь, – раздался за Юркиной спиной слащавый голос. Умело облачив парня в раритетный макинтош, менеджер отступил назад и всплеснул руками. – Ах! Супер! Превосходно! Страна Мальборо! Ах!

От удовольствия Сапрыкин зарделся. Но полгода мучительных ожиданий просили растянуть триумф до максимума.

– Да? А не великоват?

Менеджер энергично замотал головой. Жажда избавиться от залежалого товара возбуждала фантазию.

– Что вы! Что вы! Это же фасон такой! Последняя волна – «экстримфэшион». Элитная вещь. Второй экземпляр, если не ошибаюсь, в Нью-Йорке. Под таким покроем и тридцать восьмой калибр и «Томпсон» – как у Христа за пазухой! – подмигнул он, верно определив жизненные интересы клиента.

– Сколько? – не выдержал Сапрыкин и был наказан за опрометчивость. Не хватало пары червонцев. Предновогодние дни давали скидку, но опытный торгош уступать не собирался. Протяжный вздох выражал сочувствие.

– Ой! Ну что же вы? А плащик-то сидит как влитой! – и по страдальческой гримасе покупателя убедился, что к вечеру недостающие деньги будут найдены.

Скинув обновку, Юрка повесил её на руку продавца и предупредил:

– На чучело не пяль! Отвечаешь головой, – после чего ринулся к выходу.

Просить у крестных не улыбалось. Близилось время обеденного перерыва и ликвидировать досадную неувязку не составляло труда. Все условия для работы.

Присматриваясь к толпе, Юрка ступил на троллейбусную остановку. Парочка расфуфыренных типов шумно обсуждала планы на вечер. Довольные женщины с набитыми авоськами. Субботняя поездка на рынок – нелегкое, но плановое для домработниц мероприятие, такое же привычное, как движение тряпкой по паркету или раковине. Худосочные студентки с мороженым. Вот с этой, крашеной, Сапрыкин иногда сталкивался у «Старой Фортеции» – бара, мимо которого пролегал его традиционный маршрут. Само питейное заведение Юрка старался избегать, довольствуясь наблюдением со стороны, а запомнившаяся блондинка отдыхала в нем каждый вечер. Пьющих мальчишка не воспринимал, поддающих дамочек – тем более. Поэтому, презрительно сплюнув, отвернулся. Поодаль всех дефилировал пожилой господин жидовской наружности. Не густо. Показалась ползущая улиткой «единица». Времени на раздумья не оставалось и, охватив напоследок пеструю публику пытливым взором, пацан выбрал в жертву еврея. Под кашемировым пальто оно на уровне груди выступали подозрительные очертания – судя по всему, солидный бумажник.

«Вперед!»

В троллейбусной сутолоке карманник едва протиснулся к жертве. Выждал поворот, выставив руку, навалился и обомлел. Пусто – кошелек как не бывало. Вот так фокус. Либо хитрющий дед, вдосталь насмеявшись над малоопытным щипачем, успел перепрятать драгоценную лопату⁴⁵, либо Юрку наглым образом обставили на опережение. Но кто? Ломовые дамы с авоськами не в счет. За спиной – все та же пара пижонов. Рядом жалась легкомысленная блондинка. Значит все-таки мистическая интуиция еврея. Разочарование длилось недолго. В заднем кармане читающего соседа нашлась недостающая сумма и, горя желанием скорой покупки, Сапрыкин выпрыгнул на следующей остановке.

⁴⁵ Лопа'та (лопа'тник) – кошелек, бумажник, портмоне.

Золотая жила

*Так повелось, чем благороднее металл,
Тем репутация его дурнее и дурнее:
«Убийца... ренегат... насильник... мать свою продал»...
А он молчит, отблескивая наше отражение.*

Домой Юрка вернулся затемно. Фома выкатил на плащ остекленевшие зрочки и отмахнулся. На столе высилась литровая бутылка «Сотки», все идеально объяснявшая.

- Будешь? – примирительно предложил Аквинский и громко икнул.
- По какому поводу пьем? – уточнил Сапрыкин.
- О, бля! Да хоть по поводу обновки.
- Тогда нет.

Пацан, не раздеваясь, прошел к себе в комнату и заперся. Босоножка уже спала... Утром как обычно мужчины отправились промышлять. Припарковав машину в престижном микрорайоне, крестный кивнул на ближайшую высотку.

- Видишь?
- Смотря что.
- Белый день, а на кухне свет горит. Второе окно от угла. Проверь и не забудь прозвонить соседнюю квартиру.

Как правило, это делалось для подстраховки, ибо Аквинский был интеллигентным домушником, хоть и примитивным. Двери он взламывал только в случае крупногабаритной добычи или если открыть оные изнутри цивилизованным способом не представлялось возможным. Объекты выбирались интуитивно, но по хитрой системе – каждый раз в новом районе. Выбор считался окончательным, если в удобном доме на уровне трех первых этажей выискивалась открытая форточка, а на звонки никто не реагировал. В многоэтажки домушник проникал исключительно по воздуху и равных ему в этом криминально-прикладном направлении альпинизма не находилось. Даже с жутчайшего похмелья Фома творил чудеса. Бодрым шагом подходя к цели, он фиксировал на стене мельчайшие уступы, выемки и щели, а после с обезьяньей ловкостью взбирался по отвесной плоскости и ужом нырял в зияющий проем. В случае верняка форточку разбивали заблаговременно.

– Не забудь «тезку», – волновался Фома, внутренне настраиваясь на приступ. – Сдается мне, что деньгами сегодня не обойдется.

- На месте, – Юрка хлопнул по раздутому пуховику и почесал к подъезду.

Дальнейшее зависело от проверки. Если чутье Аквинского не подводило – подавался сигнал, «Опель» отгонялся за угол, и Фома шел на штурм. Юрка, околичиваясь на улице, прикрывал тыл и контролировал ситуацию. Войти в квартиру позволялось строго с согласия главного действующего лица. Именно исполнитель определяет тактику для себя и стоящего на стреме, потому на общий страх и риск приглашает второго только в случае нащупанной золотой жилы. Фома хоть и перерос азбучные постулаты и стратегии краж, считая их ликбезом для начинающих, но весьма трепетно относился к аксиомам безопасности. В любой момент мог заявиться хозяин и своевременный расход⁴⁶ ударом помощника по двери – гарантировал чистый «отвал Петрович» через ту же узкую лазейку. Основная проблема специалиста-стремщика заключается в идентификации хозяина квартиры. Этому научить невозможно. Чутье приходит само – иногда сразу, но обычно чуть позже, с опытом, либо не просыпается вовсе. Кое-какие советы

⁴⁶ Расход – сигнал об опасности, говорящий о необходимости что-либо прекратить и немедленно уходить (разойтись).

Фома давал, но одних психологических этюдов недостаточно. Впрочем, у пацана ценный дар проявился быстро и ярко.

Работал Сапрыкин и на высоте. Но, во-первых, выше второго этажа Аквинский его не пускал, не искушая дьявола хрупкими мальчишескими косточками, а во-вторых, смотреть, как ученик не хуже самого аса взлетает по стене, было вредно для самолюбия. Редко в какую пьянку Фома не бил себя в грудь:

– Из тебя, Сапрыкин, выйдет толк. Аквинский лепить орлов умеет! Но на время – я лучший! Третий этаж – 8 секунд! Хули мне Мак-Ларен...

Юрка вышел из подъезда и перешнуровал ботинок. Сигнал был послан. Интуиция Фому не подвела. Через две минуты, отогнав машину к соседнему дому, наставник юркнул в открытую форточку.

В квартире домушник первым делом заглянул во все комнаты, заблокировал на входной двери замок и, удовлетворившись результатом, открыл холодильник. Лучшего способа узнать о благосостоянии хозяев не существовало. Когда батарея дорогих заморских напитков ослепила взор, Фому качнуло. Кадык провалился куда-то вовнутрь.

«Сдохну же после вчерашнего!» – оправдался он за нарушение неписаного правила, откупорил самого пузатого эмигранта и, подлечившись, воспрял:

– О бля! За дело.

Обход начался со спальни. Взгляд скользнул по озерной глади фотообоев и споткнулся на белом лебеде с расчлененной двумя тонкими полосками шеей. Заинтересовавшись, Фома внимательно рассмотрел бедную птицу. Его критическая натура не удержалась:

«Грубая работа, дяляги! Такую пернатую загубить, мать вашу!»

Последовавшие манипуляции напоминали профессиональные действия доктора, перкуссирующего грудную клетку, правда, высокие тона надлегочной ткани выявляли в данном случае болезненный очаг совсем иного рода. Фома возложил на покалеченного длань и несколько раз ударил по ней пальцами. Диагноз подтвердился – под белым красавцем прятался тайник, вмонтированный в несущую стену. Все необходимое для хирургического вмешательства нашлось в кладовке. Зубило уткнулось в щель и, подбадриваемое молотком, легко раскурочило запорный механизм.

– Золотая жила! – фраза не всегда аллегорична, но именно ею ознаменовалось увиденное. На верхней полке сейфа открылся настоящий Клондайк. Сверкающая россыпь ювелирных изделий резанула по глазам, подпитывая домушника наркотиком, действие которого знакомо лишь рискнувшим испытать радость незаконного обогащения. Насладившись головокружительным подъемом жизненного тонуса, Аквинский перевел дух и опять впал в экстаз – на дне притаились ровненькие пачки американских дензнаков. Волнующая картина требовала активизации. Набив карманы, домушник заторопился. Поддерживая налившиеся золотом штаны, Фома придиричливо осмотрелся. Фотографии, кубки, дипломы, медали...

«Стоп!»

Проверка заняла еще одну минуту. Любопытство вызвали не чужие достижения, а их памятные знаки. Определив позолоченный мельхиор, Аквинский выругался. Интерес к регалиям быстро угас. С появлением в его судьбе Ляли, натаскавшей в дом последние новинки видеотехники, тяга переть на горбу чужую аппаратуру давно пропала. Но то, что крадун узрел в зале, оставить равнодушным не смогло. Домашний кинотеатр с плазменной панелью, любимой Лялькиной компании «Samsung» обещал сэкономить в будущем пару тысяч и внес изменения в первоначальный план.

По сигналу Юрка нарисовался не сразу – горизонт, видимо, не радовал чистотой. Потому, узнав причину вызова, он без обиняков покрутил пальцем у виска:

– Тебе что, денег не хватает купить это барахло?

– Ну... Развякался тут...

В лицо дохнуло незнакомым ароматом «Шато-Лафит». Сапрыкин в коллекционных французских винах не разбирался и считал «пойлом» любую жидкость, содержащую спирт. Улыбающаяся будка наставника и запах перегара вызвали раздражение.

– Ханыга. Уже нажрался.

– Та цыц, сопляк! – передернуло Фому. – Хапай. – Он облегчил штаны, передал ключи от машины и кивнул на мешок. – Тяни колонки. Подкатишь «опель», а я пока бандуру упакую. Ох, Лялька и обрадуется!

Заматывая панель в пододеляльник, Аквинский и не заметил, как Юрка на выходе прихватил черный кейс. Собственно, учитель не пресекал инициативу, если она не шла в разрез чистоте нюансов. На улице было спокойно. Пацан пристроил мешок с колонками в багажник и забрался в салон. Золото исчезло за дверной обшивкой, кейс от удара ноги залетел под пассажирское сиденье. Сапрыкин провернул ключ зажигания и едва не вскрикнул в унисон старенькому стартеру. К знакомому подъезду, тихо урча, подкатил темно-синий джип. Класс авто и выставленной квартиры совпадал. Закон подлости, подкарауливающий домошников – часть рискованной, задекларированной в правилах, игры. Предъявлять претензии можно разве что самому себе.

Из джипа вылезло грузное тело хозяина квартиры – в идентификации Юрка не сомневался. Высокий крепыш перебросился с водителем короткими фразами и потопал домой. На ступеньках подъезда дорогу ему преградил навьюченный Фома. Обокраденный вежливо пропустил взопревшего от трудов мужчину, но тут же, то ли узнав свой пододеляльник, то ли уловив под ним памятные очертания, резко обернулся.

– Эй!

В отличии от людей с именем Вор, обладающих особым даром – воровским шиком, включающим не только красоту и чистоту совершения кражи, но и находчивую импровизацию при запале⁴⁷, Аквинский принадлежал к второсортным актерам. Его приземленный житейский уровень контакта со зрителями не предусматривал. Выдержки хватило на три шага. На четвертом домошник пустился в акробатический аллюр. Следовало бросить эту чертову панель – так оставался шанс добежать до «опеля», но будучи полномочным представителем собственной школы, гордящейся интеллигентностью и бережливостью, он не изменил стилю, сохранив почерк до конца.

«Любая царапина ведет к иску», – занозой сидело в подсознании, не позволяя поступить с вещью грубо, а времени аккуратно поставить ее на землю не предполагалось по условиям забега.

Аквинского зажали в клещи, когда он, уводя преследователей в противоположную от «опеля» сторону, выскочил на проспект. Слева – джип, справа – крепыш, выявившийся весьма и весьма прытким. Фома, справедливо предположив, что занавес будет кровавым, решился на фол последней надежды. Он остановился, бережно опустил причину марафона на подмерзшую травку и, цинично улыбаясь, залился в извинениях.

Случалось, что потерпевшие, довольные поимкой лихоимца и возвратом украденной вещи отпускали того после бурного диалога и нескольких подзатыльников, а позже, дома, хватались за сердце. Схема «взломал-взял-на радостях убежал и не вернулся» выглядит тем наивней, чем богаче квартира. Во-первых, злодей может быть с напарником. Во-вторых, есть уникимы, которые, используя принцип челнока, опустошают самую зафаршированную хату догола в считанные минуты. Посторонний наблюдатель и не поймет, что одиноко снующие по двору парни – члены одной команды, и все они – звенья живого конвейера. Каждый, чтоб не воз-

⁴⁷ Запа'л – неудача, провал, раскрытие своей причастности к чему-либо, что может повлечь неприятные последствия. Спалиться (запалиться) – значит пойматься в каком-нибудь предосудительном деле.

буждать подозрений, берет по вещичке и курсирует туда-сюда между апартаментами и местом разгрузки.

Как бы там ни было, монолог Аквинского не возымел успеха, не вызвал интереса и прервался в самой завязке. Здоровяк ухватил крадуна за шиворот. После первой же оплеухи Фома обмяк тряпичной куклой. Вторая, явно лишняя, служила, по всей видимости, утверждением непреложного превосходства. Так сказать, для солидности. Бездыханное тело перенесли в багажник, и хозяин квартиры, послав водителя на место преступления, уселся за руль. Джиپ рванул к центру.

Стиснув зубы Юрка наблюдал всю сцену от бодрого начала до печального финала. Почему-то казалось, одной полицией не обойдется.

На случай запала существовала отработанная процедура с четким распределением очередности шагов: позвонить другу всех домовников города – Адвокату Богачу, внести, если потребуется, аванс и, наконец, сообщить о беде Ляле. Сапрыкин немедленно занялся хлопотами. Договорившись с адвокатом и кое-как успокоив Босоножку, пацан вернулся в машину. Прошел час, а полиция визитом так и не порадовала. Незвестность тяготила. Чтобы хоть чем-то отвлечься от дурных мыслей, Юрка вытащил золотые побрякушки. Улов выдался настолько щедрым, что хватило бы на покупку не последнего авто из Е-класса. По рассказам Ляли горстка колечек с камешками обеспечивала безбедное бытие в течение года, а то и двух. Сегодня они взяли десять горстей. И это, не считая денег. Царский сейф.

«Держись, Фома», – содрогнулся Сапрыкин, вспомнив хозяина квартиры.

– Да... Такого бугая и инфаркт не возьмет... Чемодан!

Семерка трэф

*Такой колоды не видал я сроду...
Что ни раздача – у него одни тузы!
Немало, чую, он переиграл народу,
И мне не сбить его с козырной со стези...*

Несмотря на все усилия, тот не поддавался.

«Во гадина, а! Наверное, опять бумажки – фирмы, офисы, магазины... Все равно дупля не отстрелю⁴⁸»

Судьба документов и прочих малопонятных пергаментов обрывалась в кострище, который они с крестным устраивали на прилегающем к особняку пустыре. Улик Аквинский не терпел. Исключение составляли бумажки с верняков. Они передавались наводчику⁴⁹ и нередко выгодно перепродавались, принося дополнительные дивиденды.

С досады пнув чемодан, Юрка помрачнел.

«А что, если...» – мысль попробовать обменять Фома на кейс родилась спонтанно:
– Чемодан солидный, может, ценное что.

Предупреждая дальнейшее развитие глупой идеи, во двор въехало четыре машины. Увидев высыпавших из них мордovorотов, Сапрыкин понял, что договориться будет сложно, а то и вовсе невозможно. Задерживаться у дома становилось опасным. Он плавно вывернул руль и, переборов соблазн утопить газ до полу, медленно покатылся навстречу компании.

«Ух и лбы», – пронеслось в мальчишеской голове. – «Гвардия на маргарине⁵⁰».

«Гвардейцы» проводили «опель» подозрительными взглядами и вернулись к шумному обсуждению.

Сапрыкин гнал домой. Не туда, где прожил последние несколько месяцев, а в подвал, ключ от которого всегда носил с собой. Пустынный зеленый базарчик встретил пацана грустным пейзажем. Вот и его старый дом. Замок от прикосновений Юркиных рук проснулся и недовольно звякнул.

«Надо же, целехонький!» – обрадовался хозяин. Вскоре все улики нашли себе укромные убежища. Чемодан Сапрыкин от греха подальше зарыл, а деньги и золото схоронил в нише за хитрым кирпичом и, удовлетворившись результатами кладокопания, покинул свое логово успокоенным. Теперь можно узнать последние новости.

Он остановился, достал мобилу, выхваченную у одного неприметного бобра по случаю дня рождения и набрал номер адвоката. От услышанного по телу прокатилась холодная дрожь.

– Юра, хорошо, что ты позвонил. Беда! Фомы больше нет. Его труп обнаружили под Старогородским мостом час назад...

Богач подробно описал картину происшедшего. Тело лежало в обломках видеопанели, а из кармана рубашки торчала таинственная карта семерки трэф. Другие обстоятельства – гласности не предавались. Оперативно-следственная бригада склонилась к версии самоубийства. Карту, соответственно, отнесли к объяснимому факту, помня о пристрастии погибшего к игре.

⁴⁸ Дупля не отстрелить – ничего не понять.

⁴⁹ Наводчик – информатор, сообщивший о верняке.

⁵⁰ Гвардия на маргарине – собирательное выражение. «Гвардия» и вообще все, что связано с военной, армейской службой, несет в разговорах уголовников заведомый негатив, ибо по понятиям неприемлемо бездумное исполнение каких-либо приказов. Маргарин – иносказание, высмеивающее суррогат мозгового вещества в голове глупого человека. Качать маргарин, к примеру, – заниматься чем-либо далеким от интеллектуальной деятельности, скажем, примитивным физическим трудом или видом спорта (культуризм), не требующим абсолютно никаких, по мнению криминалитета, умственных способностей.

Но по городу расползлись слухи о другом значении крестовой семерки и о начавшихся криминальных разборках.

– И еще, Юрочка, – предупредил адвокат. – Поговаривают, что кто-то выставил квартиру Никольского. Если к этому был причастен Фома, то с минуты на минуту к вам нагрянут гости. Люди очень крутые. Позаботься о Ляле. Она все знает. Мальчик мой, да хранит тебя Господь! Больше я ничем не смогу помочь...

Какое-то время Юра не мог очнуться. Трубка, словно приросла к его уху, посылая в мозг тревожные короткие гудки. Потом одеревеневший палец попадал не в те цифры. И совсем не похожая на жизнерадостную беззаботность крестной гнетущая тишина.

– Ляля?

– Да, Юра, говори. – Сапрыкин почти физически ощутил ее боль. – Слышь, Лялька, не дури... – его голос, увлекая за собой накрученные в гортани витки энергии, гудел, как трансформатор в миг критического скачка напряжения. В этих звуках было мало человеческого и напроочь отсутствовало вчерашнее детство.

– Не дури, понятно? – повторил Юрка. – Собирай манатки, мы на время уезжаем. Я буду через десять минут...

Машину он оставил на пустыре и, убедившись в отсутствии чужаков, перемахнул забор. Дом встретил тишиной и только у спальни юноша услышал сдавленное рыдание. Рука легла на дверную ручку и замерла. Даже сейчас ему требовались усилия, чтобы перебороть глупую неловкость...

Неделю назад Босоножка заглянула к нему в комнату, после традиционного пожелания спокойного сна погасила свет, а затем неожиданно выросла у кровати. Мягкие волосы шелком проскользнули по обнаженной груди, и его губы ощутили прикосновение поцелуя. Шалея, Юрка с ужасом проваливался в темную бездну распахнутого перед ним халата.

– Что, приплыл? – горячий язык обволок ухо. – Скажи, я тебе нравлюсь?

Расценив ответное молчание грубостью, она испарилась во мраке. Откуда ей было знать, что у него просто пропали все слова...

Той ночью Сапрыкин утопал в неприличных фантазиях, а утром, вырвавшись из сладкого плена, обнаружил на простыне влажное пятно. Досадный факт нуждался в уничтожении следов. Фома отправился на кражу сам, а Юрка полдня провозился в ванной комнате, смывая последствия ночного визита. Хитро щурясь, Босоножка несколько раз предлагала помощь, и, получая категоричный отказ, рассыпалась плутовским смехом, чем доводила Сапрыкина до белого каления. Но и этим всё не ограничивалось. На следующее утро история повторилась. Вконец растерянный пацан услышал:

– Чай, взрослым становишься? Пора бы и царевну завести.

– Чего? Тоже мне, советчица, – огрызнулся Юрка, отерев пот со лба. Стирка становилась проклятием.

Лялька прикрыла за собой дверь. Несколько мгновений, и грубиян трепыхался зажатым в углу. От близкого запаха женщины закружилась голова и рухнула воля, поэтому, когда он вновь ощутил прикосновение ее тела, сил на сопротивление не осталось. Не сводя с мальчишеского лица серьезного взгляда, Ляля медленно провела рукой по выпирающим габаритам.

– Такое добро пропадает. С ума можно сойти.

Юрка понял, что сейчас это произойдет. Что-то загадочное, незнакомое и такое желанное. Глаза стыдливо прикрылись...

– Надоест драть – приходи в спальню, – долетело уже из коридора.

Так, как в ту минуту, Сапрыкин еще никогда не краснел... «Комплекс Босоножки» действовал парализующе. Неизвестно, сколько потребовалось бы времени на его преодоление, но Ляля, предвосхитив исход внутренней борьбы, возникла на пороге собственной персоной. Заплаканное лицо заставило Юрку сглотнуть подступивший к горлу комок.

– Ты готова?

– Я никуда не поеду, – холодно объявила она.

– Как?

– Как слышал. Уезжай сам, – сдув с уголка рта предательскую слезу, Ляля бесстрастно оттолкнула его и, дойдя до середины комнаты, обернулась. – Это мой дом, и я остаюсь. Ты ничего не знаешь обо мне...

На улице раздался визг тормозов.

– Уходи. Немедленно. Со мной все будет хорошо. – Она обвила его шею тоненькими веточками рук, всхлипнула и повторила: – Прошу тебя, уходи.

Исчез Сапрыкин через свое окно. Спрятавшись на пустыре, он видел, как молодчики вывели Босоножку, усадили в машину и, повернув за угол, увезли в неизвестном направлении.

Лапландец

*Бывают встречи не на вечер.
И разговор не до утра, а на года.
Для душ людских словесная предтеча
Как семенам весною талая вода...*

В подвал Юрка не вернулся. Знакомая торговка с зеленого базарчика, поколебавшись, сдала комнату в своей просторной квартире. Принять нужное решение ей помогли золотые серьги с фианитами, небрежно брошенные в процессе переговоров на стол. Искушение обладать ими растопило ледок подозрительности старой девы, а после того, как квартирант «ненароком» оставил на ее пальчике симпатичный перстенок, и вовсе стала родной и близкой.

– Юрочка, ты не голоден? А может молочка или витаминчиков? Мальчикам полезно, чтобы инструмент не подводил, послушай бабушку, – откровенно допекала престарелая сорока состоятельного во всех отношениях жильца.

Каждый раз возвращаясь с прогулки, он ощущал себя минным полем, готовым сдетонировать от малейшего смещения земной коры. Леди, давшая ему приют, растеряла все признаки дворянского воспитания.

При виде Сапрыкина ее сухие выцветшие губы вытягивались стрункой в предвкушении щедрого подарка, а твердый взгляд металлоискателем шарил по карманам, угадывая, где спрятан благородный сплав. Разочаровываться следопытка не умела. Не получив очередной побрякушки, она терпела до ночи, выжидала пока погаснет у квартиранта свет и давала рукам вольную. Многоопытный в прошлом специалист по ночным обыскам, сдерживая смех, притворялся спящим, а когда хозяйка натыкалась на «случайно» оказавшийся в вещах ржавый болт и глухо ворчала, он переворачивался на другой бок и безмятежно засыпал. После обильной прикормки вначале, старуха надежно заглотила золотой крючок и безропотно ждала удачной подсечки. Везло ей отныне исключительно по праздникам, даты которых жилец устанавливал сам.

Близилось Рождество. В центре города расщедрившийся муниципалитет водрузил огромную ель, окружил светящееся огнями дерево ледяной баррикадой, а на площади открыл платные аттракционы. Пустующее обычно место стало для горожан эпицентром развлечений. Юрку, как и всю счастливую толпу, захватил далеко не провинциальный масштаб к подготовке Нового года. Ходили слухи, что лесная красавица – вторая по величине в Европе после лондонского «Christmas tree», а пышностью убранства переплюнула надменную конкурентку с туманного Альбиона. Городская любимица радовала глаз ярким нарядом и архисложностью иллюминации, тешила гордые души местных патриотов. Смех, веселье, озорные гулянки не прекращались до самого утра. Как дань уважения неунывающему народу, зимушка щедро одарила город снегом и, покрыв грязные тротуары и раздолбанные дороги невинным флердоранжем, усилила всеобщее ликование. Тонкое замечание о том, что ожидание праздника лучше самого праздника, как нельзя точно соответствовало загадочной славянской душе.

Если днем Юрка пропадал в троллейбусах и трамваях, то к вечеру переносил акцент на центральную площадь. В толпе Сапрыкин приобретал странные неосознанные способности, в суть природы которых старался не вникать. Стоило мозгу уцепиться за эти мысли, мешающие наблюдать, Юра старательно глушил волны и переключался на частоту более актуальных проблем. Молодой человек легко угадывал род занятий попадающихся на пути людей, правильно оценивал благосостояние, что впоследствии часто подтверждалось, и всегда вовремя останавливался, если чувствовал потенциал собственных возможностей ниже показателей клиента. Как срабатывал механизм пророчества, он не знал. Выводы приходили сами, достаточно было собрать зримую информацию о внешности, деталях гардероба и прислушаться к интуиции.

Блуждая среди городских пижонов с маской наивного равнодушия, он сначала разглядывал людей, а потом, избрав нужный объект, концентрировался на нем. Никто не замечал, как улетучивались признаки меланхолии при виде «пыхатых» снобов в дорогих одеждах. Он довольно быстро прятал огонек, загоравшийся в глазах, и сдерживал колыхающийся внутри пламень страсти до искусственного столкновения, а после мчался к елке и от души веселился.

Жизнь текла тихо и безбедно. Единственным беспокойным омутом в ее прозрачных водах чернела память о Босоножке. Но приключившаяся вскоре история оборвала невидимую ниточку с прошлым.

Он сразу выделил этого человека в толпе. Внутренний «навигатор» самостоятельно заострил внимание на высоком пожилом господине с горделивой осанкой. Юркин жизненный опыт не располагал необходимыми сведениями, чтобы классифицировать и отнести незнакомца к какой-либо категории. Одно он определил точно – уровень старика недостижим. Посеребренная голова, прикрытая строгим кепи, утонченные черты лица, без единой морщинки, длинное с соболиным воротником пальто, относящее владельца, как минимум, к городской знати и, что особенно заинтриговало – белые лайковые перчатки, которые с неповторимым изяществом плотно облегли тонкие, совсем не взрослые пальцы. Последними штрихами в портрете вымершего аристократизма были такой же белоснежный шарф, обрамляющий шею старика по идеально ровной линии, и высокие начищенные до блеска старомодные ботинки. «Барон какой что ли?» – не сдавался Юрка. «Экспонат» требовал изучения. Сапрыкин, потеряв ощущение реальности, хвостом плелся за дедом, изредка корректируя дистанцию, а когда незнакомец неожиданно втерся в многолюдный живой поток, кинулся следом, но старик словно испарился. Беспомощно оглядевшись, пацан обругал себя за нерасторопность и в ту же секунду попал под визуальный артобстрел невидимого противника. Сквозь сонмище спящих людей проглянуло знакомое пальто. Белая полоска над воротником у стоящего в полуметре господина не оставляла сомнений – он.

– Кыш, сямка, – прошил рассерженный незнакомец. Интонации могли поразить любого. Голос в диапазоне уверенного превосходства прозвучал тихо и властно: вряд ли нашелся бы человек, устоявший перед магическим воздействием сдерживаемой у грани ярости.

– Я не сямка, – рыкнул в ответ Юрка, сжав кулаки и не собираясь отступать. Дед был на голову выше и шире в плечах, но юноша считал такое преимущество недостаточным.

– Да? – окинув белобрысого ястребиным взглядом, удивился незнакомец. – А кто же ты? – снизошел он до любопытства.

– Сапрыкин. Юрка, – за броней невозмутимости старался выдержать визуальный натиск, но голос, надломившись хрипом, подвел и предал его.

– Чего? Это ль не тот, что Жеглову Фокса стуканул? – с ехидцей воскликнул старикан, беспардонно привлекая к парню внимание окружающих.

Негодую от возмущения и досады, Юрка отвел взгляд.

«Ну и... чего орет?»

Ладонь в белой лайке кометой описала в темени яркую дугу, шлепнула его по макушке и вновь вернулась к карману.

– Не рычи, когда со старшими разговариваешь.

Не понимая, как деду удалось прочесть его мысли, Сапрыкин совершенно растерялся. Пока он, хлопая глазами, строил парapsихологические гипотезы, старик ловко вильнул в сторону проходящей пары и мгновенно вернулся на исходную позицию.

«Ба! Как? Невероятно! Он сделал это», – завертелась карусель восторженной зависти и, забыв о правилах хорошего тона, Юрка распахнул глазищи. Уважение к мастерству раздуло тлеющий внутри уголек симпатии и дед, еще мгновение назад вызывавший раздражение, почувствовался добрым Санта-Клаусом. На такой рискованный пируэт Сапрыкин никогда бы не осмелился. Можно вытащить из кармана кошелек, проделав фокус незаметно для владельца, но,

чтобы, играючи, умудриться снять золотую цепочку с бычьей шеи грозного фраера⁵¹, даже из-под куртки которого очевидно угадываются круто перекачанные мышцы – этого Юрка не мог и представить.

– Воздухозаборник прикрой – кишку простудишь, – едко посоветовал дед, отмечая наблюдательность собеседника и, качнув головой, пригласил последовать за собой.

Парочка вальяжно пересекла площадь и на входе в парк элегантный старик замедлил шаг.

– Как величать то тебя от роду?

– Юрка. Кудрявцев Юрка.

– Кудрявцев Юрка... – задумчиво повторил незнакомец.

– А твое имя как? – не остался в долгу Сапрыкин. Он изо всех сил старался произвести благоприятное впечатление на старика, владеющего множеством колен.

Непробиваемый дед косился по сторонам, выискивая в гулящей толпе интересных ему субъектов. Процесс знакомства затягивался.

«Выхватить бы парочку колен», – думал Юрка, ожидая ответа. То, что он услышал, озадачило, сбilo с толку и где-то даже задело обостренное самолюбие.

– Вор, – коротко и ясно выдал дедок.

«А сам-то, кто?» – взъерепенился Сапрыкин. Впрочем, ума сдержаться почти хватило.

– Не зарывайся, дед, чай не крот. А то...

– Что? – презрительно процедил дед. Из-под серых бровей взгляд вызывающе упал на Юркины сжатые кулаки, откровенно приценился и вновь прыгнул на переносицу парня.

«Сейчас опять что-нибудь выкинет», – внутренне сжался Кудрявцев, но лицо старика заискрилось доброжелательностью. То ли соперник принадлежал не к той лиге, то ли просто пропала охота трепать нервы, однако незнакомец благодушничал:

– Видать, тебе никто не растолковывал-то понятий⁵².

Казалось, Юрка издевается, испытывая деда тупостью.

– Чего не растолковывал?

– Жизнь нашу⁵³, кровью писанную, – взвился незнакомец, тяжело вздохнул и спокойно добавил: – Ладно, не сейчас.

Придя в себя, он протянул руку.

– Виктор⁵⁴.

⁵¹ Фраер (также фрайер) – жаргонизм, о который ломали перья многие авторы, неофиты криминального жанра. На чистом уголовном языке (мурке) фраер – это человек не способный достичь Имени Вор за какие-либо грехи в «свободном» прошлом (например, из-за службы в армии). Впоследствии в уголовной среде, всегда держащей на прицеле юмора и сарказма недостатки, слабнки, чрезмерные амбиции, фраерами, то есть, буквально, людьми, которым не дано достигнуть, несмотря на все потуги, желаемого, стали называть тех, кто старается казаться куда весомей того, что представляют собой на самом деле. Но ирония иронией, а фраер – это далеко не просто «бывший гражданский человек», как трактуется во многих произведениях криминального жанра. Фраером могут назвать и профессионального крадуна и убежденного жулика (смотри). Встречаются даже такие «перлы» как «бешенный фраер», «козырный фраер», которыми награждаются уж весьма неординарные личности.

⁵² Понятия – своеобразное видение преступным миром того, «что такое хорошо и что такое плохо», в основе которого лежит его представление о справедливости, добре, зле, правильном и не правильном. Чистота понятий – их объективность и догматизм – ревностно оберегается, а «ересь» жестоко преследуется. Фабула понятий постоянно передается из уст в уста и по сути каждый уголовник знаком с этим сводом криминальной этики. Понятия охватывают все аспекты преступной морали и поэтому, разумеется, не реально запомнить, вызубрить ответы на все случаи жизни. Понятия (то же, что понимание жизни) постигаются постепенно, самим образом жизни. Им, понятиям, следуют интуитивно, исходя из краеугольных тезисов, оттачиваясь от своего уже пережитого опыта. Стоит отметить, что при множестве «шапок»: бандитские, рэкетирские и прочие, понятия на самом деле только одни – воровские, а упомянутые бандитские или рэкетирские поведенческие регламенты – их искаженные, подогнанные под чью-то выгоду вариации – эрзац.

⁵³ Жизнь наша – все, что имеет отношение к жизни уголовного мира и тонко ассоциируется с идеалом, точно соответствующим предписанным понятиями нормам. Посему выражение «не от жизни (нашей)» созвучно с «не по понятиям» – не правильно значит, не справедливо. И наоборот, «по жизни» – означает верно, без отступления от понятий.

⁵⁴ Виктор – в уголовной, арестантской среде называются либо именем, либо отчеством, либо кличкой, и если брать строго по понятиям (жизни), добавляют суть своего образа жизни: Мужик, Бродяга, Вор... Возраст значения не имеет, а обращения по имени-отчеству не распространены.

Потенциала странного деда в избытке хватало, чтобы приструнить нахалёнка. Случись эта встреча в другое время и с грубияном, от которого не веяло бы таким душевным родством, старик без долгих разговоров так бы и поступил. Но в пацане сидело нечто, отчаянно кричащее: «Мы с тобой одной крови!»

– Скажи-ка, малыш, чем ты живешь? – потянув молодого человека на аллею, спросил дед.

– В каком смысле? – опять не понял Юрий.

– В смысле смысла, – едва удержался Виктор.

Недоуменное лицо собеседника вернуло снисходительность, и старик отчеканил:

– В жизни у каждого из нас своя дорога и свой смысл. Кто-то называет их предназначением, с чем я категорически не согласен. Кто-то – предопределением. Не слышал древнегреческую легенду о трех дочерях Мойры?

– Бабами не интересуюсь, – насутился Сапрыкин. Разумничавшийся на скользкие темы старик напомнил ему фотографию гипсовой головы с обложки заумной книги, где, вроде, речь о каких-то греках и шла.

– Хи, – дед улыбнулся и тотчас съязвил: – Может, тебя петухи⁵⁵ привлекают?

С полным морозом на лице, что вполне соответствовало погоде, Юрий серьезно заметил:

– Предпочитаю кур. Обжаренных, с корочкой. Не против и цыпят табака, – в изголодавшемся теле сознание рисовало кулинарные шедевры.

Опять мимо.

– Куры⁵⁶ – это те, кто стучит. Иными словами – суки, мусорские бляди⁵⁷. А они долго не живут, понял?

– Пытаюсь, – развел руками Сапрыкин, – но пока не понял. Выходит, цыпят того... ну это, сам говоришь – чтоб курами не становились и не стучали?

«Не глуп», – дед отметил находчивость парня, сумевшего связать несовместимые понятия, а вслух пояснил:

– Гребни красные у них, видал?

– Ну.

– Что петухи, что куры – все они единой сущности. И цыпята их – те же гребни, перья и клювы. Ежели «табака» с корочкой из них не спечь, вырастет курка либо петушок. А они – не нашей масти. Петух – он долбится, курка – стучит. Уразумел?

Хотя Юрка понял частично, истинное понимание пришло много позже, он, сообразив, что речь идет о серьезных вещах, утвердительно кивнул.

– Да что здесь разуметь? Не нашей масти. Какая же она у нас, а, дед?

– Черная. Воровская. Слышал о такой, внучок? – отечески спросил старик.

Не заметив, как подтаял ледок в устах достопримечательного деда, Юрий удивился открывшейся близости между собой, Виктором и любимым цветом, названного мастью.

– Черная, – трепетно прошептали губы, а мысли вдохновенно просияли:

«Моя масть...»

⁵⁵ Петухи – педерасты, они же «обиженные», «опущенные», «дырявые». Низшая прослойка преступного общества, изгой, живущие на правах неприкасаемых.

⁵⁶ Куры – стукачи, осведомители, сексоты.

⁵⁷ Мусорские бляди – определение, вынесенное в адрес тех, кто отступил от воровского, перешел на сторону тюремно-лагерной администрации и, пользуясь ее опекой, зверствует, выполняя грязные, жестокие поручения. К примеру, почти в каждом центре имеются так называемые пресс-хаты – камеры, в которых по указке из кабинетов тюремных оперативников, управлений министерства внутренних дел, издеваются, выбивая нужные показания, над не признающими своей вины арестантами, ломают дух неугодных правоохранительным структурам лиц, обладающих среди преступников авторитетом и отказавшихся от сотрудничества. Контингент пресс-хат состоит из отбросов, имеющих по жизни серьезные проступки и появляться которым в порядочных камерах или в зоне небезопасно для жизни. Поэтому мусорские бляди за обещанную администрацией заботу об их судьбе выполняют любую прихоть «опекунов».

Зимнее имя

*Мужских характеров булат
Скрестится, ослепив глаза Фортуны.
Сольются брызги искорок в карат,
Кристалл являя в мир подлунный.*

Они увиделись вновь. На следующий день Юрий как никогда рано подскочил и, вняв сонным упрекам тетки Клавы, не успевшей с завтраком, заспешил к назначенному месту встречи с чувством позабытой «охотничьей» легкости.

Фактически торопиться было необязательно, ибо в запасе оставалось несколько часов, а до нужной точки – десять минут ходьбы. Тем не менее он спешил. В память намертво въелись прозвучавшие при вчерашнем прощании дружеские наставления о явлениях:

«Можно представиться, а лучше явиться. Можно уйти – не обязательно смыться. Можно отмыться, если не в душе», а в ду'ше. Представляемся все мы. Рано или поздно – каждый предстанет перед Господом нашим и будет ответ держать. Мы – за то, что крадем и воровским живем, другие – за предательство и плутовство, а мусора – за скотство. Мужику⁵⁸, если согрешил, можно напиться и явиться. Бродяге⁵⁹ впадлу самолично мозги дурманить и волкам⁶⁰ себя на растерзание кидать. Он может явиться – не запылиться на сходняк⁶¹, может на стрелку⁶² или к бабе, коль запала. Опаздывать на такие мероприятия – что в грязь лицом ткнуться. Не пришел на стрелку – просквозил значит, люд тебя всерьез не воспримет. А если ты чушь без роду, имени и племени – кому ты нужен? Посему, ежели сказал – стрелка в девять тута, пропади, но будь...»

При всем желании Виктор не смог бы передать понятий преступной философии за один вечер, но прибытие Сапрыкина за два часа до назначенной встречи свидетельствовало о незаурядных способностях деда. Юрка всегда был себе на уме и мало к кому прислушивался. Виктор же первым сумел пробить брешь в ребяческой самоуверенности. Юрий не просто слушал, затаив дыхание, он впитывал, глотал жадно и с наслаждением, как хищник у водопоя после обильного завтрака ланью. Знакомые с детства слова приобретали иное значение, новый смысл интриговал и открывал невиданные просторы родственного духа. Слово Вора будто сил вдохнуло затерявшемуся в джунглях путнику, подарило колодец со спасительной водицей пустынному страннику, распахнуло небо истосковавшемуся узнику. Оно влекло, тревожило, облагораживая душу, и снова влекло дальше таинственной силой открывшейся истины.

Теперь Сапрыкин знает, кто он, ради чего и по каким принципам живет. Непримиримая бродяжья натура ночь напролет вспоминала разговор и, стыдясь глупых ошибок, краснела до астральных пят. Виктор промолчал, когда Юрка безбожно сжимал кулаки и достойно вынес примитивную глупость всех мальчишеских выходов.

⁵⁸ Мужик – вопреки общепринятому мнению, это имя не является сколь-нибудь зазорным или унижающим своего обладателя. Мужик, в отличие от Бродяги (смотри), не живет строго по понятиям, а лишь в разной мере придерживается их. Воровской мужик – уважаемое среди преступников имя, это порядочный арестант, чистый по жизни, но по разным причинам, и по личному желанию в том числе, не претендующий на достижение большего имени. Блатной (приблатненный) мужик-арестант, в силу своих убеждений и мировоззрения игнорирует требования тюремно-лагерной администрации, например, отказывается от выхода на работу (смотри отрицалово).

⁵⁹ Бродяга – имя, а также образ жизни того, кто стремится к имени Вор и непрерывно совершенствуется в этом устремлении. Во многих Бродягах Воры видят равную себе молодую смену и уважительно называют их младшими братьями.

⁶⁰ Волки (позорные) – то же, что мусора.

⁶¹ Сходняк (сходка воровская) – встреча на «высшем уровне», инициируемая Ворами для решения вопросов обсуждения спорных моментов, наболевших проблем.

⁶² Стрелка – назначенная в определенном месте и в оговоренное время встреча.

«Жалкая картинка. Я, наверное, выглядел смешным. Подумать только – возомнил себя героем», – мучился пацан.

На стрелку урка прикатил за рулем черной «Волги». Припарковавшись, он вышел, аккуратно захлопнул дверь и посмотрел на часы. Незаметно к деду подобраться не удалось. Когда в отражении автомобильных стекол поплыла знакомая фигурка, по лицу Виктора растеклась улыбка.

– Круто живем, деда! Твоя? – поглаживая девственную полировку машины, спросил Юрка.

– Крутые бедра у девок, сиськи, крученые у дам, а жизнь наша обыкновенная – день лётная, день нелётная, изредка – налётная.

«Ну дела... Что ни слово, то беда».

Сапрыкин, не так давно гордившийся почерпнутой у Фомы блатной феней⁶³, приуныл.

– Ладно, не сади измену, малыш, – подбодрил дед.

– Какой я малыш? Семнадцать стукнуло!

– Ого, какой взрослый. Да одно – не в полноте покамест. У нас ведь как? Возраст не определяет отношение. Познания и поступки формируют его. Чем явственнее понимаешь, тем серьезнее воспринимают, соответственно и относятся. Отсюда и понятия воровские силу берут. Когда ухватишь суть, поймешь смысл, примешь традиции и разберешься в нюансах – тогда Воры в тебе равного признают и подход⁶⁴ сделают, а пока слушай, смотри и запоминай. Может и будет из тебя толк-то, бестолковка.

– Не бестолковка я. Не бестолковка – и все тут, – заартачился Юрка. – Зови, как хошь, но не бестолковкой!

– А как Кристалл – чистяк отменный, алмаз неотесанный или изумруд безмозглый?

– Да хоть бы и Кристалл. Все одно лучше, чем бестолковка.

– Лады, Юрок. Быть тебе Кристалликом, но заруби себе на носу: кристалл дорог, пока чистотой сияет. Замараешь его, запятнаешь честь проступками – померкнет он. А с булыжника одна польза – к ногам и в реку...

⁶³ Фе'ня – уголовный жаргон.

⁶⁴ Подхо'д – всестороннее и объективное разбирательство. Увидев бродягу соответствующим Имени, Воры делают к нему подход, то есть пристрасно разбирают его поступки, достоинства и если не усматривают за человеком ошибок, упущений, некомпетентности, то принимают в семью (смотри). Сказанное: «Воры подошли к нему и равным признали» равноценно тому, что тот, к кому подошли (сделали подход), отныне Вор в полноте.

Выше всяких смыслов

*С какого бока грызть гранит науки,
Если теорий сторона оскоминой грозит,
А практикума грань, хотя и далека от скуки,
Но бивней мудрости безжалостно лишит?*

Виктор трезво представлял, сколько терпения и сил потребуется, дабы передать Кристаллу опыт, а вместе с ним и воровскую мудрость. Выдержки старику не занимать, тем более, он знал наверняка – попробовать стоило. Слишком долго ждал выпавшего случая. Кристалл – тот редкостный тип шпанюка⁶⁵, которого не придется постоянно тянуть и подталкивать. Неустанные интересы из уст парня придавали уверенности. А руки будто созданы для краж, подчеркивая исключительность ученика. Его лишь натаскать немного, нюансы разъяснить.

– Смогу... – кряхтел старик, опьяненный близостью мечты, но, бывало, уже через минуту терзался сложностью, поставленной задачи:

«Классика суеты не любит, понятия основательности требуют, нюансы толкований долгих и шепетильности. Жизнь ведь воровская удовлетворительных отметок не приемлет. Незнание одного ведет к ереси в целом...»

Вообще-то, любая наука состоит из теории и практики. Ежели относить искусство карманного мастерства к практике, то воровские понятия, их таинство, суть и смысл, наверное, принадлежат к теории. Условность здесь очевидна, ибо в отличии от основного вопроса бытия, в воровской философии постижение истины исходит не из превосходства духовного или материального, а из крепости связи между ними. Поступки и мышление не обгоняют друг друга, они сливаются в монолит и такое единство составляет воровской образ жизни. Адепт воровского мыслит особыми категориями, соответственно и поступает исходя из них, и по-другому жить не умеет. А кто-то может существовать за счет краж, но мыслить не Вором или же быть очень близким к воровской идеологии, но жить, скажем, инженером и подкрадывать по возможности. Такое раздвоение в воровской религии сродни первородному греху. И не позволяет достичь имени Вора, потому что «грешник» по сути своей не есть Вор – не родился им. И неважно, было ли отклонение от священных принципов давно, по незнанию, или еще по какой-либо причине. Ни одна из них не является уважительной. Клеймо «несоответствия» преследует всю жизнь...

По глубокому убеждению, Виктора, основной упор необходимо делать все-таки на теорию, ибо только она, мудрейшая, переносит человека к развилке, предлагая сделать выбор. Можно быть на «ты» с ней, говоря проще, разбираться в нюансах воровской морали, но ошибиться в нем – выборе. А можно раз и навсегда определиться и поверить, что сие – твое. Впрочем, без особого альтруизма, без бродяжьей прожилки в душе – самопожертвования, как основного качества гранитного характера – с выбором следует быть осторожным. Старик знал – мало научить, нужно вложить душу в Кристалла, запалить в нем огонь так, чтобы не погасло пламя и пронеслось по всей жизни его, ибо Вор – это имя и неизменное состояние души особой касты уголовного мира.

Одни живут, не думая о смысле,
Другие – в поисках всю жизнь.
Для урки выше всяких смыслов —
Не опорочить имени.

⁶⁵ Шпаню'к – мальчик, мальчуган, один из тех, кого называют шпаной.

Сумеет ли Кристалл войти в семью воровскую – Виктор не знал. Тот вход молодому еще отыскать надобно. На картах он не обозначен, дорожными знаками не отмечен, законами не предусмотрен, а если и существует, то не наяву, а в сердце. Нет такой школы, где воровскому обучают, есть люди, живущие им. Кто так жил лет этак сорок-пятьдесят назад – автоматически Ворами звались, урками и босяками. Мало их было. Можно сказать, единицы гордое имя носили, оттого и «подход» к бродягам не существовал вовсе. Братья Воры – справедливы. Между собой в единстве жили. С пониманием относились к нуждам людским, помогали достойным, потому и потянулись к ним. А нечисти всякой – такой хватало во все времена – захотелось урвать от уважения арестантского что-то и для себя. Многие надели лицемерные маски. Кому-то может и удалось приблизиться, но ненадолго – семья⁶⁶ вмиг гнойники вскрывала. Жизнь заставляла соблюдать чистоту. Чтобы впредь в их круг не просачивались приспособленцы, собрались Воры и решили строже подойти к «стремящимся», предоставив каждому бродяге, претендующему на имя Вор, не только поступками довести свое равенство, но и пройти, без предвзятости и лицеприятий, сквозь сито воровского пристрастия, до чистоты ревностного. Отсюда и возникло понятие подхода. Пояснить гражданам-обывателям совокупность всего сокрытого в подходе – задача не из простых, ибо много дезы на этот счет уже выплеснуто. «Сходняки», «крестины», «смотрины» – как только не расписывали, а никто истину толком и не отразил. Впрочем, об этом не сейчас – позже. Пока же...

Наблюдая за Кристаллом, Вор тонко подмечал нюансы, каким другой бы просто не придал значение. Казалось, живет себе шпанёнок – без имени, племени и роду, влачит бездарное существование, как тысячи подобных, а все одно – не то. Походка у него разболтанная и править надобно, речь замысловата, не точна и далека от фени и блатной поэтики – высшей формы воровского аргю. А так хотелось, чтобы Кристалл отражал идеал. Руки в карманах, цвыркание сквозь зубы, мурка⁶⁷ типа: «тюли-пули», «во бля!», «казя-базя» и «все дела!» – если и несут признаки специфического тюремного жаргона – все равно пережиточны. Беспредел государственного аппарата породил в стране новую генерацию – политико-бизнесовые кланы, а с ними и хаос. Предстояло защитить, расширить сферы влияния семьи, переместить эпицентр с тюрем на волю, с воли – в кабинеты, а без людей толковых, грамотных и достойных – не потянуть.

Всю энергию Виктор тратил на шлифовку камешка из столичного кимберлита. Время. Оно пролетало быстро и незаметно. Часть его, как правило, темная – по настоянию Вора тратилась на просветление. Раритетные фолианты из библиотеки старика периодически посещали обитель тетки Клавы. Ночами тонкие пальцы юноши водили по строчкам драгоценного наследия ярчайших мыслителей, помогая заполнять память духовным содержанием морали древних, а днем, после того, как Кристалл разыскивал Виктора, красиво и виртуозно наслаждались практикой.

Впервые Вор собрался показать воспитаннику жуликов⁶⁸, а с некоторыми и познакомиться, по прошествии трех лет. К этому дню он готовился долго. И хотя многое еще следовало отшлифовать, Виктор решился. Удерживая неискнутое дрянью⁶⁹ и множеством соблазнов сознание молодого вдали от человеческой помойки, он не боялся, что оно заразится пороками и грязными страстями. Дед опасался потерять неочищенный от породы камень в мутной реке. И теперь, когда Кристалл засиял ограненным наполовину бриллиантом, страх недоглядеть сме-

⁶⁶ Семья» – сплоченный духом и понятиями (что крепче подчас кровных связей) круг Воров, в котором все равны между собой и где благодаря общности интересов царит взаимопонимание и единство.

⁶⁷ Мур'ка – чистое воровское аргю.

⁶⁸ Жу'лики – часть преступного сообщества, своеобразная уголовная интеллигенция, богема воровской субкультуры. В противоположность бандитам избегают применения физической силы и добиваются целей умом, хитростью и ловкостью.

⁶⁹ Дрян' – тяжелый наркотик.

нился на боязнь передержать, ибо нигде так не сверкают и не переливаются грани, как в глазах придирчивого общества.

Просто Кристалл

*Неужто редкость – ученик раскрыл талант,
И в блеске том хватил учителя инфаркт.
А если б славил не себя, а ремесло,
Лишь ощутил бы как от сердца отлегло.*

По дороге на полуденную стрелку Кристалл сбил* три кошелька. Последний, тощий как глист, похоже уже коченел от голодной смерти. Брезгливо скривившись от вызванной ассоциации, карманник спрыгнул с трамвайчика и огляделся. До встречи с Виктором оставалось несколько свободных минут. Обычно в одиннадцать Вор исчезал неизвестным маршрутом, а спустя час с блажью на лице появлялся вновь. Тайну своих пунктуальных отлучек он не раскрывал, а Кристалл особо и не любопытствовал.

Старик прибыл пешком. Старый карманник поймал Юркин взгляд, остановился и свернул в магазин. Кристалл все понял и юркнул следом. Скоро они с Виктором рассматривали через стеклянную витрину толпу на остановке.

– Видишь бобра⁷⁰ с торбой в руке?

– Пузатого?

– Меньше слов, больше толка. Познакомься – это Мамон, барыга⁷¹ в третьем поколении. Дед его в войну хлебом приторговывал, а внучок ныне сбывает малолеткам по дискотекам и ночным клубам дерьмо всякое – от амфитаминов до героина. Машины имеет на все случаи жизни, вплоть до катафалка, а сегодня, вишь, что выдумал, по трамваю соскучился, экзотики захотел, бес! Его сам Бог на блюде преподнес. Сработает, как заговорю с ним. И не бойсь – слушайся рук. Потом сойдешь. Встретимся в «Старой Фортеции»! Пора тебе публику представить. Пора...

Кристалл, не отрывая взгляда от пузатого, впитывал каждое слово Виктора. Организм погружался в легкую эйфорию. Уста Вора давали последние наставления и понятными им двоим интонациями кодировали юношу на успех по невидимому каналу связи, который возникает между учителем и учеником. Смысл и значение советов улавливались на уровне подсознания...

Сжимая в руке увесистый пресс полтинников, изъятых у Мамона, Юрка пытался понять, что помогло ему отважиться и с блеском выполнить рискованную задачу – собственная ловкость, отрицать которую было бы несерьезно, или помощь друга, поверившего в мастерство ученика. Как бы там ни было, это не походило на экзамен дрожащего студента у сурового профессора. Сегодня ментальная планка слетела, как перышко, и «студент» понял, что отныне ей не тяготеть. Он засыпал профессора знаниями, требуя не отличной отметки, а признания равенства в карманной науке. Виктор смекнул удачу с полувзгляда и не стал портить их общий праздник непроницаемым лицом исихаста. Кристалл и сам испытал прилив энергии, поднимающейся выше любого наслаждения. В какой-то миг понимаешь, что душа уходит в пятки и держит в напряжении, пока рука не обожжется приятной тяжестью лопаты, а с ней возвращается легкость, и горячая волна удовлетворения невероятной силы катится по телу, проникая в каждую клеточку счастливой плоти. Пик этого «наркотического» опьянения длится долю секунды, но достигает такой силы, что удержаться от соблазна повторить приход⁷² не в состоянии никто. Кристаллик не исключение, а скорее эталонный вывод из пра-

⁷⁰ Бобёр – по всем признакам богатей, но скрывающий это, приbedняющийся.

⁷¹ Бары'га – скупщик, перепродавец краденого, и вообще – любой зарабатывающий на жизнь торговлей наркотиками.

⁷² Приход – эйфория, кульминационный момент наркотического опьянения или просто блаженственное состояние.

вил. Объяснить феерические ощущения при выполнении работы Юрка не мог, как не сумел бы разобраться в пробудившемся когда-то в детстве инстинкте. Разве что сравнить себя с приёмником, а каждую клеточку шальных рук с чуткими сенсорами. Стоило приблизиться к жертве, как в дело включался скрытый высокочастотный генератор, запуская в действие чувствительнейшие механизмы. Не нужно смотреть по сторонам, приглядываться, ловить «глаза», дабы предугадать выход объекта из квиетической медитации. Инстинкт самостоятельно управляет каждой частью тела и, подчиняя своей воле, дарит радость опьянения.

«Слушайся рук...», – прокатилось в памяти отдаленное эхо и затихло.

Деньги Кристалл считал прямо на остановке. Толстая пачка купюр магнитом притягивала взор стоящей неподалеку молодой дамочки, но Кристалл, разломив надбровную дугу, резко взмахнул перед любопытным носом заманчивым «веером» и вернулся к подсчету.

– Вор! – обвинительно крикнула шарахнувшаяся девица и обиженно выпятила нижнюю губу. Юрий круто развернулся.

– Ша, бестолковка! Вор – это имя, а я – просто Кристалл. Подняв голову, он гордо зашагал к «Фортиции».

На перекрестье времен

*«В одну и ту же реку дважды не войти»...
Бесспорно, но к античному добавим наше мнение:
Придя опять к воде замри и посмотри,
Где оказался – выше или ниже по течению?*

Крепость-бар «Старая Фортеция» – невзрачная снаружи, уютная как утроба матери, внутри – работала круглосуточно. Юрий был здесь лишь однажды, когда ему стукнуло пятнадцать, и захотелось отпраздновать день рождения по-настоящему...

Он робко переступил порог неизвестного мира и осторожно потянул носом одуряющий запах. Здоровенный бармен, скучающий у стойки, тарабанил по пепельнице в такт гитарным переливам и упорно не замечал подростка с дикими глазенками. Пришлось дважды кашлянуть.

– Чего тебе, парниша? – не поворачивая головы, спросил тогда господин, совмещающий роль бармена и хозяина.

– Горло промочить, – прохрипел Юрка, давя на низкие октавы. Встроенный камертон подвел голосовые.

Гадко ухмыльнувшись, бармен подошел к крану с водой.

– Не той, – на этот раз бас вполне состоялся.

– Сколько... тебе... лет? – вставляя паузы между словами, сурово протянул бармен.

Купюра в пятьдесят долларов с избытком додала недостающих годков и, надавив на потаенные пружины души, растянула губы хозяина в приветливую улыбку. Стойка облагородилась джентльменским набором. Бутылка водки, стакан и забитая коноплей папироса – обещали незабываемый, полный искушений вечер...

Солнце стояло в зените, когда Юрка очнулся. С руки исчезли купленные самому себе в подарок часы, вывернутые карманы висели использованными презервативами, а над головой шумели зеленые исполины городского парка. Потом еще полчаса он пытался встать с приютившей его лавочки...

Все претензии к ушлому бармену едва не закончились плачевно – от вызванного наряда полиции пацан убежал черным ходом...

...Массивная дубовая дверь «Фортеции» ассоциировалась с небезызвестными в мировой классике вратами, встречающими надписью «... Древней меня лишь вечные создания...». Потемневшее от времени дерево, испещренное мелкими трещинками, закрипело ржавой лебедкой и туго поддалось. Знакомый по предпочтениям Виктора запах травки напомнил прокрустово ложе местного гостеприимства шестилетней давности. Как ни старался Кристалл вызвать в памяти лица завсегдатаев – все напрасно.

Юрий сбежал по ступеням и очутился в чисто прибранном холле с ровными рядами сервированных столов. Зал пустовал. Два одиноких посетителя и тот же скучающий за стойкой бармен, неподвластный Хроносу. Господский холодок, сквозивший в манерах Кристалла, вмиг напружинил горы мяса вокруг старых костей хозяина заведения. Услужливый наклон головы встретил незнакомца еще по дороге к столику.

«Меняюсь», – заметил юноша. – «Но до оваций еще не дотянул».

Вскоре перед ним выросли стеклянные башенки с запальным содержимым, серебристые казанки, искушавшие неповторимым ароматом новой украинской кухни, по всей видимости, заимствованной на Востоке. Нешуточный голод подверг условности легкому забвению, и горячее мясо под острым соусом помогло Юрию отвлечься. Крупные куски баранины влетали в полость рта, обжигая слизистую, застревали в пищеводе, создавая затор, и вываливались обратно, зарабатывая очки против голодного едока. Однако по прошествии получаса,

единоборство, протекавшее с попеременным успехом, завершилось-таки чистой победой Кристалла. Позволив пересервировать столик, он, недолго поколебавшись с выбором, остановился на рюмке водки и, потягивая мягкую обжигающую жидкость, откинулся на спину. Поглощенный дуэлью с гуляшем, Юрка и не заметил, как бар-ресторан забился до отказа. Странно, от лиц посетителей веяло родством и близостью. Льющийся из колонок голос Любы Успенской вносил в атмосферу задушевный фон, сближающий всех, кто в добрый час пристал в гавань «Старой Фортееи». Вечер лишь вступил в первую фазу. Замелькала новая смена и, любуясь дрейфующими по спокойным водам официантками, Кристалл испытывал легкое головокружение. Окон в заведении не наблюдалось. Если они и существовали, то были тщательно скрыты кулисами, расписанными под кирпич, в тон стенам. Дизайн интерьера хранил отпечаток крепости древних викингов. За эстрадой, в углублении под каменным сводом, уютно запылал камин, а в зале вспыхнула огромная, висятая на цепях люстра, заполнив бар красноватым мерцающим светом. Публика поглощала предложенные шедевры, дегустировала вина и азартно делилась волнующими впечатлениями.

Скандинавский расклад

*Едва ль нужны царям особые дары
Кофейной гущи лужи и хрустальные шары,
Чтобы придворным завтра предсказать,
Кому ж еще их будущее знать?*

«Где же Виктор? – уже не выходило из головы. Взгляд Кристалла обеспокоено облетел лица, нечаянно наткнулся на молоденькую кельнершу и машинально пополз вниз. Неверно расценив пламенное выражение Юркиных глаз, девушка сменила нетронутую пепельницу, поправила салфетку и с кокетливой кротостью осведомилась:

- Проблемы?
- Валом.
- А что не так? – и она доверительно подставила ушко.
- Витька нема!

От неожиданности официантка брякнулась на соседний стул. Пухлые губки сомкнулись в притворной строгости, и взлетевший к ним палец добавил юноше гордости за друга.

– Тс-с... Виктор Иванович пожалует к десяти, – келейный шепот девушки поражал серьезностью, – и как вы можете называть такого уважаемого человека по имени?

– Ему можно, – услышала она за спиной знакомую хрипотцу и, обменявшись со стариком теплыми приветствиями, приняла заказ. Напоследок Кристаллу достался ее обещающий, восторженный взгляд.

Радуюсь спасению от одиночества Юрка засыпал Вора свежими впечатлениями, и, под конец, съдаемый с утра любопытством, не удержался:

– Интерес к тебе имеется, Виктор, – ставя ударение на первом слове, перевел он разговор в нужное русло. – «Волгу» куда пристроил?

Бестолковое любопытство сглаживалось безупречностью своего выражения. До вопросов⁷³, тем более Вору, Кристалл еще не дорос. Понятия на сей случай интерес⁷⁴ предусматривают.

– Знаю, куда клонишь... – сердито повел дед носом и тяжело вздохнул. Опрокинув стакан томатного сока, он насупился еще больше. – Охо-хо... Ноги у нее выросли. Грубо сработали, бандиты! Ничего, доберусь и до них. Прямо из-под носа увели, паразиты, пока я совмещал приятное с полезным – о брате нашем меньшом думал. Так что не сверли, чай не дрель.

– Знаешь кто?

– Да разве в этом бардаке разберешь? У них понимание отсутствует. Сегодня они у Вора машину угнали по глупости, а завтра мать продадут из скупости. Это что – жулье? Бароны там всякие и их пажеский корпус... Псы! В любом деле красота должна быть, и чистота присутствовать. Домушнику за честь не хатенку выставить – это его хлеб и образ жизни, для него

⁷³ Вопрос – на мурке «спросить» – значит сурово наказать, ибо тот, с кого спросили, изгоняется из среды порядочных арестантов, а на это должны быть веские бесспорные основания. По сути вопрос – это обвинение в проступке, принесшем вред и тяжелые последствия. Проступку выносятся определение (негодяйский, блядский, гадский) и каждое из них позор для арестанта. Поэтому уголовники в разговоре стараются не употреблять таких слов как вопрос, спросить, если речь не идет именно о чьей-то не порядочности и наказании. По понятиям спросить – т. е. вынести проступку окончательное определение и наказать – может только Вор (семья).

⁷⁴ Интерес (проявить) – означает «хочу узнать», полюбопытствовать. Но любопытство, как таковое, в арестантской среде не поощряется, а интересы к нюансам личного плана и вовсе считаются бестактными. И напротив интересы касаясь жизни и понятий приветствуются, и восполнить пробелы в арестантской грамотности обязан каждый порядочный каторжанин, уверенный в собственной полноте и компетентности.

главное – уйти красиво, чисто уйти. Если хозяева некстати вернулись – без мокрухи⁷⁵ чтоб. Карманнику – лопату вытащить, чтоб фраер дупля не отстрелил. А эти что? – скоро на перекрестке останавливать будут, выкидывать из салона и втупую, внагляк забирать. Да что там...

Кристалл решил не развивать тему, ибо понимал, что затронет возрастной аспект, а он – болезнен. Чтобы раньше с Виктором произошло подобное? – только в случае, если бы самого не было рядом, ну и угонщики не знали бы, что машина принадлежит урке. Юрию очень хотелось выяснить, кто рискнул вляпаться в игру с далеко идущими последствиями, но Вор промолчал, предпочтя не ставить его в курс. Отношения между ними позволяли недомолвки, что говорило вовсе не о недоверии. Напротив, свидетельствовало в пользу крепкой и оберегаемой дружбы.

– Ладно, Юрок, не железяку обсуждать я тебя пригласил. Цинканика⁷⁶ эти фейсы вокруг.

– Зачем? – возмутился юноша и тут же получил под столом чувствительный тычок по голени.

– Тяпа бестолковая. Чему тебя родители учили?

– Улица – мать моя.

– Ага, а я – отец. Смотри и запоминай. Все они – волки загнанные, даром что перед барышнями здесь холку топорщат. Но зубы есть. Рано или поздно в провинции будем ход ладить. Сейчас центр важнее, а уж после и сюда доберемся. Так вот, по жизни нашей ты любого из них за пояс заткнешь, понятия в тебя, как ни в кого, мною вложены, а с ними и надежда. Да чтоб надежда моя оправдалась – тебе с людьми сойтись надобно. Вон, белесый за соседним столом – самый молодой из местного казино⁷⁷ и, пожалуй, самый изощренный на выдумки. Его Луней кличут... Кристалл, уловив в тоне Вора напряжение, невольно сконцентрировался на блондине. – Рядом, тот, что постарше, – Макар. Этот чаще на фарт клыки точит. Так себе, тят-ляп. Башмаковцы они. Сам Башмак сидит сейчас, курьез свой замаливает. Малый хоть и способный, но сердцем не доверяю ему. Соответственно, и к людям его отношение аналогичное. Стая у них многоголовая, Башмак к себе всех без разбору тянул, а сел – так и продались, безыдейные. Слышал, что стерегут маршруты свои, как зеницу ока.

Слова деда тянули далее и Кристалл, оторвавшись от парочки, покосился левее.

– Видишь темную троицу с дамочкой? В углу, под щитом. Холеные уверенные лица выигрышно выделялись из прочей публики.

– Ну...

– Шпиленные – Валет, Михей Рыба и Трефа. Для сведуших – Тройка Треф с очередной путаной. Пока был зряч и молод, частенько за городом пуляли⁷⁸... Думаю, что хорошей замены они не нашли. Ишь, будки на лохах поразьедали. Те, что рядом, правее, тоже башмаковские. А вот у стены... – Виктор многозначительно споткнулся. – Ленка по прозвищу Мамзель – нетипичная для мелкоты деваха. Впрочем, она – одиночка. Не знаю, какова в деле, но недурна в постели, – искренне хохотнул дед.

– Что-о? ... – едва не поперхнулся Кристалл. С трудом верилось, что почтенный старик говорит правду, но подвергать скепсису слова Виктора не стал даже в душе. Мимолетного взгляда на смазливую мордашку хватило, чтобы признать очевидное: эти лукавые дразнящие глаза, необычный восточный овал лица и манящие губы определено где-то встречались. Алкоголь туманил мозг и мешал сосредоточиться.

⁷⁵ Мокруха – неприятное («мокрое») дело – убийство.

⁷⁶ Цинкануть – присмотреться, рассмотреть внимательнее. Цинкуй базар – будь внимательнее (осторожнее) в разговорах, выбирай слова.

⁷⁷ Казино (неуважительное) – сборище людей, толпа.

⁷⁸ Пулять – расписывать «пулю» (преферанс), а также в значении «играть».

«Вот чертовщина! Не хватает только ей хорька на плече, а мне наполеоновских залысин. Ингерманландское дежа вю!» Попробуй тут разберись, если изо дня в день перед тобой мелькают тысячи физиономий. Дед прервал размышления дружеским советом:

– Приспичит – освобождай карман и получишь незабываемую ночь.

Фыркнув, Юрий зарделся. Удачно выбранное место и красноватый свет «Старой Фортеции» позволяли переживать смущение без особых волнений.

– Кристалл, добрая половина тутошнего бомонда пожертвовала б одной рукой, чтобы на другой иметь такие пальчики, как у тебя. Но ты-то знаешь – не сие главное! Мать-природа дает и забирает, а бес сомнения в душеньку вселяет. Еще полгодика, максимум – год и все они перед выбором станут. Один – раньше, другой – позже. Поверь старику.

Объяснения Вора оставляли между слов много недосказанного. Может он знал – Юрий поймет, а что нет – то сердце подскажет. Кристалл ухватил суть – его готовили к чему-то важному и ответственному. Очередные слова подтвердили это.

– Тому, кто рядом окажется у развилки той, разъяснить суждено, помочь, коль потребуется, и наставить заблудших на путь истинный... а уж остальное – был бы ум...

Тот вечер Кристалл запомнил на всю жизнь. Запечатлел в памяти лица людей – враждебные и добрые, простодушные и хитрые... За каждым не только характеры и судьбы, истории скрывались. Многие из них откроются...

Пролетело два года, а разговор в «Фортеции» будто вчера произошел. Юрий помнил все до последнего слова. Не забыл и день следующий – как мотался по городу в поисках машины Виктора и, не найдя ее, с досады купил в подарок новую. Берёг воспоминания тех дней, в которые Вор забирал его из дома тетки Клавы и увозил на дело. Помнил абстрактную аудиторию – салон автомобиля, где подобно губке впитывал живую мудрость, стараясь отыскать каждому слову и жесту достойное место в своей душе.

Избранный путь овит тернистыми цветами. В конце его – туннель, омытый Ахероном, за ним – бессрочный счет к оплате, который всегда больше, чем мы предполагаем...

Часть II. Шпана

*Часы истории всегда безбожно врут,
Хоть отстают лишь на мгновенье.
Мгновенья лжи в года перерастут,
И в них свершится смена поколений.*

Часы пик

*Вожак был смел, не ведал в ярости предела,
И стая, глядя на него смелела.
Но... Видит Бог, как мало надо,
Чтоб свора превратилась в стадо.*

Они собирались в утренние часы на площади возле пивбара, известного среди горожан как «стекляшка», откуда брали начало транспортные артерии города. Компания молодых людей незаметно переросших отроческие годы, изо дня в день в течение нескольких лет стекалась сюда и, расположившись за пустующими столиками террасы, оживленно обсуждала наполеоновские планы захвата рокадных коммуникаций. С наступлением часа пик шайка-лейка рассредоточивалась по маршрутам, сливаясь с пассажирами общественного транспорта, а после вояжа стягивалась к пивной, которая к тому времени отечески распахивала ржавые объятия, и за бокалами пенистого напитка парни, подбивая бабки, делились впечатлениями от вылазки. Стеклашка – идеальное место для командно-наблюдательного пункта, где так приятно смачивать горло напитком для настоящих мужчин, коими они себя считали безоговорочно.

Ближе к обеденному перерыву стая срывалась с насиженных мест, дабы повторить остросюжетную погоню за длинной купюрой, а к вечеру те из них, для кого день выдался плодотворным, спешили в «Старую Фортецию» на теплый и радушный ужин. Наименее удачливые пытались компенсировать дневной неурожай за счет кочующих с работы мирян и нередко, из принципа «лучше позже, чем никогда», присоединялись к успевшей изрядно расслабиться «первой волне» уже за полночь.

Каждый божий день за исключением выходных – в те дни карманники перебирались на загородные маршруты – однообразная схема заработка и досуга повторялась с непоколебимым постоянством. Казалось, привычные сборы и рейды по автобусам происходят так давно, что вряд ли нашелся бы человек, однозначно заявивший о себе как об авторе устоявшихся традиций. Однако такой был, и дух его незримо присутствовал рядом.

Когда-то самой видной фигурой среди шпанюков был молодой карманник, прозванный «Башмаком», – юноша в меру умный и бесстыдно фартовый. Пацаны со всего района, наслушавшись рассказов о размерах его добыч, слетались как мухи на мед и тут же попадали в паутину натасканного улицей ума. Сообразительный Башмак с горячностью партийного лидера с ходу убеждал в преимуществах такого явления как организация и легко доказывал сомневающимся свою позицию на практике. Стратегом он был незаурядным, вождем демократичным – потому без проблем оставался бессменным главарем группировки. Подобно богу в глазах пацанов Башмак появлялся сначала на своих двоих, затем, когда из угловатого подростка превратился в молодого человека – за рулем новехонькой «Тойоты» и наравне со всеми участвовал в ежедневных рейдах. Иногда в часы пик он намеренно отстранялся от работы, отдавая молодежи лучшее время, а после, уже в поредевшем потоке пассажиров, непринужденно следовал пару остановок и всегда – представляете, всегда! – возвращался с приличным уловом. Стая процветала.

Несколько лет назад в один из теплых летних деньков, не предвещавших неприятностей, – напротив, сгустившиеся тучки сулили скопление народа на маршрутах, а с ними удачную охоту – к «стекляшке» подъехали две иномарки. Ту, что попредставительней, Башмак признал сразу, ибо лишь один человек в городе разъезжал на «Майбахе» с бронированной шкуркой. Посему обошлось без долгих знакомств и реверансов. Толстяк, обильно опрысканный

дорогим одеколоном, покинул салон и с присоединившейся свитой из пяти подданных, вторгся в пивную.

– Кто тут у вас за главного? – гаркнул он.

Пацаны дрогнули от властного голоса. Растерянность прокатилась по лицам, вмиг превратив дерзкую банду в послушное стадо.

Здоровяк из охраны ухватил Макара, оказавшегося ближе всех, и, протаскив его по заставленному бутылками столу, швырнул в грязный воняющий мочой угол.

– Дважды повторять не буду. Базарь – кто?

От последовавшего удара в пах Макара свернуло дугой. Нога верзилы занеслась вновь, и тогда Бука героически выступил вперед.

– Не тронь его! У нас тут все премьер-министры.

– Да? – недоверчиво повел бровью благоухающий дядя. – Тогда придется менять все правительство.

Тот же бугаина-телохранитель подошел к Буке, демонстративно, не таясь, надел на руку кастет и коротким ударом раскроил ему челюсть. Мальчишка опрокинулся навзничь. Заливая пол кровью, он захрипел, дернулся и затих. Стая оцепенела. Башмак понимал, что гурьбой они задавят разошедшихся спортсменов, но, вероятно, поддавшись тому неосознанному стадному инстинкту, парализовавшему волю, безмолвно застыл, как и остальные. Брезгливо поморщившись, господин перешел к делу:

– Будем считать, что переворот состоялся. Я ваш новый папа. Хотите работать – придется платить каждый месяц. Скажем так: вас здесь не меньше двух десятков, следовательно, по полтяхе с носа – штука. За защиту. – Немного помедлив, он произвел нехитрые математические подсчеты и добавил: – Столько же за территорию.

Ткнув пальцем в Башмака, благодетель подвел итог:

– Ты, Каблук вроде, передо мной в ответе. Будешь лично приносить бабки раз в месяц. Все ясно?

Кто-то из толпы, желая побыстрее отделаться от неприятных гостей, робко поддакнул:

– Как божий день.

– Вот и ладненько, – отозвался новоявленный хозяин. – Завтра жду первую уплату.

Возвращаясь к машине, он бросил отличившемуся охраннику:

– Никольский, приberi тут.

Верзила подскочил к лежащему Буке и, ткнув ногой, приказал:

– Вставай, заморыш, не коси⁷⁹. Триллер закончился.

Тот, однако, не шевельнулся. «Мерседес» уже отъезжал. Водитель второй машины нетерпеливо сигналил, раздраженный глупой задержкой. Вдруг кто-то закричал:

– Братва, да эта сука убила его!

Башмак словно очнулся от кошмарного сна. Рука нырнула за пояс и, нащупав наборную рукоять, вытянула огромный охотник⁸⁰. Нож заметили все – от сверкающей стали в затхлой пивнухе стало ярче. Державшийся за низ живота Макар охнул:

– Ты что? Башмак, не вздумай! Башмак! Мусора! Было уже поздно. Лезвие вспарывало плоть очумевшего от боли и неожиданности Никольского, а со всех сторон неслись люди...

Башмака арестовали на месте преступления и отправили в СИЗО. Никольского привезли в тюрьму позже. Борьба за жизнь подрезанного спортсмена встала основной и нелегкой задачей органов. Медики после нескольких операций спасли его, а вот Буке уже никто не сумел помочь...

⁷⁹ Не коси – не притворяйся. Косить – притворяться, придуриваться.

⁸⁰ Охотник – охотничий нож.

Несмотря на то, что преступление Никольского привело к смерти, а его обидчик только нанес повреждения, срока распределились странным образом. Башмак получил три года – на год больше, чем сам убийца. Прокурор грамотно обставил дело, еще раз убедительно вывалив подноготную уголовных законов. Башмаку, руководствуясь мотивом совершения преступления, квалифицировали попытку умышленного убийства из мести, за что полагается срок вплоть до пожизненного заключения, и лично из уважения к его отцу – ответственному работнику госадминистрации – наказание смягчили. Никольскому инкриминировали «убийство по неосторожности» за что предусмотрено до пяти лет. Как же так? – спросите вы, вызывая к справедливости, – убийство карается двумя годами, а попытка – тремя? По неофициальной версии справедливость сокрыта плотными слоями купюр, по официальной – тайной следствия и оперативными наработками. Если бы отец Башмака – причем заметная персона в городской политике – обладал достаточными знаниями юриспруденции и был бы порасторопнее, то максимум в чем обвинили бы его отпрыска – попытке убийства в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) – карается от нуля до двух лет; минимум – в нанесении телесных повреждений – до года, а то и на условное потянет при определенном раскладе. Ну, а ношение холодного оружия – поди докажи еще.

Взмах башмаковского ножа против влиятельнейшего человека криминальной бизнес знати имел далеко идущие последствия. Теща свое оскорбленное самолюбие, тот, не жалея денег, преследовал парня на протяжении всей отсидки. Каждый год на 8 марта в зону на имя Башмака приходили поздравительные открытки с коробками гигиенических прокладок и тампонов, а люди новоявленного «папаши», перешагнувшие тюремный порог, получали строгую инструкцию – топтать при первом же подвернувшемся случае зарвавшегося молокососа. Опустить и загнать в петушатню Башмака не смогли, но стержень, пронизывающий некогда нестигаемую волю, надломили.

Он освободился другим человеком. Его появление у «стекляшки» стая встретила без особого энтузиазма. Это были далеко не те люди, которых он знал когда-то. Их лица выражали смирение и полусытую покорность, а в основе – без труда просчитывался страх. Исправно уплачивая последние годы дань тому господину, чей человек унес жизнь их друга Буки, они заслуживали презрения и крови. Стая неминуемо получила бы и то, и другое, если бы Башмак умел держать зло, вернее, если бы еще умел. Посмотрев на безропотное стадо, он тихо развернулся и, бормоча одному себе понятные слова, поплелся обратно. Спустя месяц Макар и Луня отыскиали его в третьесортной забегаловке, где в обществе сомнительных барышень он надежным путем катился в пропасть.

Увидев в дверях, переминающихся с ноги на ногу бывших кентов, Башмак расплатился и, покидая заведение, задержался у входа.

– Чего приперлись, овцы?

– Поговорить надо...

– Ну, – Роман развел руками, – говори. Но учти, это только в гинекологических кабинетах целку по новой пришивают, а у нас честь с пиздой ничего общего не имеет. А ты, – он уставился на Макара, – видать, точки соприкосновения нашел.

Луня, ухватив Башмака за рукав, попытался вмешаться, но тут же получил по уху.

– Да что с тобой, Башмак?! – завопил он, потирая свой пунцовый лопух. – Мы же с миром!

– Тогда вы ошиблись местом. Вам нужна колонна идущих на хуй, и она давно нуждается в тех, кто ее возглавит. «С миром...», пацифисты, мать вашу... – отмахнулся Башмак и побрел прочь.

Протянув руку, Макар помог Луне подняться и скомандовал:

– Вперед!

Они шагали за ним до машины и, воспользовавшись пьяной нерасторопностью, проникли в салон. Тоже самое они проделали чуть позже, оккупировав на этот раз квартиру. Башмак, упав на диван, крепко заснул, а ребята, охраняя его сон, коротали ночь на кухне. Обнаруженная в морозильной камере бутылка водки украинской «горилки» встретила рассвет уже пустой.

Опухший хозяин проявил первые признаки жизни к обеду. Причем весьма активные.

– У... блядь. Вы еще здесь? – просипел его усохший голос, а глаза безуспешно шарили по холодильнику. – Где моя... бутылка? А?

– Рома, ты должен нас выслушать... – робко начал Макар, но Луня как всегда все испортил. Глядя на убитого пропажей хозяина, он сжалился:

– Да нету её, Башмак. Мы с Макаром ушатали, пока ты спал! Удара не получилось. Резкое движение немедленно отозвалось в голове и, схватившись за виски, хозяин покачнулся. Луня, наученный вчерашним опытом, в мгновение ока переметнулся за спину друга.

– Восстановите ящик, алкоголики! Киоск – кварталом ниже. Если нет – убирайтесь...

Испуганный Луня был готов согласиться, но Макар заупрямился:

– У нас же разговор, Рома. Давай по паре пива – и все.

Шантаж состоялся. Пока Луня бегал за пивом, Башмак лил себе на голову ледяную воду, а Макар напряженно просчитывал успех предстоящей беседы...

Одно слово – Неотложка...

*Я вспоминаю свою юность без улыбок.
Она полна любви и вовсе не смешной.
Найти б в гареме неисправленных ошибок
Её, пред кем горю особенной виной...*

Парни молчали. Прихлебывая живительную ячменную влагу, Башмак поглядывал на гостей, пытаясь совместить образы прошлого с ликами настоящего.

Белобрысый Луня, некогда самый юный из его шпаны, раздался в плечах и вытянулся. Рыжие веснушки растворились в озабоченных складках выказывающего первые признаки мужественности лица.

– Небось уже бреется, – сентиментально вздохнул Роман, чувствуя, как голову отпускает. – За месяц до моего закрытия ему стукнуло пятнадцать.

Веселее Луни в их компании не было. Сейчас же он исподлобья косился на него, угрюмо сопел и потирал распухшее ухо.

«Макар. Похоже, время его несколько не изменило. Тот же кривой рот, глаза голубыми пуговицами и лохматая прическа. Присутствовали уверенность в движениях и тенденция к рассудительности, то, чего раньше не доставало. Ну да, ему ведь уже двадцать пять – почти ровесники. Странно, почему он так ни разу и не собрал другу передачу? Ох и Макар, бесстыжая твоя морда...»

Луне стукнуло шесть за день до того, как судьба каверзно свела его с Башмаком. Макару – тринадцать. А покойному Буке было чуть более девяти. Именно этим составом они сбились в дружную стайку. Пятым участником совершенно неожиданно стала девчонка, получившая впоследствии меткое прозвище – Неотложка. Условия вступления в клан оговаривались четким требованием – абсолютное подчинение. Девочка, тогда еще просто Танька, преданно глядя в глаза дворового кумира Башмака, согласно кивнула, и получила первый жестокий урок плотской приземленной любви, не имеющей с киношной ничего общего. Тут же в подвале вся четверка загорелась желанием испытать верность клятве, а заодно и свою зрелость. Получилось только у Башмака. На глазах у опозоренной публики он лишил Таньку невинности и тем окончательно утвердил непререкаемое лидерство.

Башмак никогда не испытывал к ней трепетных чувств, подружки в его жизни вообще играли второстепенную роль. Тем не менее Неотложка стала бо'льшим, чем просто женское тело, дарящее удовольствие. Сначала он из памяти к ее боевому прошлому подбрасывал девушке денюжат, за что она, будучи гордой особой, никогда не оставалась в долгу. Не откладывая дело в долгий ящик, Татьяна расстегивала ему ширинку, умело добивалась эрекции и доводила расплату до логического конца, точнее до последней капли. Это качество – не воспринимать благосклонность и подарки, как само собой разумеющееся – чем грешили все его пассии, и заставило Башмака выделить Неотложку из скопища прочих юбок. Но что пряталось у нее в душе, Башмак не знал. Те робкие детские чувства, ради которых Неотложка рассталась с девственностью, уступили место затаенной безоглядной любви. Татьяна, глотая горькие слезы, вынашивала сокровенную мечту о том, что однажды Башмак поведет ее под венец. Она шла на все, лишь бы обратить на себя внимание Романа. Ради него устроилась в танцевальную школу, приобрела грацию и пластику. Ради него поступила в университет и ночи напролет штудировала классику, а после в банкетных залах красноречиво проводила перпендикуляр от Башмака к героям Достоевского и добивала полупьяную толпу лихой параллелью со «сверхчеловеком» Ницше. А что она только не вытерпела, став душой и телом компании в период отсидки друга? Лишь благодаря Тане стоя не распалась и сохранила видимую целостность. Расплачиваться пришлось своими прелестями, послужившими разменной монетой, и мало кто не купился на них. Свои настоящие чувства она, посещая Башмака в тюрьме, скрывала за циничными исповедями о новых кавалерах, а после опускалась на колени и как когда-то страстно дарила любимому наслаждение, пока контролер разлучник не уводил того в камеру. Роман был бы глупцом, если бы не понимал, что из всех именно Неотложка заслуживала уважение, несмотря ни на что. Он изначально отверг все, что предлагала невинная девичья душа, сам толкнул повзрослевшую девушку в омут криминала, грязи и похоти. Сам... Слепец. И назад всего не возвратишь. Нельзя. Пусть даже ее внутренний мир по-прежнему чист – что с того теперь? Одно слово – Неотложка...

– Роман, – прервал сентиментальный порыв Макар. – Мы от имени братвы.

– Ботва вы репейная, а не братва, – вспыхнул Башмак. – Чтоб я больше громких определений не слышал! Отступники⁸¹. Отступники и ботва шпанистая!

– Как тебе будет угодно, но дай договорить. Мы переговорили со всеми и каждый высказался. В общем... Ну, в общем, мы не хотим дальше платить тому гондону.

– Пойдите, пойдите, дайте-ка подумать и догадаться, – Роман одним глотком допил остатки пива. – Ах, ну, конечно, вы желаете вздернуться на собственном члене или кончить как Бука. Правильно я понял?

– Зря ты так. Мы не на поклон пришли и не плакаться. Люди тебе верили и сейчас верят. Ну, сломались, с кем не бывает? Понимать надо... – вставил Луня.

– Да, – подтвердил Макар. – Возвращайся, Башмак. А платить беспредельщикам⁸² мы не будем. Воевать – значит воевать.

– Есть идеи как вернуть суверенитет и отстоять независимость? – прищурившись, спросил Башмак.

– Ты свою как собираешься отстаивать? – по-еврейски схитрил Луня.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Вот именно, свою независимость, – выделил он «свою», – я как раз собираюсь отстаивать.

Башмак резво выхватил из-под подушки огромный «ТТ» и, щелкнув затвором, заорал:

– Вот моя идея! Пусть только сунутся, суки, – изрешечу!

После изумления на Луню хлынул дикий восторг:

– Я знал, Макар, знал! Вот оно – жить охота! Меня устраивает!

– Меня... нет, всех нас устраивает, – неуверенно согласился Макар. – Ты вернешься?

– Вернусь ли я? – переспросил Башмак с лирическим трагизмом, простирая руку в высь. – А что есть необходимость?

– Да, – в один голос воскликнули друзья и синхронно кивнули головами.

– И будет так, как считаю я? Юный друг просиял. Макар отреагировал сдержанней, не сумел скрыть радость от наполовину предreshенного исхода. Он вытянул из кармана увесистую пачку денег и застенчиво придвинул ее к Башмаку.

– Что это? – насторожился Роман.

– Пока ты сидел, мы с ребятами для тебя откладывали. А это, – Макар извлек вторую, – очередной взнос тому барбосу. В каждой по двадцать пять тысяч. Мы посоветовались и единодушно решили отдать казну тебе. А им – чешую подзалупную. Пусть только сунутся.

– Ладно, – нехотя сдался Башмак, уступив весомым аргументам. – Пора с людьми поговорить, кое-что усовершенствовать. Есть толковые мысли. Пока я на нарах загорал и с танкистами⁸³ бился, голову невероятные фантазии посещали. Хочу поделиться некоторыми из них. И, думаю, неплохо бы нам организовать движ⁸⁴ с девочками. Дело прибыльное, в городе никем не освоенное. Да и человек подходящий имеется, с опытом. Вот толькождемся его. Попробуйте пошукать на улицах и дискотеках подходящий товар – человек пять для начала, не больше. Устроим смотрины, отведаем на вкус и, если все путем, пусть временно на шпану попадут. За бабки, естественно. Набьют оскомину – освежим сервис, а заезженных – на панель, если никого стоящего не попадется... Так и гибнете вечерами в «Фортеции»?

– Как обычно, – кивнул Макар.

– Отлично, значит, рабочим местом наших принцесс будет «Фортеция».

⁸¹ Отступники – те, кто отдалился от воровских понятий, не признаёт воровского авторитета.

⁸² Беспредельщина, беспредельщики – часть преступного мира, стоящая поодаль от всех, отторгаемая порядочным уголовным обществом. Беспредельщики не исповедуют никаких принципов, влекомые только личной корыстью, крайне циничные и неразборчивые в средствах достижения своих целей.

⁸³ Танкисты – категория людей «непробиваемой» тупости, с «бронею во лбу». Ими легко управлять, ибо они не имеют своего мнения, легко затачиваемы (внушаемы) и прут как танки на любое дело, не соизмеряя степень опасности.

⁸⁴ Движ – оживление, вид какой-то деятельности. Движ с девочками – организация проституции.

– Башмак, так может к ним же и прибитую определим?

Догадавшись, что речь идет о Неотложке, Роман едва удержался от срыва.

«Интересно, как она латала дыры в своем бюджете?»

Если бы не отвлекающая сногшибательная внешность, никудышная карманница давно загремела бы под фанфары. Родителей у нее не было. Сиротой Татьяне выпало стать через год после рождения. Единственным родственником приходилась какая-то там троюродная бабка, согласившаяся приютить внучку в облезлой двухкомнатной квартире за ежемесячную пеню. Тем не менее, на свиданиях Неотложка выглядела королевой, а в принесенных сумках прятались салями, икра, балык – все самое лучшее. Разодетая голубоглазка с осанкой балерины, плывущая по коридорам следственного изолятора как по подиуму, заставляла оборачиваться даже много чего повидавших на своем веку вертухаев⁸⁵. Добропорядочные семьянины, с тоской вспоминая растерявших приличные формы жен, поедали посетительницу глазами, а где-то в глубине души завидовали узнику, разбавляющему с ней годы заточения короткими минутами тюремного секса. Башмак вместе со всей камерой неделю умирал со смеху, когда контролер по секрету поведал, чем закончилось предложение, сделанное Татьяне молодым любвеобильным оперативником.

– Моя!... Такая женщина может быть только моей! – преградил он ей как-то дорогу со свиданки.

– Твои у тебя уши, Шарапов, – не повела и бровью Неотложка, обходя остолбеневшего лейтенанта.

Башмак не знал, как ему сейчас относиться к подруге. Ее прошлое... Но все же она ветеранка стаи, его первая женщина и единственный человек, кому он был нужен тогда – мотая срок...

– Танюху не трогать! Кто прикоснется хоть пальцем – кишки выпущу. Я сказал! – решившись, Роман поставил в долгом разговоре точку.

⁸⁵ Вертухай – надзиратель, коридорный контролер в тюрьме, следственном изоляторе, бараке усиленного режима (БУРе). Низшая ступень в табели о рангах работников пенитенциарной системы.

Григорианские страсти

*Пути Господни неисповедимы:
Кюветы, рывины и ямы...
Друг друга поднимают пилигримы,
Отряхивают и становятся друзьями.*

В стаю Роман вернулся... С болезнью всех дальновидных планов – невозможность просчета сюрпризов завтрашнего дня – каждый борется по-своему. Башмак корректировал свой потерявший стабилизацию полет, пользуясь рецептом Макиавелли: «Для достижения цели все средства хороши». Жизнь научила Романа руководствоваться в поступках не так избитыми правилами, как сомнительными исключениями из них. И, пожалуй, самыми сомнительными стали его знакомство в лагере с Григорием Шайбой, и возникшая перспектива развития этих отношений.

Григорий был развенчанным сутенером, получившим трешку за вооруженный налет. С дамским пистолетиком в руках он ворвался в квартиру, где пятеро обдолбавшихся рэкетиров глумились над полуживой «воспитанницей», как называл Григорий своих проституток, и удачно отстоял жизнь бедняжки. Совершая сей героический этюд, Шайба не испытывал страх и не думал о последствиях, он искренне, как родных дочерей, любил своих бабочек и желал лишь спасти, избавить девочку от осквернения. Пока дуло хромированной «гаубицы» гипнотизировало переносицу хозяина, Григорий успел дать девушке ключи от машины, дождался, когда звук мотора удалится от дома и попытался уйти сам. Увы, неудачно...

Зона встретила Шайбу более чем прохладно – в преступном мире сутенеры принадлежат к отбросам лихого сообщества. Попадая в среду обитания отрицалова⁸⁶, они, практически, лишены шансов достойно выжить. Мало кому из них удастся избежать гарема, где изнемогают без профессиональной опеки лагерные шлюшки. Единственная лазейка миновать петушатни – ежемесячная мзда, превращающая в дойную корову любого грешника понятий. Растратив всё, что накоплено плотским трудом «стахановцев в юбках», несчастные закладывают последнюю рубаху, лишь бы призрачно порядочными дотянуть до заветной даты освобождения. Башмак, очутившийся по известным причинам недалеко от изгоев, сразу обратил внимание на утонченного интеллигента Шайбу. После продолжительного разговора Роман, наплевав на чудовищную пропасть в иерархической лестнице криминалитета, разделяющую его от Григория, сблизился с сутенером и взял под свое покровительство.

Все вечера они проводили в воспоминаниях. Справедливости ради стоит отметить, что вспоминал в основном Шайба, а Башмак с превеликим удовольствием выслушивал его увлекательные истории. В свои сорок образованному эстету удалось исколесить вдоль и поперек всю Европу, побывать во многих странах и повидать много интересного. Особенно голос Григория теплел при упоминании о горячих итальянцах, и любовь эта была взаимной. Собственно, доны и сеньоры радовались не ему, а его милым попутчицам, в окружении которых Шайба разъезжал по передовому капиталистическому миру. Незабываемые впечатления от услуг его воспитанниц усилились донельзя, когда сексапильная бродячая труппа внесла незаурядную лепту в кинематограф, проще говоря, снялась в дюжине порнофильмов. Прикосновение к великому немому позволило Шайбе обеспечить себе безбедное существование и даже приобрести палатку в местечке Чивитавеккия на берегу Средиземного моря. Поездка на родину за новыми

⁸⁶ Отрицалово – осужденные, игнорирующие («отрицающие») обязанности, задлекарированные в Исполнительном Кодексе, регламентирующем жизнь лиц в местах лишения свободы. Отрицают установленные нормы и правила как в силу понятий (Воры, бродяги), так и по личным мотивам (жулики, блатные, воровские мужики).

актрисами, и оказия с рэкетирами оторвала его от красивой жизни и перекинула с теплого песка на холодные нары. Без родины, без флага и копейки за душой он освободился через две недели после Башмака, и какое было его удивление, когда на площади перед привраткой⁸⁷ его встречали...

Роман влил в Григория бутылку шампанского, усадил в машину и, не принимая стыдливых возражений, доставил к себе домой. Неделю он по собственной методике адаптировал друга к свободе. Программа отличалась насыщенностью и еще не перевалила за половину, как вдруг после очередной попойки, Шайба исчез, оставив тяжелый сверток с запиской:

«Друг, я ненадолго покидаю тебя, но поверь старому ловеласу – обязательно вернусь. Не спрашивай, когда, для художника этот вопрос слишком жесток. Просто жди – для меня это многое значит.

В благодарность за все оставляю тебе подарок. Он разговаривает не человеческим языком, но понятным всем, а зачастую более доходчивым и убедительным, нежели наш. Надеюсь, вы поймете друг друга без слов.

С уважением Григорий Ш.»

В свертке истекал маслом «ТТ» с тремя запасными обоями. Смириться с повторным одиночеством оказалось сложнее. Возврат в семью – к родителям, не увенчался успехом. Честь фамилии требовала отсылки падшего подальше от всевидящего ока общественной морали. В отместку за предательскую позицию стариков Роман выдвинул им контр ультиматум. Заявив о своем отказе жить на окраине в отдельной квартире, он предложил поселиться в ней предкам. Околоинфарктное препирательство закончилось компромиссом – отрекаясь от сына, родители обрекли себя на ежемесячную дань. Сняв таким образом ответственность за прошлые и будущие деяния сына, следующим шагом стала попытка захлопнуть железный занавес. Несколько недель мадам Бессмертная уговаривала отпрыска забыть их адрес и встречаться в день получения «взятки» – как он окрестил откупные за свое отшельничество – на нейтральной территории.

Считая, что хорошим содержанием у иждивенца отобьется охота к занятиям криминалом, они глубоко заблуждались, ибо именно легкомысленными рассуждениями и породили в нем жгучую страсть ежедневно доказывать их глупость. Тем не менее родительский долг супружеская чета Бессмертных возвестила всецело выполненным. Кто-то сыронизирует: яблоко от яблони... Одни встанут на сторону яблони, показывая на треснувшие от тяжести ядовитых плодов ветви, другие обвинят дерево, не сумевшее защитить сладкий плод от червя, словом, только вам и известно, как бы поступили вы, отталкиваясь от множества фактов и порядности в том числе.

Интересно, как сложилось бы детство Башмака, будь родители такими же податливыми и раньше. Веруя в надежность аскетического воспитания, они исходили строгой сдержанностью и суровой отстраненностью, лишали мальчика всех благ, включая деньги на обеды, и сами того не подозревая, подтолкнули школьника к поиску наличных вне дома. Сначала предпочтение отдавалось стычкам со сверстниками, в результате которых добывалась мелочь, затем, набравшись ума, он понял, что гораздо безопасней и проще красть. Так Роман пристрастился к карману. Ему долгое время удавалось пускать туман в родительские очи. Он прогуливал школу, лавируя как по лезвию ножа, между предками и улицей, а, когда беспримерные прогулы вскрылись, изменить что-либо было уже поздно. Мальчишка, твердо предпочитая вольный образ жизни, оказался неподвластен уговорам... Возвращение в стаю вело к окончательному отречению от близких, однако он, не задумываясь, сделал свой выбор.

⁸⁷ Привратка – помещение, где происходит приемка (обыск, досмотр, распределение) прибывших этапом людей.

Возвращение блудного папаша

*Скитались двое обездоленных по свету...
Один домой припелся, по округе жалость сея.
Другой вернулся, сидя в гербовой карете —
Не все то блуд, что было одиссеей.*

Встречу решили отпраздновать в «Старой Фортеции» и на randevу Башмак подъехал за рулем новой «BMW». Гладко выбритый, в дорогом вечернем костюме, с кубинской сигарой в зубах он распластался в плоскости дверного проема заведения как сошедший с обложки «Форбса» образец респектабельности. Расстегнутый ворот рубахи ненароком обнажал массивную золотую цепь, обрамляющую загорелую крепкую шею. С безымянного пальца левой руки, поддерживающего сигару, сверкал огромным бриллиантом изящный перстень, приобретенный по случаю долгожданного события. Довершала картину блуждающая улыбка фаворита Фортуны.

Приветствуя шпану, Роман поднял руки, скрепил кисти над головой в замок и величественно потряс символом сплоченности. Братва ринулась к своему кумиру. Бесчисленные объятия, теплые приветствия – но стоило встретиться со взглядом виновника торжества, и люди стыдливо опускали глаза, смущаясь за выказанный холод при первой встрече. Башмак понимающе хлопал ренегата по плечу, давая понять, что не помнит обид, и простирали руки к следующему.

Неотложку Роман заметил с порога и после душещипательной сцены всепрощения с нетерпением поспешил предстать перед ней. Она, скромно опустив руки на колени, скучала в обществе холодной незнакомки и, затаив дыхание, ждала друга. Подойдя, Башмак в восхищении отступил назад, дважды качнул головой и, когда терпение оставаться без лучистых Танюшкиных глаз иссякло, воскликнул:

– Ну, здравствуй, моя любимая!

Худенькие плечики вздрогнули. Она вскинула влажное от слез лицо и попыталась подняться, но, то ли ноги перестали слушаться, то ли просто силы покинули ее – тело, чуть подавшись вперед, – упало обратно. Тогда Роман обхватил ладонями ее стан, легко приподнял дрожащую Неотложку и крепко прижал к себе. Он не знал, что происходит, но переполнявшие его чувства были волнующими и неизведанными ранее.

«Может это любовь?»

Испугавшись дурных мыслей, Башмак торопливо присоединился к мужской половине. В разгар шумного застолья подвыпивший Макар, набравшись, видимо, смелости, придвинулся ближе и прошептал:

– Рома, нам всем надо тебе признаться.

– В чем? Уж не в том ли, что пока я тянул срок, вы трахали Татьяну и за подарки требовали ее молчания?

– Ты знаешь? – не на шутку всполошился Макар, лишившись привилегии добровольного признания.

– Малыш, дядя Мюллер знает даже какими пальцами ты берешь свой хрен, когда мочишься.

– Особенно если у него есть Мата Хари, – успокоенный Макар хапнул стопку водки. – Кстати, я подозревал. И еще. Именно Ма... тьфу, Танька предложила откладывать бабки для тебя.

«Какая уж по счету деталь, о которой мне следовало догадаться?» – задумался Башмак, с нежностью взирая на Неотложку. – Эх, Танюша...»

Желание купить трехкомнатную новую квартиру, еще давно приходившее на ум, вспыхнуло с невиданной силой. Теперь, наконец, он знал, как поступить с прежней. Озарившая мысль порадовала душу.

«Впрочем, не будем забегать вперед. Сначала необходимо устранить несколько проблем. И начнем с независимости».

Выбравшись из-за стола, Башмак подошел к Луне. Тот в окружении Бучи, Лапы и Кирюхи, прибившихся за год до наезда⁸⁸, увлеченно травил анекдоты.

– ...прикинь!? С похмелухи жену не узнал! Понял?! Ха-ха-ха...

– Иди сюда, – отозвал в сторону Роман. – Что с моим поручением?

– Братан, – расцвел Луня, – шар в лузе, – и, отвернув полу пиджака, наполовину вытянул интересующий предмет.

Башмак резко толкнул руку обратно.

– Не вздумай.

«Ох и Луня! Под монастырь подведет и не споткнется».

Подозрительный взгляд Башмака блуждал по «Фортеции», подмечая всех, кто мог заметить фанфаронскую выходку. Бармен Клим угрюмым видом показывал, что чужими секретами не увлекается. Пара официанток, снующих вокруг, похоже ничего не видела. Посторонних в зале не оказалось.

«Стоп», – в упор на Романа смотрели равнодушные глаза незнакомки – соседки Неотложки.

– Опаньки! Кто такая, почему не знаю? Луня, поди сюда...

Словоохотливые уста приятеля выдали исчерпывающую информацию. Ленка прозвана в стае Мамзелью. Сама себе на уме. Имеет роскошную квартиру, машину и кучу денег неизвестного происхождения. Сильная карманница и, пока не познакомилась с Татьяной, работала в одиночку. Подруга привела ее, когда Роман сидел. Окружена ореолом таинственности и нелепеприятными слухами. Поговаривают, будто она – одна из подружек самого... Но смельчаков докопаться до истины, как и отказать в гостеприимстве не нашлось. Никто не мог добиться ее близости. Мамзель сама выбирала себе партнеров и держалась с подчеркнутой отстраненностью. Многих в стае она считала недозрелыми и нагоняющими тоску. Полная противоположность неуверенной добродетельности поэтичной Татьяны.

Разглядывая белокурую мадемуазель, Башмак по «достоинствам» оценил ее вышколенную красоту.

«Не от мира сего», – подумал он, рассмотрев скромный прикид⁸⁹. Что-то показалось в нем знакомым. Красные сапожки горели адским пламенем под короткой шубкой нараспашку. Бежевое платье ладно обрисовывало стройную фигуру, подчеркивая соблазнительность округлых форм. При длительном обозрении оно как будто исчезало, сливаясь с цветом кожи. Где-то он уже видел это.

«Точно, черт побери. На последнем свидании Неотложка порхала в этих шмотках», – вспомнил Башмак и улыбнулся.

Короткое знакомство дополнительных впечатлений о хладноокой Мамзель не принесло. В конце вечера Роман попрощался с друзьями и, обняв Татьяну, покинул надоевшее общество.

⁸⁸ Наезд – посягательство на независимость, а также на право распоряжаться имуществом по собственному желанию.

⁸⁹ Прикид – наряд, элемент одежды.

«СВИНЬЯ»

*В туманном царстве авторского права,
Тюремная гласит легенда:
Гуляет много наших динозавров,
Не одомашненных патентом...*

Неизменно счастливые лица Башмака и Неотложки, с которыми они являлись на каждодневные стрелки, дарили людям ощущение благополучия и уверенности. Казалось, неразлучная пара возвратила беспокойному ритму жизни прежний уравновешенный темп. Личные сбережения вожака стремительно накапливались, образовав за несколько месяцев кругленькую сумму, да и сама стая, быстро пройдя процесс линьки из китайского тряпья в кожу и «найки», обогородилась и давила конкурентов щедро расточаемым оптимизмом.

Но внешний лоск все-таки затенялся сумраком душевным. Гонцы «папы» города не показывались, а это не могло не настораживать. Оттягивая экзекуцию, они инфицировали оздоровленный организм башмаковской группировки вирусом тревоги, периодически провоцирующим массовый невроз, однако жить в постоянном страхе шпане не позволял природный иммунитет. Все понимали – рано или поздно враг выползет и произойдет столкновение. Оно неизбежно даже потому, что те, равно как и другие, нуждаются в утверждении лидерского статуса, за разницей лишь в мотивах демонстрируемого честолюбия. Незаменимый «братишка», заткнутый за башмаковский пояс, сопровождал ветеранов стаи во всех городских вылазках, но говорить о постоянной бдительности, конечно, смешно, ибо редкий человек выносит общество столь занудной «попутчицы». Сутки, максимум двое – предел дилетантской выдержки. Постепенно расслабляясь, многие слепо рассчитывали на фатум, кто-то верил в собственное чутье, а потому в личную недосыгаемость, иные полагали, что враг выйдет открыто – под трубы и барабаны. Башмак не относился к числу ни фаталистов, ни воздыхателей рыцарских традиций, ни к поклонникам капризной Фортуны – «отсиженный» опыт позволял безошибочно отсекал наивность и глупость.

Он не боялся разборки. Готовый к ней с первого дня, он желал ускорить ход событий и принять бой, чтобы затем, не шарахаясь от каждой тени окунуться в реализацию намеченных планов. Видимо поэтому сейчас многое валилось из рук. Организация «девичьего движа» застряла на полпути. С одной стороны, мешала неприкрытая враждебность Неотложки к этой гениальной идее, а с другой – нелегкая, можно сказать, дисквалифицирующая «жюри» процедура отбора кандидаток. Лекции Шайбы – ценителя и знатока фемин – об идеальных формах и сочные авторские зарисовки были либо полной чепухой и следствием острого лагерного сперматоксикоза, либо не учитывали местный колорит провинциалок, возвращенных на сливках и богатых огородах. Второй набор затягивался. Посему Роман сосредоточился на основной деятельности. И весьма успешно – диапазон применяемых методик непрерывно расширялся.

Последним ноу-хау стала коллективная организация труда, вынесенная Башмаком из недр тюремной аспирантуры. Раскрыв ладонь, он предоставил шпане на обозрение новинку – на этот раз заточенную по неполному кругу медную монету. Недоверчиво оглядев банальнейший предмет, Луна рукавом почесал нос.

«С тобой все понятно», – разозлился Роман, отлично зная внешнее отражение проскакивающих у друга мыслей.

– Кто еще в консервативной оппозиции?

Макар отнесся к новинке более агрессивно:

– М-да... И что дальше?

– А дальше..., – Башмак обвел всех профессорским взглядом и понизил голос до полупшепота, – поясняю популярно. Многие из вас могут безукоризненно влезть в карман, надыбать⁹⁰ лопатник и красиво, без шума, слинять?

– Я могу, – гордо заявил Луня.

– И я... я тоже... и я, – раздалось со всех сторон.

Неотложка скромно спряталась за спинами братвы.

– Танюша, ты тоже можешь?

– Не могу, – вспыхнула девушка. – Но совсем не вижу связи.

– Уно моменто...

Башмак вышел на тротуар, огляделся и, заметив статную даму с кожаной сумкой, двинулся ей навстречу. Шпана сопровождала маневр синхронным поворотом голов. Поравнявшись с женщиной, Роман слегка пригнулся, сделал вид, что отряхивает штанину, а после, довольно улыбаясь, вернулся на место.

– Ну и что? – хлопая ресницами, Макар выказал общее недоумение.

– А теперь самое интересное, – Рома кивнул в сторону живого учебного пособия. Женщина дефилировала прежним курсом и Луня уже раскрыл рот для саркастического замечания, как вдруг из ее сумки один за другим посыпались причиндалы. После выпавшей косметички, очевидно, мешавшей десантированию, содержимое посыпалось, словно из рога изобилия.

– Америка! – восторженно откликнулся Макар. – Покажь медяк!

– Тише, тише, без эмоций, – Башмак, развернувшись к друзьям, охладил их воспрянувший пыл. – Сразу, для полноты представления сообщаю, что содеянное мной – бок, и повторивший его будет наказан. Нас быстро вычислят, начни у кого попало вываливаться потроха. Тонкость в том и заключается, чтобы знать для чего использовать сей варварский метод. Перво-наперво уясните – я показал, как нельзя резать. Пропарывая снизу и вдоль сумки, вы бесспорно открываете доступ к нутру, но сразу выдаете себя грохотом низвергающихся безделушек. Другое дело, – на столик плюхнулся приобретенный для показательного выступления солидный портфель, – если резать вот так. Способ первый – монета уперлась впритык ко шву и поползла сверху вниз. В этом случае ничего не посыплется. И способ второй – «диагональ», – он провел от верхнего края по диагонали до середины и остановился. Думаю, как для начинающих паталогоанатомов вам достаточно.

Луня скептически вздохнул.

– Виктор с Кристаллом сумки голыми руками вскрывают.

– Да, но ты – не Кристалл, а я – не Виктор, – отрезал Роман.

– Допустим. Когда же их копать, если почти все пасут свои драгоценные авоськи?

– Хороший вопрос. Вот тут и вступает в силу план, в котором тебе, Луня, как особе с самой атрофированной нервной системой, отводится главная роль. Назовем операцию – «свинья». Отправляемся на загородный маршрут и выбираем любой автобус. Создать толкучку нам не составит труда даже в пустом бусе...

– Чего-чего? – испугался Луня.

– ... автобусе, Луня, автобусе. Теперь внимание. Мы плотно окружаем Луню и создаем живую непроницаемую для других стену – «свинью». Историю помните? Так назывался боевой порядок тевтонских вояк, прячущих более уязвимых рыцарей за спинами хорошо защищенных. Ты, Луня, присаживаешься на корточки и сквозь частокол наших ног вскрываешь понравившиеся торбы правильным разрезом, набиваешь пазуху добычей, а когда потребуеться переместиться на новую исходную позицию, то, управляя нашими ногами, передвинешь «свинью» в нужном направлении. И этак по всему басису, пока не обработаешь доступную часть багажа.

– Ого! Да мы подчистим всех!

⁹⁰ Надыбать – увидеть или достать, приобрести, заиметь.

– Всех не всех, но с теми, кто под гребенку попадет – сюсюкаться не будем. В следующий раз опробуем что-нибудь свеженькое – «змею», например. И еще – надывавшему по ходу движения оттопыренный карман – быть предельно осторожным. Мы не Шуры Балагановы, чтобы мелочиться! Пусть работает Луня, а наша забота – держать руки на всеобщем обозрении и убаюкивать внимание пассажиров. Через час автобус на вещевой рынок. Остальное – по плану.

Стая сорвалась к остановке, а Роман внес последние штрихи, демонстрируя Луне технику работы с монетой. Вскоре они присоединились к большинству. Забитый транспорт компании пропустила и нырнула в очередной, менее полный... Успех превзошел все ожидания и оказался настолько непредсказуемым, что Неотложке с доверху наполненным пакетом пришлось срочно реверсировать к стекляшке. Остальные, прокатившись до конечной, вернулись на том же подопытном автобусе.

Привычная обстановка пивной действовала как хорошая доза эфедрина. Больше всех разошелся, конечно же, Луня. Расплескивая из кружки пивную пену, герой дня давал друзьям оживленное интервью:

– Ох и лафа... Ныряю в одну, другую – и в каждой лопатник. Ну, думаю, следующая сумка подведет... Где там! Смотрю – есть контакт! Не успеваю одну лопату вытянуть, а из дыры вторая лезет! Третья! Четвертая! И так – двадцать пять. Кидаю за пазуху и не верю! Лишь под конец сообразил, что нарвался на баул барыги, кошельками торгующего! О, дела, а! Босс... – заметил он переступившего порог Башмака, – полста бумажников! Четвертак пустых, остальные – больные.

Больными назывались пухлые кошельки, созвучие «пухлый – опухоль» черный юмор шпаны пропустить не смог. В этот день стая, играючи, вычистила и торговцев, и покупателей. Перспективный фокус, не правда ли – ухватить за час не один десяток тысяч? Такая удача свалилась на головы пацанов впервые.

Пока взбудораженный коллектив галдел, попутно обмывая добычу пивом, Роман отозвал Макара в сторонку.

– Сколько? – Восемьдесят в гривнах, десять зеленым и шесть в евро, что в общем – тридцатка зеленых, не меньше.

– Отлично. Передай всем – «свинью» использовать не чаще двух раз в месяц. Расчет Башмака объяснялся просто: люди обнаружат порезы уже на рынке. Следовательно, при разумном подходе к частоте использования метода догадаются о пособнической роли транспорта в кражах со «вскрытием» не скоро.

– Слушай, я клевых девочек присмотрел. Может отвиснем у тебя на хазе?

– Возьмешь Луню и к пяти жду.

– Гуд. Держи, – Макар протянул увесистую долю. Обычай отдавать половину Башмаку с молчаливого согласия шпаны закрепился со дня возвращения. То ли многие по-прежнему чувствовали вину перед ним, то ли подействовали рассказы о зоне, общаках⁹¹, взаимопомощи, но Макар – внегласный казначей группировки – делил навар строго на две равные пачки, одну передавал Роману, а другую раскидывал между остальными. Наиболее отличившийся за день поощрялся дополнительно.

– Подкинь Луне премиальных. Хай колеса⁹², наконец, подберет.

⁹¹ Общак (общее, общее благо) – собираемое преступным миром добро, если можно так выразиться, «касса взаимопомощи». По понятиям, общак – «идушее на нужды людей». Всякий, кто считает себя порядочным, уделяет (добровольно) в общее свое внимание (деньги, чай, сигареты, еду), и это распределяется между теми, кто находится в бедственном положении, испытывает в необходимом (чай, сигареты, лекарства) острую нужду. В общее уделяется не от переизбытка, а от понимания. По жизни, общак – это святое, основа стабильности и всеобщего арестантского благополучия, поэтому уголовники подчас урезают личные потребности или вовсе отдают последнее, считая, что кому-то сейчас может быть нужнее.

⁹² Колёса – автомобиль.

Развернувшись к машине, Башмак огляделся в поисках Неотложки. Нашел ее, как обычно, в обществе хладноокой Мамзели.

– Танюха, ты едешь?

Он сдержал данное себе слово и переписал на девушку однокомнатную квартиру. Сам же перебрался в центр, купив в престижном районе толковое жилье, предварительно снабдив его бронированной дверью, современной сигнализацией, неплохой мебелью. Но основную часть времени проводил по старому адресу, заскакивая на новую квартиру крайне редко, обычно, когда следовало уединиться и поразмыслить о важных шагах. Как и прежде пара ужинала в «Фортеции», а ночью подуставшие и счастливые предавались любви в уютном гнездышке на окраине. Ничто не предвещало осложнений в отношениях. Роман тактично избегал разговоров о подвигах подруги, она же со смущенной благодарностью приняла жизненный уклад, который предложил любимый.

– Меня сегодня не жди, – мягко произнес он, останавливаясь у подъезда.

– Ты что, даже на минутку не поднимешься? Я все утро блинчики пекла. Твои любимые – с творогом.

– Не могу. Я на хауз по делам.

Мило чмокнув кавалера в щечку, Неотложка легко выпорхнула из машины. Роман проводил ее взглядом до лестницы и, вдыхая оставленный подругой нежный аромат французского парфюма, покосился на часы. Решившись, он резко утопил акселератор и, с визгом выскочив на проспект, направил машину за город. Что потянуло Башмака на убегающее от центра шоссе, когда у дома уже ждали друзья, осталось загадкой, но через двадцать минут его «БМВ» вновь влился в городской поток.

Ночь напролет друзья поглощали алкоголь и забавлялись с приглашенными метелками⁹³. Последняя гостья покинула любвеобильные пределы под утро. Захлопнув за девицей дверь, карманники, расположившись на кухне, отпаивались крепким чаем.

– Тебе не кажется странным, что гусь затихарился? – еще несколько минут назад ни о чем не беспокоившийся Луня боролся в спальне со строптивницей, классически укладывая ее на лопатки, а тут ни с того ни с сего, проснувшись, вцепился в щепетильную тему. Умел он переключаться, следовало признать. Мастерски заполняя паузы нелепыми для посторонних вопросами, он будто раздражал у друзей нужные участки мозга и заставлял думать.

– Скорее выжидает, – поправил Башмак. – Вот только чего?

– Ясно чего. У них развалы за индустрию начались – не до нас. Приберут к лапам заветные куски – потом и нами займутся, – откликнулся третий.

– Что ты в этом кумекаешь, дурбещела?! Куски, секторы, зоны, ареалы – лажа все это! Боится он нас. Да, боится и уважает! Включайте мозги – легко ли отказаться от десятки налички? Да пусть он хоть Рокфеллер, все равно бы приполз, коль не боялся бы...

– О! Познакомьтесь – знаток миллионерских душ, спец по VIPам с колхозного базара – Луня. Может проанализируешь сделку с приобретением «Титана», рассчитаешь остаточную стоимость завода? Он в него такие деньги вгροхал, что твоя десятка затеряется в полях, как в Млечном Пути, – контратаковал Макаp.

– Хорош вам. Завелись, – Башмак уgomонил раскрасневшихся в дебатах ребят и посерьезнел. – Чтобы там ни было – булки⁹⁴ не будем расслаблять. Особенно тебя касается, Луня. Так, что еще? Ага, – он извлек из кармана ключи. – Принимай аппарат, Макарушка.

Роман давно задумал презентовать другу пылящуюся без дела «Тойоту», но как-то не подворачивался подходящий случай. Зная слабинки человеческой души, он не хотел поро-

⁹³ Метелки – легкомысленные девушки.

⁹⁴ Булки (насмешливое) – ягодицы. Не расслаблять булки – не терять бдительности, не обманываться видимым спокойствием.

дать в стае зависть. Машину на части не распилишь, а обходить никого не хотелось. Несомненно, Луня заслуживал тачку больше, чем Макар, но он моложе и способней – сумма премиальных еще не раз подарит ему возможность обзавестись колесами для себя и всей родни. А вот грузному и неповоротливому Макару, с головой погрязшему в казначейских топах, такой шанс представится не скоро.

– Тебе, Луня, тоже пора коня завести. Помочь? – Не-а, я сам. Штамповку порожняковую брать не хочу. Поднакоплю немного, возьму «бэxu», как у тебя или «мерс».

– Ну слава богу, что не «Феррари», – грустно улыбнулся Роман, подмечая, что в его годы был скромнее.

Продолжительный звонок в дверь прозвучал тревожно. И дело не в раннем визите без приглашения – о новом местожительстве Башмака знали всего трое – Макар, Луня и Неотложка.

«Неужели господа беспредельщики?» – мелькнуло в голове.

Не нуждающимся в объяснении жестом Роман загнал братков в комнату, выхватил плетку⁹⁵ и на цыпочках приблизился к двери. Выяснять личность гостя дурацкими вопросами не требовалось. Лестничная площадка с толстыми бетонными перекрытиями и единственными башмаковскими апартаментами – идеальное место для разборки. Об этом Роман позаботился еще при выборе. Звук стрельбы приглушится, свидетелей нет...

«Главное – все трое вооружены и готовы».

Башмак отомкнул громадный запор и, прикрываясь сталью, потянул ручку на себя...

⁹⁵ Плётка – пистолет.

Эдем и джунгли

*Кислее брюта житие аристократа —
Какая гадость эти протокольные обеды!
Хотя... Травиться со спокойствием Сократа
Легко, коль рядом истинная леди.*

– Ты?! – удивленно воскликнул Роман, рассмотрев в полоске приоткрывшейся двери счастливое лицо джентльмена, тотчас взявшего инициативу в свои руки. Без каких-либо церемоний, с грацией, претендующей на королевское достоинство, визитер, облаченный во все белое, вторгся в прихожую и, опершись на трость, возвеличился в самопрезентационной позе. Приталенный сюртук, батистовые перчатки, вздыбленное кепи потомственных сюзеренов и белоснежные чоботы с лакированными носками – не будь вид господина таким гордым за оригинальную экипировку, компания неминуемо разразилась бы уничтожающим смехом, но Башмак, помня о сверхчувствительности натуры гостя, успел предупредительно цыкнуть уже ослабившемуся Луне. Следом, разбавив староанглийский чопорный дух капелькой взбалмошного безумия, нарисовались две очаровательные мордашки.

Рты друзей разом пересохли.

– Знакомьтесь, девочки, перед вами мой друг Башмак, пардон, Роман Семенович. А это..., – заметив присутствие еще двух онемевших голов, господин замешкался. – Ну же, кабальеро, представьтесь моим прелестным спутницам.

– Луня... – с хрипом прорвав голосовую блокаду, уста парня хватанули воздуха. – А он – Макар.

– М-да... – нахмурился гость. – Позвольте уточнить, как именно нарекли вас родители?

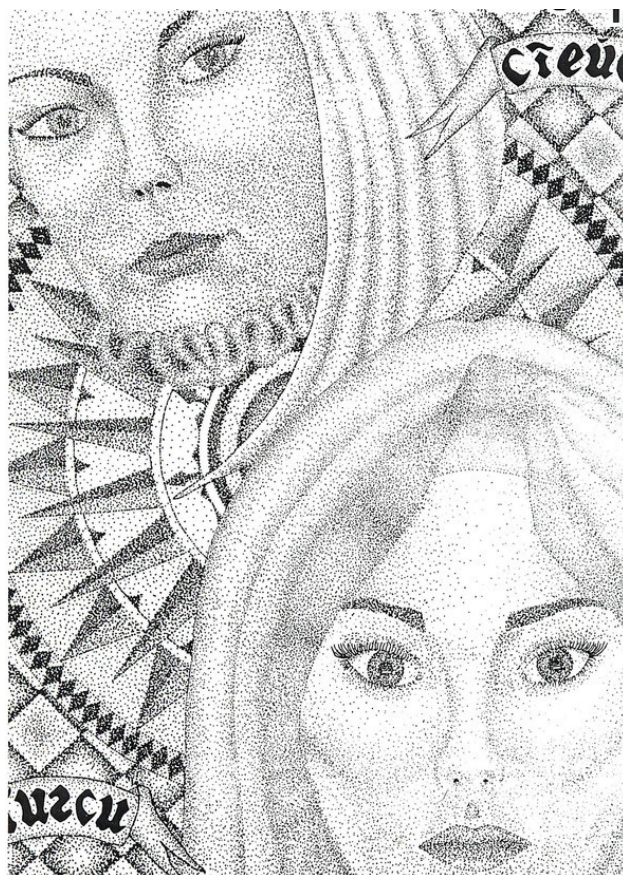
– Леней, – ответил Луня с интонацией провинившегося школьника и, потянувшись рукавом к носу, вовремя остановился.

Господин воспрял.

– Вот и шарман, Леонид. А это – Тигси и Стейси.

Дамы словно по команде взяли пальчиками за нижние края распахнутых шубок, в изящном реверансе слегка присели и, приспустив пушистые ресницы, пропели глубокими бархатными голосками:

– Бонжу-у-ур.

Черные, как смоль, волосы Тигси рассыпали в золотистом облаке пробивающихся сквозь тюль лучей восходящего солнца горящие угольки пламени. Стоит разок взглянуть красавице в очи – замыкание сверкающей дугой расплавляет несчастного изнутри, безжалостно выпаривая все восемьдесят процентов органической влаги, мгновение – и он уже – высохшая безжизненная пустыня, чьей жажды ничто не утолит, пока мертвая хватка визуального напряжения милостиво не отпустит. Влажные накрашенные губки, подведенные зеленым карандашиком, алели нераспустившимся бутоном тюльпана, проснувшимся после дождя. Приковав к себе зачарованные взгляды, Тигси невинно провела кончиком языка по волнующим лепесткам, и, коснувшись трепетной дланью края декольте, скользнула вглубь, переводя внимание мужчин на не менее убийственные детали, рвущиеся из плена шелкового плиссе.

Вторая – Стейси – была полной противоположностью темноволосой дьяволице. Натуральная блондинка с водопадом длинных выющихся локонов, одиночными выстрелами оценила каждого из присутствующих и, опустив прицел васильковых глаз на кончик туфельки, добровольно отдала подруге все шансы стать любимицей публики, чем та блестяще воспользовалась. Помогая Стейси раздеться, Роман, не в силах оторваться от ее антагонии, едва не свернул себе шею. Скинув шубку, Тигси беззаботно упала на диван, конструкция которого не предусматривала существование столь коротких юбок, и, сложив ноги бутылочкой, оставила для уж совсем слепых просвет со спасительным маячком кружевных трусиков.

Заметив немигающий взгляд хозяина, гость почти силой увлек того на кухню.

– А вы, молодой человек, позабыли о нашем уговоре.

– Шайба... – очнулся Башмак, вырвавшись из невидимых горгоновских пут, – ... ты что, с Луны свалился?

– Судя по твоим пересохшим губам и треснувшему голосу, скорее уж из пекла, – торжественно изрек Григорий, вращая глазами. – Впрочем...

Он ловко вытянул из пакета пузатую бутылку и улыбнулся:

– Теперь считай, что с Луны. «Картон-Шарлемань».

– Помню-помню: богиня Луны, дарящая через посланника волшебную росу. Сейчас принесу бокалы. Граненые, – съязвил Роман.

В гостиной царило полное падение нравов. Макар, еще десять минут назад жаловавшийся на апатию и усталость, ненасытным сатиром кружил около черноволосой нимфы, опрометчиво, все дальше и дальше, вторгаясь в стигийские топи. Безобидная Стейси забавлялась с Луней. Находчивый шалопай без перерыва сыпал анекдотами, а девушка щедро одаривала его жемчужинами звонкого смеха, рассыпая их вокруг занимательного весельчака. От Башмака не ускользнул жест, которым блонда отвергла притязания на большее, когда Луна попытался накрыть ее оголенное бедро загребущей лапой. Почувствовав первые признаки знакомого остоленения, Роман спешно покинул залу.

Долгий разговор ежечасно прерывался выходками капризной Тигси. Лукавая чернявка вплывала в акваторию кухни, запрыгивала на колени Григория и, обхватив ручками его шею, посылала в Романа игривые импульсы. Продуманный как страус, Башмак, спасаясь от колдовских чар, зарывал взгляд в бутылку, на что гостя обиженно реагировала:

– Папуся, в этом доме меня не рады видеть?

– Что ты, деточка? Просто Роман Семенович дал обет целомудрия.

– Фи... Как глупо. Тогда пошла. Вуаля! – вставала Тигси.

– Иди, иди, моя цыпочка бесценная, – шлепая по упругой попке, «папуся» отпускал сокровище к ребятам.

– С ума сошел, какой обет?! – выдавил Башмак, втянув оставшийся после гурии райский аромат.

– Хочешь, чтобы я поднял в твоей провинции прибыльное дело – остепенись. Мне нужен помощник с трезвостью язвенника и благоразумием импотента, а рядом с ней ты забудешь все на свете. Она страшнее болезни, наркотика, алкоголя, она – это материализовавшееся вождение... Держись подальше от Тигси, как это ни мучительно, но лучше проиграй сразу, как завещал незабвенный граф де ля Фер.

– Ты бы еще Самсона с Далилой вспомнил. Ну хоть разок, а?!

– Ни разу! – голос Григория понизился до шепота. – Я пару раз видел, как из ее рта выглядывала розовая мышь...

– Что за дерьмо?!

– В средневековье это считалось признаком, что женщина отдалась Сатане...

– Иди ты в задницу, Шайба! – приуныл Башмак.

– Кроме того, ту даму в передничке, встретившую нас в твоих старых покоях, я девочкам откомендовал как вашу супругу, сударь.

– Друг называется... У тебя что-то незаметно ни склерозных симптомов, ни копыт с рогами.

– Да?! – Григорий удивленно вскинул брови и уставился на Романа. – Ты это серьезно?

– Ладно тебе маразм разыгрывать...

– Я им и не грешу. Просто думал, что ты давно обо всем догадался. Видите ли, сударь, никакие сиськи на свете не привлекают меня так, как филейные части твоих друзей.

По старой привычке Башмак, не выражая эмоций, тщательно взвесил услышанное, потом вскочил со стула и тут же обессилено рухнул обратно.

– И все это время ты... Мать честная! А в лагере?! А здесь? Господи, я же нажирался до беспамятства...

Григорий величественно поднял руки, подразумевая, что он чист. В следующую секунду кухню потрясли раскаты оглушительного рева. Тыча друг в друга пальцами, господа облегчали души безудержным смехом, и, разогнав остатки неловкости, едва перевели дух, как Шайба томно протянул:

– Слушай, только никому..., – и притворно смущаясь, мастерски изобразил стыдливую женщину, на что друг, схватившись за сердце, зашелся в новом приступе гомерического хохота.

Обмыв снятие секретного грифа, они заговорили о серьезном.

– Кстати, – Григорий промокнул кончиком платка выступившие слезы и наклонился вперед. – Москва слухами полнится, что у вас положение строят.

В нюансы понятий Башмак никогда особо не вдавался, потому не только упустил «зодческую» терминологию, но и вообще не понял, о чем речь.

– В каком смысле?

– А в том, что «синие» набирают силу, Рома. Надо бы с ними утрясти все детали. Люди они хоть и непредсказуемые, но справедливые. Не забудем о черной кассе* – спать будем спокойно. Мафия, брат она, мобильниками и кошельками не интересуется, ей контроль территории требуется, а с нас взятки гладки. Воров Япончиков у нас в городе нет и не было никогда, но я бы предпочёл тесное взаимодействие с теми, кто наделён определёнными полномочиями от них.

– Ерунда. Вор был, а толку? В городе хаос и беспределщина*. Новые руль не отдадут – на курок нажимать волонтеры всегда найдутся.

– Ну, это смотря в чью сторону дуло направлять надо. В Москве рискованных людей валом, да в основном барышень на базарах пугают, против уголовников выступить желающих не нашлось. Так или иначе, но в белокаменной новоиспеченных баронов от кормушки отшибли. Сейчас за провинции взялись, а в преступном мире СНГ нет: Ростов – папа, Одесса – мама... Знакомый жулик говаривал, к вам голубка⁹⁶ залетела с прогоном⁹⁷ – весть о женщине⁹⁸ в народ пошла. Кристалла, случаем, не знаешь?

«И этот туда же...» – вспыхнул Башмак, но сдержался. – «Да мне все уши прожужжали об ученике Виктора, оттаптывающего наши маршруты...»

Впервые он услышал о нем на пересылке от старого крадуна, оказавшегося земляком. Поговорили, знакомых общих нашли, чифирнули, жизнь вольную вспомнили. И была в длинной эпопее словоохотливого собеседника история, которая врезалась в память накрепко, ибо разговор коснулся молодой способной смены – темы для Романа щепетильной. К нескрываемому удивлению он так и не смог понять, о ком идет речь. Мальчишка, назвавшийся Сапрыкиным Юркой, помог сначала подчистить грузовик, а после, получив в знак признательности амбарный замок и нож, на прощание виртуозно увел из кармана «компаньона» лопатник. При чем Степан, так представился рассказчик, божил, что стерег бумажник как зеницу ока и тот, кто умудрился обхитрить его – сущий дьяволенок. Вновь Башмак услышал о пацане уже как о Кристалле. Окрестил его так старый урка, и одно это говорило о признании и уважении в мудрых воровских глазах, редко ошибающихся. Все имеет свою цену, но по меркам Романа почтение Виктора – самая высокая. Вот и получилось, что уже заочное знакомство с Кристаллом задело тщеславие и лишило покоя – сам Башмак академию Виктора пройти-то не смог... Знать, что в твоём городе живет шпанюк, равных которому нет, да не просто живет – работает где-то рядом, бок о бок, в тех же автобусах – было невыносимо, а решиться протянуть ему руку – глупо и неблагоприятно. Стая – она ведь по законам живет, имя которым – джунгли...

⁹⁶ Голубка (малява, очка) – письмо, послание, записка.

⁹⁷ Прогон – малява общего характера, серьезное послание, предназначенное не одному человеку, а для всеобщего ознакомления. Например, при пополнении воровской семьи по тюрьмам и лагерям рассылаются прогоны, ставящие арестантов в курс о новом Имени.

⁹⁸ Положенец – буквально на положении Вора – ставленник одного, может и нескольких Воров, которому доверяется ответственность за общие дела (смотри) в тюрьме, зоне, городе. Положенец обладает почти воровским авторитетом («без пяти минут Вор»). Нередко положение Вора – это промежуточный экзамен, по результату которого проверяется соответствие ставленника воровскому, Имени, компетентности по жизни и рассматривается возможность подхода.

«Достаточно один раз уступить в классе и мастерстве – всё. Один раз – и шакалы взвоят: „Акела промахнулся!“, старые друзья отвернутся к новому вожаку более сильному, а недруги закружат вокруг последним танцем – пляской смерти. Нет уж...»

– Ты чего? – забеспокоился Шайба, когда Роман заскрипел зубами.

– Кристалл, говоришь?

Повальная арахнофобия

Всё сетуем: «Сорвались планы, не сбываются мечтанья...»

Досадно. Но задумайтесь над шуткой греков:

«Коль боги погубить решили человека,

То исполняют все его желанья».

Долгое время город по праву считался эталоном провинциальной красоты и мерилом покоя. Его не портили серость вымощенной торцом еще в дореволюционное время центральной улицы, каждый камешек которой выкладывался заботливыми предками вертикально – на века, убогость запущенных подворотен и проулков, с рождения не видевших фонарей, и нищета пресмыкающихся у ног цивилизации частных дворики. Последние без борьбы отступали, оттягиваясь к окраинам, а на их месте торжественно вырастали элегантные высотки из стекла и металла – потребности большинства, как и положено в обществе с совковым менталитетом, легко изживали мелкособственнические интересы. И даже «майданщина» не смогла внести раскол в сознание горожан. Люди любили свой город – кто за вечернюю тишину родных кварталов, кто за несмываемую печать старины, пронизывающей каждую пядь исторической земли, а кто и просто так – за обыкновенное право называться его жителями.

Семен Борисович Бессмертный с гордостью относил себя к последним. Несмотря на негарзды в семье – следствие сыновней молодости – жизнь в целом сложилась удачно, и каждая даже маленькая победа, так или иначе была связана с этим спокойным местечком. Сюда Семен Борисович попал сразу после института, получив распределение в один из перспективнейших металлургических комбинатов Подолья. Головокружительная карьера на профессиональном поприще, сознательный переход на плодотворную партийную ниву с еще более блистательным продолжением, работа в депутатском корпусе и, наконец, префектура губернатора – этапы не слишком оригинальной эпопеи, однако без преувеличения славной. И как это часто бывает, бочку меда, предназначенную победителю, не преминула почтить присутствием ложка дегтя, превращающая наслаждение в муку, – весь баснословно упорный труд, поднятая высоко фамилия Бессмертных, отданное работе здоровье разом перечеркнули выходки непорочного отпрыска.

«Боже, когда это все закончится?» – Семен Борисович, массируя ломящие виски, тоскливо поморщился.

Вчерашнее совещание у губернатора, длившееся до поздней ночи, избрало Бессмертного новым председателем координационного совета, на носу важная встреча, а в голову лезут мысли о сыне.

Звонок селектора наполнил исполкомовский кабинет нудными раздражающими децибелами.

– Что там еще? – недовольно гаркнул новый председатель, выплеснув отрицательные эмоции.

Тоненький голосок секретаря, подвергнув скрытой критике резкий тон шефа, обиженно уведомил:

– Семен Борисович, все ожидают только вас.

«О, господи!» – засуетился он, собирая разложенные на столе бумаги.

Расширенное заседание подведомственного ему комитета с участием представителей всех структур, в том числе правоохранителей, и губернатора лично Бессмертный инициировал сам, а в конечном итоге едва не забыл о первой рабочей баталии в своем нынешнем качестве.

Вскочив, Семен Борисович наспех поправил галстук и бросился к конференц-залу. Ковровая дорожка, устилающая коридоры, убегала вперед бесконечной лентой. Встречая на пути

вежливо расходящихся к стенам людей, Бессмертный виновато кивал головой на пухлые папки, на ходу извинялся за скоростной слалом, и, подкрепляясь понимающими улыбками, устремлялся на очередной вираж. Взгляды сослуживцев, да и просто знакомых отдавались в голове стадионным гулом мондиале, бодрили кровь и подталкивали к свершениям.

«Давай, Сема!», «Давай, металлург!», «Покажи им по чем фунт лиха!»

Дипломированный инженер, он всю жизнь являлся добросовестным исполнителем чужой воли, пока вчерашний росчерк пера не открыл волшебную возможность быть генератором собственной. Происшедшее казалось чудом, но целиком заслуженным.

«Почему я?» – кокетничал Семен Борисович. Вот и двери конференц-зала, предупредительно открытые настежь. Стоило перешагнуть порог – собравшиеся оторвались от документов, отдав дань признания власти, стоящей за председательским портфелем. Место губернатора пустовало. Большой овальный стол – точная копия собрата из Белого Дома – важно отгородился от мира двадцатью кожаными креслами. Бутылки традиционного «Боржоми» и вазы с фруктами, согласно процедуре расширенных заседаний, имеющих тенденцию затягиваться дотемна, островками возвышались на полированной поверхности, создавая неофициальную атмосферу. А вот и губернатор...

Совещание длилось несколько часов. Выступали с отчетами о проделанной работе, умело манипулируя статистическими данными, вносили предложения, получали корректировки и заканчивали под одобрительный шумок участников избитой не умирающей фразой:

– ...наше управление успешно справляется...

«Интересно с чем? – размышлял Семен Борисович. – Город агонизирует, бюджет в последней стадии анемии, показатели агропромышленного роста худшие в стране...»

Он внимательно взирал на лица, пытаясь понять, о чем думают их степенные обладатели. Тот, что бесстыдно погрузился в сладкие сновидения, точно ни о чем.

«А другие?»

Другие, встречая его пыливый взгляд, отводили глаза в сторону, либо срочно уходили в чтение бумаг.

«Как же работать с ними, если они боятся просто признать очевидные вещи?», – Бессмертный опустил голову и уже не поднимал ее до конца совещания.

Подведя итоги, губернатор встревожился:

– Семен Борисович, дорогой, тебе плохо?

Услышав свое имя, он вздрогнул.

– Нет, Виктор Павлович, так, задумался...

– Что-то хотите добавить?

– Да нет, пожалуй, в другой раз.

– Ну что ж, тогда все свободны, – торжественно объявил губернатор и первым покинул зал. Люди облегченно потянулись к выходу – гроза в который раз благополучно миновала, не так страшен Бессмертный, как его малюют... Семен Борисович собрал портфель, тяжело вздохнул и, оглядываясь – ничего ли не забыто, – заметил спокойно сидящего на другом конце стола незнакомца. Попытавшись вспомнить, какое ведомство представлял невзрачный тип в штатском, Семен Борисович потерпел фиаско и нейтрально улыбнулся.

– Собственно, вы чего-то ждете? – голос в мрачном сумраке наступившего вечера прозвучал с холодком официальности.

Незнакомец неуклюже поднялся и, не удостоив ответом, подошел к окну, испещренному зимними узорами. По лицу Бессмертного пробежала легкая зыбь беспокойства. Совладав с собой, он переспросил раздраженно:

– Вам чего?

Резко развернувшись, неприятный тип ухмыльнулся:

– Что ты, Сема, грубишь? И нервничать не надо – вроде я же еще ничего не сообщил? Не спеши жить, уважаемый, – он немного помедлил и безжалостно рубанул. – Как сын?

Бестактный вопрос, попав в уязвимое место, отбросил координатора в кресло. Перехватило дыхание и вновь противно заломили виски. Руки машинально освободили шею от плена жесткого воротника, даря мозгу несколько драгоценных секунд для контрвыпада:

– Если вы о том, что он сидел, то губернатор в курсе...

– Голубчик, о чем вы говорите? Причем тут дела давно минувших дней? Как там поется: нам рано жить воспоминанья-я-я-ми... – фальшиво прогнусавил незнакомец и после короткого смешка вернул голосу прежний металл. – О сегодняшнем надо думать, с намеком на будущее. Раз в жизни наберитесь смелости, посмотрите под ноги. Так рьяно разглагольствовать о паутине проблем и не замечать, что ниточка тянется из собственной задницы! А?! Помнишь, – резко перешел он на «ты» – как пишут в умных книжках – в коконе собственных иллюзий? Нехорошо. Очень плохо. Советую вам подумать и утрясти неурядицы с мальчиком, а то потом поздно будет. Присвоение чужих денег, воровство, организация преступного формирования... Ух и букетик. Продолжать?

– Уж будьте любезны. Я весь внимание.

Потребовалось всего пять минут, чтобы последовательно, ход за ходом, раскрыть козырные карты просчитанной до мелочей партии и обрести безмерную власть над господином Бесмертным.

Удаляясь, странный тип щелкнул каблуками и отчетливо обронил:

– Честь имею...

Знать бы прикуп...

*Любовь меня до крыши замела.
До боли снежная...
А после оттепель была.
Такая нежная...*

Романа не могли найти почти сутки. Машина одиноко скучала у подъезда, на звонки в дверь никто не реагировал, мобильник не отвечал. В городе Башмак так и не объявился. Стая нервничала. По странному совпадению, а может чистой случайности, у стекляшки не появилась и Мамзель, а к вечеру таинственно пропала Неотложка. Шайба уже который раз притормаживал у столиков и, когда в ответ растерянная шпана пожимала плечами, вдавливал «газ» до упора. Розовый «Кадиллак» с недовольным свистом покидал площадь и через час подъезжал снова, чтобы устало констатировать безуспешность поисков. Ничего не дал и ночной рейд.

Башмак нашелся сам – утром следующего дня. Измученный, помятый, совсем чужой от пропечатанной на лице обреченности, он плелся к обычному месту под центральный грибок террасы. Наихудшие подозрения подтвердились. Опираясь на его руку, словно заявляя о своих эксклюзивных правах, степенно вышагивала Мамзель.

– Чего уставились? Стоило оставить вас на денек, так сразу и пораскисали...

– Все путем, Башмак, – уныло отозвался Макар. – Пока ты отвисал, все тикало в заданном режиме. Луня умудрился двадцатку надыбать, да и остальные не дремали. Ну в меру способностей, разумеется...

– Понятно, – на манеже – одни и те же. Я уже давно задумываюсь перекрестить нашего героя на Лаки, только не Лучано, конечно, а с сохранением оригинальности, скажем, – Лаки Луниано. Что скажешь, Луня?

– Обойдусь, – поморщился тот, – двусмысленности мне ни к чему. Встречал я этих Лаки в книжках Коллинз... Но, честно говоря, действительно повезло. Выхватил с утра семь кошельков, в обед – десяток, а вытрусил – там от силы сотка. Ну, думаю, не мой день. Тут вижу – бобер исполкомовский. Я его сразу узнал, он по ящику чего-то там за криминал базарил. Сел к нему на подножку, хотел сразу сработать, да народу маловато. Весь центр протопал за этим оратором, он же, волчара, хвостом вильнул и в банк. Час, второй, – думал уже домой топать, промерз до кишков. Тут он и вывалил – прямым ходом на базар. Ну, а там сам бог велел...

Луня с чуть наигранным пренебрежением хлопнул о стол увесистой пачкой.

– Двадцать? – уточнил Роман.

– Угу.

Ловко смахнув деньги, Башмак опустил их во внутренний карман. Он нарушил сразу два неписаных правила: во-первых, взял себе всю сумму, а во-вторых, впервые открыто дерзнул притязнуть на заработанное стайей. Колюче буравя лица ветеранов, Роман вспыхнул багровыми пятнами.

– Это на установление необходимых контактов – и, повернувшись к Макару, непринужденно сменил тему. – А ну, напомни, что там кто-то говорил о Викторе и его ученике?

– Второй месяц виснет в «пятерке» и «единице». Я базарил с ним за раздел территорий, но он просил передать дословно, мол, ты – никто и звать тебя никак, а с пустым местом и говорить нечего. Может, проучим?

Возбуждение неприятной дрожью прокатилось по телу, но возобладать над собой эмоциям Башмак не дал. Волна прошла так же быстро, как и возникла, оставив в душе грязную мусть. Гордо озирая настропаленную шпану, ждущую его решения, он молчал. Наступила пора

«великих» свершений, и требовалось как никогда руководствоваться исключительно холодным расчетом, оставляя самолюбивые порывы на потом. «Кто?» – этот вопрос не давал покоя. Последние двое суток кардинально все изменили. Началось с вечернего звонка дорогого родителя. Бессмертный-старший, несмотря на то, что дата «взятки» не настала, потребовал встречи.

«Не знаю, почему так произошло... Все из-за этого неожиданного звонка...»

Собираясь предстать на randevу в самом что ни на есть похвальном виде, дабы потерзать сверхнравственную душу предка, Роман тщательно приготовился. Накупив выпивки, он заскочил в «Фортецию» за экстравагантного облика дамами, чья внешность и манеры не вызывали бы сомнений в роде их деятельности. Однако, колоритных особ не подвернулось под руку, а братъ Неотложку мешали причины субъективного характера и ее никудышные актерские данные. Уже покидая бар с коробком травки, он услышал:

– Рома?

Приближающийся за спиной сексуальный цокот шпилек не оставил сомнений – и, обернувшись, Башмак действительно столкнулся с Мамзелью. Сквозившая в ее взгляде неуверенность, заставила его благосклонно улыбнуться:

– Чего тебе?

После секундной внутренней борьбы она решилась и ослепила ответной улыбкой.

– Может, подбросишь меня домой?

Так близко, лицом к лицу, они еще никогда не стояли. И только на этом расстоянии за маской холодного безразличия обнаружился скрытый вызов, да такой силы, что пренебречь дикими фантазиями, немедленно овладевшими вашей головой, было невозможно. Сдуть иней с ее ресниц, отогреть дыханием бледные щеки, растопить лед на губах – казалось удивительно заманчивым и обещало несравненное удовольствие, ничуть не меньшее, чем завладеть сердцем Снежной Королевы, давшей понять, что это возможно вы – единственный, кому подвластно наложенное заклятие.

– Хм... – опешил Башмак от удивительного открытия и проверил догадку, – ты, случаем, не занята сегодня?

– Наверное, только самые легкомысленные женщины считают торг за цену своего времени признаком собственной значимости. Лично я предпочитаю выделять понравившегося мужчину беспрецедентными скидками. Иначе говоря, – для тебя, любимый, свободна и на край земли «згодна», – зеленые глазки подкупающе дохнули радостью пробившегося сквозь снег подснежника.

Опьяневший от нахлынувшего желания, Башмак обнял ее за талию и увлек к машине.

– Вот и договорились. Поможешь старика моего чуточку подразнить? Сможешь?

– Любой каприз за ваши деньги, мой генерал, – пропела весенней капелью.

– Замётано.

Отъезжая от «Фортеции», в зеркале заднего обзора он заметил оживленно машущую ему Неотложку, однако, наплевав на последствия, поспешил удрать.

Дома, чтобы заполнить оставшееся до прихода родителя время, они накурились шалопета и догнались бутылкой водки.

– Хорошо у тебя, – многообещающе проворковала Мамзель, безуспешно пытаясь попасть окурком в пепельницу. – Ну и где же наш папа?

Бессмертный, сродни венценосной особе, блеснул пунктуальностью. Критически оценив состояние сына, стол, заставленный выпивкой и полуголую чертовку, напроць лишенную комплексов, он принял предложенную игру и без приглашения присоединился к ним. Непокорный дофин с затаенной досадой отдал должное выдержке величественного родителя. Усадив Ленку на колени, Башмак задумчиво поглаживал ее роскошные бедра и внимал обеспокоенному отцу.

– Сынок... – неуверенно начал тот.

Скомкав начало, Семен Борисович, тем не менее быстро и детально изложил причины визита, сопроводив рассказ мельчайшими подробностями, и постепенно нащупал привычный тон. Голос становился уверенней, громче и четче. Дважды Бессмертный прерывался, наливал себе водки и, закусив лимоном, снова говорил, говорил без упреков и обиняков, без фальши и лукавства и на пике отцовского красноречия Башмак не выдержал:

– Я понял к чему клонишь. Только вот штучка – меня опять упрячут, а ты и пальцем не шевельнешь, так? Чем мягче кресло, в которое ты усаживаешься, тем ужасней от тебя воняет...

– Мое вмешательство бесполезно. Я не в силах помочь тебе, пока ты сам себе не поможешь. Можно оттянуть арест и за этим в лучшем случае последует отставка, в худшем – прилугу на соседние нары.

– Тебе там не выжить, – Башмак неожиданно смягчился, представив отца в незавидном амплуа зэка. – Но откуда они все знают и почему именно две недели?

– Не в курсе, сынок. Но мне обещали оставить тебя в покое, если возвратишь чужие деньги...

– Да? А он не говорил в каких купюрах господу желают их получить? – съязвил Роман и ухмыльнулся. Банковские реквизиты, мне будьте любезны, сообщить.

– Сынок, сейчас не время устраивать балаган. На карте твоя свобода и репутация семьи. Башмак не сдержался:

– Если репутация кому-либо дорога, то с нее тряпочкой чистой ежедневно пылинки стряхивают. Твою же года три назад обгадили с ног до головы, а ты и не дернулся. И еще. Неужели ты до сих пор не понял? Нет и не было никаких чужих денег. Есть эта квартира, машина и новые шмотки, но они заработаны честным трудом карманника. Никто ни у кого не брал займы. Все, что у меня есть, принадлежит мне и только мне. Лучше бы поинтересовался, кому это я задолжал. Уверен, что угадаю с первой попытки.

– Ну... не знаю. Он показался человеком серьезным и слов на ветер не бросающим. Через две недели все вы окажетесь по ту сторону и тогда будет поздно рассуждать об имущественных правах.

– А меня другое занимает, не верю в призраков. Какой-то там фантом снабжает информацией такое же привидение из таинственных структур... И потом, какой от нас вред? Так, пару кошельков. Теряют их и то чаще. Пусть твой доброжелатель с мнимым потерпевшим борется, вот где организованная преступность.

– Да, а это тоже на упомянутые пару кошельков куплено? – выразительно обведя комнату взглядом, засомневался отец.

– По-разному бывает. Да и вы помогаете, – уклончиво парировал Роман, не желая вдаваться в технологию карманного ремесла. – Наши забавы по сравнению с играми того господина – детские шалости и, пока ты не сунешь нос под его благочестивый панцирь – хреновый из тебя замгуб. А теперь уходи. За предостережение – спасибо, я покумекаю. Устал...

Вскоре служебный автомобиль выкатил из двора. Роман, уложив несколько увлекшуюся ролью Мамзель отсыпаться, просидел всю ночь в тяжелых раздумьях.

Обрывки разговора мелькали в памяти, заставляя сжимать кулаки и цепляться за любую соломинку.

«Странно... Таинственному доброжелателю их темных сфер известны такие подробности, которые без помощи хорошего информатора, непременно из моего ближайшего окружения, никогда не стали бы достоянием враждебного лагеря. Кто?»

Башмак, не выдерживая накала мозгового штурма, ухватился за голову.

Он не стал до конца откровенничать с отцом, и с точки зрения безопасности поступил верно. Независимо от финансового потока, уходящего на покупку дорогих вещей, да

и вообще жития- бытия, существовал резерв. Подгон⁹⁹ шпаны, собственные барыши и, несомненно, неуплаченная доля – все это округлило сумму личных сбережений до «ста тонн» зеленых, спрятанных на черный день в надежном месте. Сознание беспокойно металось в поисках правильного решения. Очертания ответа маячили где-то вдали, заставляя оглянуться назад и вновь, шаг за шагом, пройти весь путь стаи. Исповедуя религию улицы и существуя за счет краж, шпана напрочь отказывалась привносить личную свободу в жертву идеям, обычаям и традициям воровского мира, чем отводила себе в криминальном свете роль чужеродного тела. Но и с другими формациями, будь то «новые» или правоохранные ведомства, стая находилась в не менее жестких противоречиях, а ситуация настойчиво требовала выбора. С одной стороны, напирала уголовники, чья клановая организация уходила корнями в прошлое и надежно держала во власти «колючую республику», с другой – не менее жестокая группировка наехавших три года назад, беспринципно заигрывающих и с властью, и с криминалом, а с третьей – «звезды»¹⁰⁰, которые попутно со своей основной задачей легко исполняют щедро оплаченные просьбы вышеперечисленных. Да еще этот невесть откуда взявшийся стукач!

«С кем и как идти дальше?»

Эфемерное положение стаи вело к пропасти и грозило ее полным истреблением более сильными конкурентами. С «новыми» и «звездами» не хотелось иметь ничего общего – однажды они уже показали истинные лица. Но и «синие»¹⁰¹, а точнее «черные»¹⁰², оставались загадкой, решить которую за время отсидки Роман не смог. Суровые правила и законы, по коим за одно неверное слово и несоответствие Имени беспощадно наказывали, чужаков не любили, а от назвавшегося братом ждали беспрекословного исполнения воли Вора, Романа пугали.

«Ну и задача! Эх, знать бы прикуп...»

Две недели. Много это или мало – еще предстоит выяснить, но сначала надо кое-что проверить, и, если жизнь вынуждает, то выбор будет сделан.

– За работу...

⁹⁹ Подгон – подарок, презент.

¹⁰⁰ Звезды – нейтральное прозвище работников правоохранных структур.

¹⁰¹ «Синие» – общераспространенное название уголовников из-за цвета татуировок – далеко не всегда являются черными, так как не все преступники живут воровским и придерживаются воровских понятий.

¹⁰² Черные – воровская масть, в отличие от мусорской – красной.

Ах, эти синие глазки

*Вплотную подойдя, он плавил ее лед собой,
И вот, потупив взор, она готова принять ласки...
Не плакать б после от стыдливости слепой:
«Куда смотрели мои глазки?!»*

Так и не сомкнув ночью глаз, Кристалл встретил рассвет, ополоснул лицо ледяной водой и, прогнав следы бессонницы, тихонько оделся. Перспектива проторчать до обеда в компании тети Клавды не прельщала, поэтому бритье отодвинулось, по французской традиции, на вечер.

«Уж лучше померзнуть в автобусах!»

Виктор принимал таинственного гостя из Москвы. «Значит, сам себе режиссер, сценарист и главный герой».

Уже пересекая порог, Кристалл услышал встревоженный скрип хозяйской кровати и облегченно вздохнул.

«Пять секунд. Полет нормальный».

К обеду старик просил быть у него, собираясь, по всей видимости, представить важной персоне.

Улица ослепила. Снег шел всю ночь и, успев поменять городу грязные слякотные одежды на белоснежный костюм, подарил приятную ностальгию. Легкие приняли бодрящую порцию воздуха. Ударивший под утро мороз покрыл обновку защитной пленкой наста. Ткань городского костюма приятно похрустывала при каждом шаге, оставляя на себе тисненый узор незатейливых следов Юркиных полусапог. Дотопав до остановки, Кристалл вклинился в толпу, на ходу подыскивая клиентов. Люди равнодушно вкушали прелесть первого настоящего снега и, втянув головы в воротники, озадаченно посматривали на дорогу. Может показаться неправдоподобным, но многие лица не то, чтобы узнавались Юркой, а даже приелись, частенько попадая на глаза, – мир тесен и вселенная рогатых троллейбусов и лязгающих дверьми автобусов – не исключение. Некоторые люди встречались впервые, попадались и невзрачные субъекты, чья внешность не оставляет в памяти никаких следов даже при постоянном их лицезрении. Как бы там ни было, физиогномикой Кристалл не занимался, полностью предоставив право выбора подсознанию.

Вот и сейчас оно заставило сконцентрироваться на немолодом мужчине, бережно прижимающем к груди портфель, и симпатичной девушке. Детали гардероба имели, конечно, значение, но как второстепенный фактор, относящийся, по сути, ко второму этапу. Выделенный из общей массы тип принадлежал к представителям добропорядочного общества. Дорогое пальто, теплые отглаженные брюки, шарф, подобранный наверняка с участием женщины... Прорези карманов прямой аккуратной линией проходили по срединно-переднему фронту и вряд ли могли заинтересовать. В подтверждение этому рука незнакомца то и дело ныряла в правый карман, подносила платок к носу и опускалась обратно. Поправив шарф, чиновничья душа обнажила ворот свитера и Кристалл методом исключения определил местонахождение лопаты. Вероятность соседства кошелька с обслюнявленным платком противоречила трепетному отношению подобных типов к собственному благосостоянию; брюки, лишенные прикрытия под полами пиджака, господин с претензией эстета не стал бы топорщить объемистыми вещами, а свитер – без карманов, следовательно, единственным местом, где мог находиться искомый предмет, оставался портфель. Изучив детали, Юрий занялся дамочкой. Холодный воздух великолепно передавал возбуждающий аромат туалетной воды, исходивший от нее. Приблизившись, Кристалл попал под влияние чар, созданных торговой маркой «Кензо», и, вдохнув запах райского сада, едва не ткнулся носом в лисью шубку. Хотелось прижаться к бла-

гоухающей леди и застыть, пресыщая нервный центр мозга, отвечающий за выделение эндорфина. Вовремя пересилив неуместное желание, Юрий отругал себя за глупые мысли, и холодно оглядел обольстительницу.

«Возможно, затеи с раздражением эрогенно-обонятельных зон избежать не удастся, – заключил он с затаенной радостью. – Без просветки¹⁰³ не обойтись».

Этому процессу Виктор, обучая юношу, отвел значительную роль. И в самом деле, попробуйте прохлопать карманы незнакомого вам человека, чтобы он потом не держал вас за подозрительного субъекта, требующего особой бдительности. Основной момент здесь – непреднамеренность: споткнулся, поскользнулся, автобус резко качнуло – разумеется, вы ухватитесь хоть за что-нибудь, лишь бы не упасть. А сочувственная улыбка «клиента» в ответ на ваше извинение – лучший показатель профессионализма и высшая оценка сыгранной вами невинности. Остальное – ловкость рук и дело техники...

Определившись, Кристалл на всякий случай обошел толпу и, стараясь не привлекать внимание, приценился к остальным. Долго убеждаться в правильности выбора не пришлось. А вот и «пятерка».

Толпа ожила. Люди, толкаясь, кинулись к дороге, к удобным стартовым позициям. Едва троллейбус раскрыл двери, человеческий поток подхватил Юрия, закружил и неуправляемой силой швырнул под металлический свод. К счастью, и номенклатурный мужчина, и «вкусная» девушка выбрали ту же заднюю площадку. Прибившись к избранному господину, Кристалл согнул колени, прикрытые плащом, украв у своего роста добрую треть метра, опустил руку и начал медленное вращение вокруг оси. Вскоре ладонь точно легла на замок портфеля. Троллейбус дернулся и с началом движения Юрий потянул портфель вниз, аккуратно увеличивая его тяжесть по мере набора скорости. Мужчина рефлексивно потащил портфель вверх и, разумеется, тем самым открыл его, ибо защелка была предусмотрительно утоплена Юркиным пальцем. Подтянув ношу, господин успокоился, а Кристалл спокойно обследовал открывшуюся полость. Волнующую поверхность искомого предмета чувствительные «датчики» засекли между бумагами и какими-то книгами. Переместив добычу в сапог, карманник повторил фокус. Пока господин протискивал неудобный саквояж между сомкнутыми телами, тот оказался уже закрытым.

Оставалась дамочка, испарения которой взбудоражили все мужские носы. Кристалл, невинно потупя взор, двинулся ей навстречу и, протаранив толпу, ткнулся-таки в мягкую лисью шерстку. К ауре возбуждающего парфюма примешивался интимный душок секреции потовых желез, придавая «знакомству» пикантный оттенок. То, что девушка безуспешно пыталась скрыть под экзотическим налетом, вылезло с истинно деревенским шармом и дохнуло настоящей, живой сексуальностью центральной части задворок Европы. Борясь с нахлынувшим желанием, Юрий плотно обхватил коленями ноги прелестной соблазнительницы, доставив ей неприятное болевое ощущение. Таковы правила. Хочешь прикоснуться к одной части – переведи внимание на другую. Ненавязчиво пройтись пальцами по складкам одежды, нашаривая кошелек возможно, если заставить жертву думать в этот момент, например, о том, что за копыто топчется по ее ступне. Пока руки блуждают «в стане врага», невербальное отражение жертвы находится в подсознательном наблюдении карманника и, если вдруг меняется поведение из-за вспыхнувших подозрений, то издержки бдительности гасятся упором локтя, давлением в область живота и другими новыми раздражителями. Профессионал использует то, что подсказывает ситуация, все вплоть до хамства и провокаций. Сегодня обошлось без осложнений. Кошелек, обнаруженный в кармане шубки, перекочевал к Кристаллу. Отрываться от источника афродизиаков не хотелось, однако требования безопасности суровы и несоблюда-

¹⁰³ Просветка – незаметное для жертвы ощупывание карманов с целью выявления местонахождения кошелька или других ценностей.

ющий их платит дорогой ценой – свободой. Юрка, прощаясь, вдохнул притягательную гамму, задержал в легких волнующий запах, взглянул в синие глаза и протиснулся к выходу. По дороге рука непроизвольно нырнула словно в специально подставленный для этого карман. Смятые купюры довершили удачный исход охоты. Выпрыгнув на остановке, карманник оглянулся. Все те же небесного цвета очи ласково смотрели сквозь грязное стекло рогатого монстра и говорили:

«Ох и проказник вы, молодой человек. Чуть не проткнул...»

«Извини, – ответил его взгляд, – я поймел тебя совсем в другом значении».

«Жаль. Но может быть как-нибудь позже?»

«Может быть. Если захочешь...»

И милые глазки, так ничего и не поняв, исчезли за миллионами падающих снежинок. Предводителя конкурирующей организации Кристалл заметил не сразу. Перебирая в уме наилучшие варианты времяпрепровождения до обеда, Юрка почувствовал тревогу, а боковое зрение тут же объяснило это присутствием чужака. Будто оценивая выдержку конкурента, Башмак пристально, не скрывая вызова, пялился на него из притормозившего на углу «БМВ».

Кристалл спокойно перебрал содержимое лопат, спрятал деньги и пошел навстречу вылезшему из машины Роману. Узкая тропинка, по которой они сближались, гарантировала неизбежное столкновение.

– Исчезни, – рыкнул Юрий преградившей дорогу туше и, подойдя вплотную, угрожающе приподнял уголок губ. – Ну...

Злобный огонек в его глазах скомкал остатки башмаковской невозмутимости и заставил повиноваться. Роман безвольно шагнул в сугроб, уступая тропинку, и уже в спину услышал:

– И на будущее думай, прежде чем бродяге границы устанавливать, а то, не ровен час, тебе их установят. Узкие, как игольное ушко. Отступничек.

Плечи Башмака вздрогнули, припомнив тяжелое прикосновение грифа от штанги. Минувло два года, а он до сих пор не мог забыть горечь унижения. Тогда, на зоне, он с высоко поднятой головой стоял перед сворой беспредельщиков и назывался бродягой. Кто его тогда понял? Вчерашние друзья, поджав хвосты, отреклись и разбрелись по норам, а новая генерация криминальных вельмож, наполнившая тюрьмы в результате очередной волны борьбы с организованной преступностью, вершила суд по своим, рэкетирским законам. Романа били долго и жестоко, а напоследок уста Никольского вынесли жуткий приговор:

– Поломайте этой мокрице хребет!

Какой-то придурок, поняв приказ буквально, схватил гриф и отправил Башмака в дебри. Он выжил, выкарабкался, чтобы отомстить, и как сладка была мысль о мести, коль он позволял себе оттягивать миг возмездия...

– Я не отрекался, – Роман повернулся к Юрию и предстал, растеряв самоуверенность, уже другим человеком. – меня поломали силой. Молодой еще был, слабый совсем.

«Выживает сильнейший», – пожалуй, этот принцип вовсе не так категоричен.

Порой достаточно слова, чтобы поставить на место зарвавшегося собеседника. Кристалл не стал добивать Башмака, решившегося снизойти до откровенности и сбросить показное бахвальство – не так редко искренность заставляет взглянуть на человека иначе. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять всю глубину его переживаний. Значительная часть нашего коммуникативного поведения недоступна нам самим, но при этом открыта миру. И как бы Роман тщательно не подбирал слова – скрыть надлом в душе не смог, глаза красноречиво передавали боль, рвущуюся изнутри.

– Ладно, не суетись, – миролюбиво сказал Юрий и шагнул навстречу.

В Башмаке разом пропала вся злость и агрессия.

– Кристалл, – заговорил он, скрывая смущение, – говорят, тебя на положение ставят?

– Даже так? А от кого слышал – не от бабушек с семечками? Есть такая опасная болезнь – много слушать и мало делать...

«Упрек за мой круг общения или просто ложные слухи?» – озадачился Роман. Стоило проверить, но штирлицевским хитроумием он не обладал, поэтому рубанул прямо:

– Может, заскочим в стекляшку? Отпразднуем знакомство, пацанов моих рассмотришь или с отступником и его кодлой впадлу?

Юрий не замедлил преподать урок и тем запутал Башмака до крайности:

– В другой раз, брат, – слова прозвучали тепло и спокойно, – отложим до подходящего повода.

Словно скинув с себя тяжелейшее бремя, Башмак выпрямил сгорбленную спину, и едва сдержался, чтобы не броситься к Кристаллу, обнять его, пожать руку. Этикет преступников фамильярности не терпит – телячьи нежности с набирающим авторитет человеком излишни и могут восприниматься превратно. Как бы то ни было, Юрий перевернул его душу, дал вновь ощутить силу и уверенность, поднял до уровня равного. Растерянно моргая, Роман завистливо сравнил его с собой.

«Дерзкий, знающий цену словам и делам и бесспорно – достойный. Вывезет ли он груз¹⁰⁴ до конца?» – промелькнуло в голове.

Пожалуй, впервые в жизни Башмак отступил, сердцем признав превосходство другого. «Жаль», – ему многое хотелось рассказать, но настаивать на предложении не стал. Тем более, что «стекляшка» – не место для разговоров и презентаций.

– Что ж, по рукам.

– По рукам.

¹⁰⁴ Груз – взятая на себя ответственность.

Прошляк с «Периньоном»

*Войти красиво, коль параден вход, легко.
Вот выйти так же... То удел немногих.
Тем более, когда есть только черный ход
Для покидающих элитные чертоги.*

Кто-то когда-то имел неосторожность произнести нашумевший фразеологизм «воры в законе». Возможно, автор этих слов был человеком далеким от воровской жизни, человеком легкомысленным и странным. Но скорее всего грешить на одну лишь некомпетентность и глупость нельзя, сознательное пренебрежение истиной – это даже не цинизм, а нечто более глубокое и тщательно продуманное. Если так будет угодно – черный PR с полицейскими погонями.

Как правило, правда умышленно искажается либо во имя достижения собственных популистских целей, либо по требованию всех и вся – от неформальных хиппи, скинхедов, фанатов, меломанов и всяких там митьков до вполне законных партий, официальных и полуподвальных течений и тем более явлений с криминальным оттенком. Партиям регистрацию установили, соорудили из оговорок и ограничений стойло и узду обязали надеть, другие общественные организации под неофициальный надзор поставили, чтоб с нужного ритма не сбивались, течениям – направления указали, чтоб не вспять, а чуть что – плотиной притормозят непокорную стихию. Да только воровское – не течение роллеров, а сила – разумная, несговорчивая, к себе и чужим строгая, ибо то, чем люди живут и не балуются, готово защищать себя самой высокой ценой. Вспомните, для примера, липованей, староверов, ушедших в леса, но не променявших души за патриарший указ. Вот и здесь, тот, кто по-воровски живет, не станет покоряться распоряжениям сверху – потому как вся жизнь вне закона и сплошной протест, и брезгливо откажется пачкать Имя чуждым образу жизни словечком – закон. Определение сие «вор в законе» – аналитики из силовых структур придумали. Для себя же и вывели, подключив фантазию буйную, чтоб на личных делах вместо кодов и крестиков всяких писать для особого тупых из конвоя: «вор в законе – особый контроль», а кто-то подхватил понравившееся выражение и вооружил им не искушенную в нюансах публику. Дошло до абсурда. Фильм «Воры в законе», в котором Гафт довольно симпатично изобразил «заворованного» бизнесмена, упрочил заблуждение обывателей и пошло-поехало. Книжки, статьи в газетах и журналах, ссылаясь на «авторитетное» кинематографическое мнение, растиражировали шизофрению «законного воровства». Неправильно это, смешно, противоречиво и не по понятиям воровской субкультуры. Можно сказать, исключительная бестактность и неточность, которая рано или поздно изживет себя.

Для Вора слово, несмотря на внешнюю легкость необременительных сочетаний звуков, непомерный вес имеет. За непритязательными на первый взгляд фразами кроется глубокий и точный смысл, а передача его требует абсолютной открытости, искренности и понимания. Так беседуют братья, между которыми кровное родство обязывает к согласию, так разговаривают друзья, ощущающие невероятную потребность друг в друге. Так общаются Воры...

В комнате, окутанной мягким полусумраком, каждая произнесенная буква слышалась ударом барабанной дроби, предвещающей трагический поворот в сюжете. Гость из Москвы, заподозривший причины приглашения, молча качал головой, и, раскуривая уже какую по счету сигарету, тяжело вздыхал. Когда Виктор, вернувшись из библиотеки, поставил на стол темно-зеленую бутылку, он напрягся и затаил дыхание.

– Да, брат, это та самая, – печально улыбаясь, Виктор безжалостно вонзил штопор и спустя несколько секунд уже разливал пенящуюся жидкость в бокалы, – из сокровищницы аббатства Овиле. Одно из вин, которые хвалили Людовик XV и Наполеон. Оно лилось на корона-

ции Эдуарда VI и князя Ренье, на свадьбе королевы Елизаветы, и я обещал себе открыть его тоже в самый радостный день. Но мои годы примешали к радости горечь. Ты ведь знаешь, мне уже за семьдесят перевалило...

Евгений взглядом попросил стоящего за спиной человека оставить их наедине. Едва тот скрылся за дверью, он предостерегающе поднял руки.

– Может не стоит спешить? Люди тебе верят, молодые тянутся... И вдруг так. Сделав глоток, Виктор словно переступил черту и, наслаждаясь вкусом шампанского и легкостью, охватившей сердце после принятого решения, откинулся на спинку кресла.

– Не тот я уже. Совсем не тот, брат. Силу в руках теряю, память подводит, перепутать могу что. Нельзя иначе. Ухожу.

Евгений пригубил свой бокал и опустил взгляд.

– Прошляк¹⁰⁵, значит...

– Можно и так сказать. Прошляк, – вздохнул Виктор. – Я ведь поступаю обдуманно, пока в уме здоровом, чтобы потом поздно не было. Много ли пользы в деле нашем от старика маразматика, еле передвигающего ноги? Только вред. Говоришь, люди за мной тянутся, а куда я их приведу, если ползу улиткой, а то и на месте стою? Отхожу в сторону. Пусть молодые вперед идут, разумнее это. Кристалл – бродяга достойный. Ты не хмурься, брат, наша в нем кровь, потянет. Да и я рядом, помогу чем можно, а время пройдет – убедишься...

Воцарившаяся тишина говорила о многом, ведь истинные чувства всегда немногословны. Наконец Евгений поднялся и, подойдя к хозяину, взглянул ему в глаза. Некогда пылавший в них огонь померк, затянулся пеленой.

– Хорошо, брат. Будь по-твоему.

Кивнув, Виктор простер руки и, благодаря друга за воровское понимание, крепко сжал его плечи костлявыми сухими пальцами. Скатившаяся со щеки слеза упала на дно недопитого бокала и растворила душевную боль в остатках королевского вина.

¹⁰⁵ Прошляк – в прошлом Вор, сам отказавшийся от Имени по уважительной причине (болезнь, старость), в отличие от сухаря – бывшего Вора, проявившего в чем-либо недопустимую слабость духа и которого лишает Имени за несоответствие (Имени, образу жизни) воровская семья.

Светлая тень

*В сердцах художников сидит заноза,
Из души колет неразгаданный секрет:
Как на холсте изобразить метаморфозу,
Чтоб, поднимаясь, тень отбрасывала свет?*

У дома, перегородив подступы к подъезду, в котором проживал Виктор, стоял горделиво выпячивая московские номера, темно-синий «Паджеро». Обойдя запыленного прищельца, Кристалл взбежал на третий этаж. Дверь отворил сомнительного вида господин и, подозрительно оглядев Юрия, обнажил в вопросительном оскале сплошной ряд золотых коронок.

– Чего надо?

– К Виктору.

Из глубины донеслась знакомая хрипотца деда:

– Пусти его, Сэмэн. Это ко мне.

Недоброжелательный тип молча посторонился. Впустив Юрку, он уставился на выпуклости его одежды и, нагло прожигая взглядом тонкую материю, потирал небритый подбородок.

«Ну и рожа! Неужели Виктор звал меня для знакомства с этим бультерьером?» – Кристалла передернуло от неприятной перспективы провести вечер в обществе угрюмого берсерка. Скинув плащ, он торопливо окинул прихожую.

Облегчение снизошло в зале, ибо там пребывал еще один незнакомый господин, в отличие от клыкастого, выигрывающий благородством наружности и манерами. Раскрыв какую-то книгу, он с выражением цитировал:

«... узнав ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдов увидел, что все те пороки, которые развиваются между арестантами: пьянство, игра, жестокость и все те страшные преступления, совершаемые острожниками, и самое людоедство – не суть случайности или явления вырождения преступного типа, уродства, как это на руку правительствам, толкуют тупые ученые, а есть неизбежное последствие непонятного заблуждения о том, что люди могут наказывать других. Нехлюдов видел, что людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах, и заключается только в тайге.»

Юра тихонько приземлился возле деда. Заметив потрепанный кейс, оказавшийся рядом, старик недоуменно изогнул бровь, но любопытствовать не стал. Воинственно раздувая ноздри, он возразил:

– Большой жизнелюб был граф Лев Николаевич... Отвечу словами Достоевского, к Толстому же и обращенными: «Никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следственно и от виновности и преступности. Зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, ни в каком устройстве общества не избегните зла: ненормальность и грех исходят из самой души человеческой».

– Но... – запротестовал незнакомец. Виктор улыбнулся. – Да, брат, это «но» существует. Ницше назвал его светлой тенью. Нас называют темными личностями, считают мрачными субъектами, потому что все неясное в наших душах кажется им мраком. Так вот, – дед поднял вверх палец и произнес по-немецки длинную тираду. Переведя дух, повторил ее уже на русском: «Близко, совсем близко к мрачным людям всегда почти находится как бы связанная с ними светлая душа. Это словно отрицательная тень, отбрасываемая ими».

– Точно, – успокоился господин из Москвы. – У нас в тюрьмах справедливости больше, чем в их хвальной демократии, – и, развернувшись к телевизору, деликатно углубился в просмотр мультфильмов.

Юрий, взяв со стола вилку, сосредоточился на замке кейса. Намекая на романтический налет плесени, покрывающей дорожную кожу, Виктор не удержался:

– Клад что ли нашел?

– Сам не знаю. Сейчас увидим.

Недовольно крикнув, дед на всякий случай отодвинулся подальше и ехидно проинструктировал:

– Ты, ежели что, красный проводок не трогай...

Громкий щелчок заставил незнакомца оторваться от экрана. Под пристальными взорами Кристалл отмахнул крышку.

– Охо-о-хо-хо! – протянул Виктор. Кейс оказался доверху забит зелеными банкнотами, аккуратно стянутыми в пачки. Потянуло запахом сырости.

– Живем, – обрадовался Кристалл. – Метко сказано: знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Бери, батя, это копейка в черную кассу.

– Кхе... кхе, – Виктор подозрительно повел носом. – А какая же это «Эспаньола» бросила якорь на нашем рейде?

– Да брось ты, батя... Нашел тоже Билли Бонса...

– Ну ладно, ладно, – потрепав Юру по голове, Виктор кивнул на деньги. – Себе немного оставь.

– Ни к чему. Завтра же украду – будет мне на нужды.

– Я говорю за сегодня, а завтра...

Вкрадчивый голос гостя помешал старику закончить.

– Ты совершаешь ошибку.

– Как так? – встрепнулся старик, хотя понимал, о чем зашла речь.

– Затронуто наше Имя... Если я не ошибся, то кто-то пожелал уделить внимание воровской кассе? И этот кто-то – твой юный друг...

Кристалл затаил дыхание, боясь привлечь к себе внимание грозного незнакомца. Негласное правило лишало права голоса в разговоре старших братьев, отводило ему скромную роль наблюдателя и позволяло вмешаться лишь, когда того потребует необходимость. Чутко уловив изменение в интонациях, из коридора показался Сэмэн. Несравненно опытней в подобных развалах¹⁰⁶, он облокотился о стену и, опустив подбородок на грудь, устало прикрыл глаза. Считать его состояние ленивой дремой – заблуждение, которое для доверчивых могло стать последним. Обманчивая вялость дурила дилетантов, но профи бы увидел – «сонный» увалень тщательно отслеживает каждое движение и по первому же зову готов распрямить в прыжке подтянутое жилистое тело.

«Не ссорьтесь!» – едва не вырвалось у Юрки, ибо зловещее молчание уже пересекло грань допустимой паузы. Что ему делать он не знал. Кто этот, заблокировавший выход, тип? Кристалл даже не ведал цели приезда московских гостей, но происходящее разворачивалось явно не встречей выпускников.

Смягчился первым дед.

– Видать бес попутал, брат. Старею, оттого и забываться стал.

– Ты эту дьяволиаду брось, – незнакомец поднялся и зашагал по комнате. Слова его звучали жестко и сурово.

Позже, перебирая в памяти услышанное сегодня, Кристалл попытается определить, в какой момент возникло ощущение странной отрешенности, будто он погрузился внутрь себя, а внешние раздражители поступали в мозг сами, минуя органы чувств. Казалось, все давно решено без него, а он присутствует так, для проформы, зрителем на спектакле двух актеров.

¹⁰⁶ Развал – словесное разбирательство, обмен мнениями по неоднозначному вопросу, спор.

Зрителем, которого пьеса предусматривает в роли декорации. Возможно, рефлексия наступила с началом ссоры, но глубина ее проявилась после услышанного:

– Я думал, мне представят людей – опытных, за понимание наше битых, а вместо них тулят* пацана, который еще по сказкам в жизни ориентируется. Это не с ним ли ты собираешься ладить в городе воровское положение?

– Да, с ним, – упрямо заявил Виктор, зазвенев сталью, – у него душа наша, а то, что руки по локоть в крови замарать не успел, то ему плюс. У него мозги есть, понятия впитал, и он лучший не только в этом городе. Псов цепных набрать с мордами в битвах потертыми не трудно, да только рука, что их с поводка пустит, чистой должна быть. Иначе псы те лизать ее не будут, как должно быть.

– Лучший? Да пусть он хоть из платины отлит. Что он видел в свои двадцать от роду? Свору держать – уметь надо. А то, чем черт не шутит, оттяпают конечности вместо того, чтобы носами тыкаться. Что он знает по жизни нашей?

– Многое. Очень многое.

– Это не все. Знания жизнью должны проверяться.

– Придет время и для экзаменов. Чует душа, что не подведет он, выдюжит. Как я, ты и все братки наши.

– Не ровняй хрен с трамвайной ручкой, тогда время другое было. К воровскому никто не рвался, чистота сама в нас жила... Никаких тебе подходов.

– Да? – хитро ощерился дед. – Ну с тобой-то песня другая пелась, по твоим словам, про хрен которая... Иль забыл? А я помню. И никогда не забуду, как представил тебя братьям, потому как верил в тебя, верил, как себе – и не ошибся. Сейчас вот в него так же верю.

Лицо Евгения омрачилось. Задев нужные струнки, брат вынудил его уступить.

– Евгений, – произнес гость и неловко протянул Юрке руку. Тот ответил деликатным рукопожатием.

– Ну не знаю. Поможем, конечно, но боюсь, для него слишком мало времени. Молодость не исключает ошибок, а исправлять их некогда будет.

– Сколько? – отозвался Кристалл, коль речь зашла о нем.

Евгений бросил на Юрия холодный взгляд, но в душе остался доволен напористостью.

– Год. К тому времени передел сфер влияния должен завершиться. Догадываешься в чью пользу? Ну так как?

Кристалл молчал. Несмотря на простоту и ясность, с которой московский гость при общей загадочности выражал мысли, многое требовало вдумчивости. Волна откровенного насилия, захлестнувшая страну, изменила правила игры и ослабила влияние черных. К тому же объявились новые участники. Если на беспредельную проституцию закона и группировки зарежетировавшихся спортсменов давно выработались антитела, то недавно поднявшиеся на приватизационных сливках денежные мешки, способные содержать целые армии «штыков», требовали к себе осторожности и острого глаза. И те, и другие не признавали Воров, составляли однородный скользкий сгусток, исповедовавший свою религию – культ денег. Поэтому и рассматривать их приходилось как единое целое. Чистота принципов, да и вообще само наличие последних, для них – пустой звук, насилие – основное оружие, а построенный на нем бизнес – предпочитаемый способ жизни. Царствование беспредела в преступном мире длилось до тех пор, пока Воры, традиционно занятые заботой о тюрьмах и лагерях, не столкнулись там с ростками произвола, занесенного с воли. Ужесточив свое воздействие, заразу удалось затоптать, но поток бесовского семени не иссякал, и тогда было решено рубить под самый корень. Призвав кровавый опыт сучьих войн¹⁰⁷, в единстве и сообща, урки нанесли первый удар – по Москве.

¹⁰⁷ Сучья война – открытое противостояние между порядочными арестантами и суками (предавшими воровское). Возникает обычно на пике мусорской ломки (смотри), когда тюремно- лагерьная администрация «изнутри» усиливает свое давление.

Именно российская столица первой стала на колени и для пушей острастки в первопрестольную стеклись сотни Воров. Враги, не выдерживая натиска закаленных мусорскими ломками¹⁰⁸ и школой тюремного выживания боевиков, исчезали так же быстро, как и появлялись. Ужесточение борьбы с преступностью сыграло с законниками злую шутку: они подорвали дух живущих криминалом по моде и случаю, а тем облегчили Ворам задачу. Показав себя дерзкой и бесстрашной силой, не побоявшейся дневного света, старая формация оттеснила коронованных особ от штурвала тайной власти. Временный паритет и наступившее перемирие устраивали всех – одним надо было перевести дыхание, а другие понадеялись, что амбиции уголовников исчерпались. Но снижение активности в центре говорило о другом. Уверенность, выросшая на дрожжах столичных побед, требовала от Воров широты дальнейших планов. Потому перераспределив усилия, они начали борьбу за основные колонии – имперские придатки любой власти. Постепенное укрепление позиций радовало, но торжественным парадом пока не пахло. Драться приходилось на расстоянии. И если московские принцы перед воровским авторитетом капитулировали, то провинция, пользуясь хаосом и мужицким упрямством, отчаянно сопротивлялась. На плечи Кристалла ложилась незавидная задача. Никто не объяснял, как наступить на горло хозяйствующим в городе группировкам, не оказавшись под общий шумок на крючке у конторы¹⁰⁹, и объединить разрозненные кучки криминала вокруг воровского, но все ожидали реального результата. Требовалось наладить воровское положение – систему со строгим разграничением ролей и определением, согласно иерархии, расстановки каждого преступника; со своей черной кассой, в механизме пополнения которой нуждается в регулировке даже винтик, с городским общаком для нужд больничек¹¹⁰ и крытых¹¹¹. Кристалл слишком хорошо понимал всю сложность предстоящего.

– Он справится... – упрямо вторил Виктор. Твердый тон деда, всегда помогавший принять окончательное решение, мог воодушевить кого угодно, но Юрию уверенности не придал.

– Ну что ж, – Евгений развел руками и посмотрел на часы, – все, что мне остается сделать, – это согласиться. Дело непростое, потому – что от нас зависит... Для начала Сэмэна в помощь оставляю. Подбросит меня в аэропорт и вернется. Извини, Кристалл, а теперь мне с братом надо проститься...

Вскоре клацнула входная дверь, и из окна кухни Юрий проводил взглядом отъезжавший джип. Дед подошел неслышно и, став рядом, устало оперся на его плечо.

– Серьезный дядя, а, бать...

Виктор молча потянул юношу в комнату, отыскал пакет и, не нарушая торжественного безмолвия, переложил в него деньги. Педантичный дед привычкам не изменял – кейс требовал уничтожения.

– С чего думаешь начать? – поудобней устроившись в кресле, старик сложил перед собой руки и следующей фразой дал понять, что в отношениях наступил новый важный этап общения на равных, подразумевающий взвешенность и ответственность даже в малом. – К первому шагу особенно присматриваются, брат.

Как таковая, сучья война отражена в книге В. Высоцкого «Черная свеча».

¹⁰⁸ Мусорская ломка – ряд действий карательного характера, предпринимаемых режимной частью исправительных учреждений для искоренения воровской субкультуры. Среди прочего, питье крепкого чая также причисляется к воровской традиции и при мусорской ломке, и мусорском ходе считается злостным нарушением, фиксируемым в личном деле грифом «поддерживает воровские традиции».

¹⁰⁹ Контора – здание полиции или просто полиция или ФСБ.

¹¹⁰ Больничка – режимное медицинское учреждение тюремного типа, где на стационарном лечении находятся тяжелобольные осужденные.

¹¹¹ Крытая – спецучреждение для тюремного заключения, куда направляются лица, признанные судом социально опасными. Контингент крытой – лица, совершившие тяжкие преступления, и злостные нарушители, не ставшие на путь исправления. Тюремное заключение отличается от других мест лишения свободы – зон, колоний – суровым карательным режимом. Например, вплоть до 2001 года для лиц, пребывавших на крытой, существовало даже ограничение на переписку с родственниками. Разрешалось отправлять не более одного письма в месяц.

Миражи бесшабашного детства уже давно не бередали воображение. Еще недавно освободившуюся вакансию занял период дерзновенной мечтательности. Виктор учил – Кристалл пытливо изучал и постигал. Дед говорил – он внимал и, не спеша соглашаться, думал, подходя к сказанному стариком своей тропинкой. Много размышлял, пытаясь поближе разглядеть выписывающиеся на горизонте контуры. На бесчисленных примерах собственной жизни старик помог ему ухватить суть, почувствовать радость душевной свободы, которая если врывается в тесную клетку тела, то заполняет тебя энергией и уже никогда не покидает. Шпанюк вырос. Возмужал физически и духовно, сам того не заметив. Теперь же, став на положение Вора, он мгновенно проникся рациональным аскетизмом. Виктор научил всегда сохранять рассудительность, контролировать себя во всем, оставаться равнодушным к страстям и порокам, сузив неизбежные в юношестве интересы к коллекционным французским винам, и любить классику во всех ее проявлениях.

Время поджимало и первым делом следовало нарастить надводную часть айсберга, потому что от степени прочности сооружения зависело многое. Шпана – те кирпичики, которые интересовали прежде всего. Они, как бездушные куски обожженной глины, зависели от рук того, к кому попадут. Вот оно – распутье, упоминавшееся дедом. Пойдут налево – там путь изгоев, бандитов без убеждений, принципов и совести, тем паче без стремлений к чистоте в поступках. Направо – прописанный за душой седьмой ров восьмого круга ада, не вздрогнуть перед которым может разве что избравший дорогу самопожертвования еще при жизни, а прямо ну никак нельзя. Мир там начинается затерянный – каждому – по труду и так далее.

– С людей. Начну с людей. В заваривающейся каше один не воин. Да и осмотреться не помешает.

Виктор одобрительно улыбнулся.

– Верно, сынок. В людях главная сила. Потребуется помощь – дай знать. Но, думаю, с Сэмэном вы и без меня справитесь.

– Как? Я думал, его оставили для твоей охраны... – искренне удивился Кристалл и осекся, осознав ошибку. Ворам не приемлемо мусорское, охрана – плод из огорода родственников УВД структур. Допустимо бы звучало – защита...

Естественно, чуткий дед немедленно ткнул в оплошность носом.

– Че-е-его-о?

– Ну, защиту, черт ее возьми.

– Нечего на чертей съезжать. Ты на положении Вора и не забывай об этом. А касемо Сэмэна – такова традиция. Отныне он твоя тень и верный помощник, который не спустит никому, кто на тебя тявкнет. Относись к нему соответственно. Помни, он – твое «альтер эго» и помощник, – повторил Виктор, подчеркивая важность этих амплуа. – И вот еще что. «Мицубиси» у Сэмэна добротная, броней подбитая, а домик стоящий подыскать надо. Поручи ему. Учитесь доверять друг другу.

– Ну, уж нет. Я сам, – возразил Юрий, вспомнив отталкивающую физиономию типа с глазками бультерьера и металлизированными для надежной хватки зубами.

– Послушай деда. Поручи это Сэмэну, – настоял Виктор. – Не прогадаешь, – и потеплевший взгляд не оставил Кристаллу выбора.

– Добро...

«...на том пруду, куда тебя я приведу...»

Клиентов растеряв, закрылась в небе брачная контора.

И одеяло заменило таинства покров...

Нахмурилась, ангелы следят с укором —

Невинно льется опороченная кровь.

Ради спокойствия предстоящего вечера Башмак превзошел самого себя. Он отважился на неслыханную жертву – бросил машину на стоянке и полчаса добирался к себе пешком. Припаркованная у дома «БМВ» лучше любого семафора выдавала его присутствие, а портить ужин осадой макар-луневской орды не прельщало. Посиделки в «Фортеции» уже приелись до отвращения, поэтому утром Башмак вручил Ленке ключи от квартиры и тайком попросил составить ему вечером компанию.

– Пожалуй, – ответила она. – Только без пап. Отеческие взгляды так сковывают, милорд...

Роман улыбнулся и ощутил приятное возбуждение.

«Странно, а ведь я до сих пор не переспал с ней», – этой запоздалой догадке Роман так удивился, что немедленно купил охапку пунцовых роз, о чем пожалел почти сразу – сочувственные лица встречаемых мужчин смотрели на него с выражением, каким провожают на эшафот и прощаются с безнадежно больными.

Двор, к счастью, оказавшийся пустым, Башмак пересек почти бегом – роль перезревшего Ромео с душистым венком и без того порядком поднадоела, чтоб ее еще месяц обсуждали словоохотливые бабули. Едва не поскользнувшись, он взлетел на крыльцо и, отчаянно тормозя, вкатился-таки по инерции в пугающую темноту. Подъезд встретил непроницаемым мраком.

«Опять лампочки повывкручивали. Вандалы!»

Где-то совсем рядом, за спиной, хлопнула дверь автомобиля. Рука Башмака машинально метнулась за пояс и нащупала придавшую немного уверенности холодную рукоять.

После первого же шага во тьму, отпрянувшие от мирного сна чувства отчаянно засигнализировали об опасности.

– Кто здесь? – исподволь вытаскивая пистолет, Роман почти физически ощутил присутствие постороннего. – Ушатаю дурака...

Яркая вспышка боли ослепила и, подкосив ноги, швырнула на пол. Холод неприятно вползал в мозг, обмораживая центры двигательного аппарата, разум и волю.

– Суки... – прошептали губы и, дернувшись, застыли.

«Как же это я? – снилось Роману, – приплыл, бя... Неужели не подняться? Нет, – должно быть средство способное поднять меня. Думай. Думай, Башмак, черт тебя побрал... Вечер? Что я хотел сегодня вечером? Горячий ужин?» – лед продолжал сковывать сознание. – Нет, не то. Может, Ленку? Ну да, хотел Ленку, но почему же я не встаю? – колючая мерзлота сползла вниз и сверлила виски тысячью буравчиков. – Значит есть что-то поважнее. Вспоминай. Быстрей! ... Ну, конечно, – Никольский!»

Спасительная мысль о неосуществленной мести жалом пронзила ледяной панцирь, безжалостно порвала на куски несущую смерть корку, и скоро Роман почувствовал слабое движение начавшегося ледохода. Он постепенно приходил в себя. Голова отозвалась ноющей болью в затылке, и почти сразу тело пожаловалось на давящие в грудь ступеньки.

«Хорошо».

Он попытался шевельнуть рукой. Пальцы судорожно сжались в кулак и обнаружили в ладони пустоту.

«Пистолет подмотали...»

Ненависть помогла подтянуть ноги и перевалиться на колени. Ухватившись за перила, Башмак поднялся и, опираясь на поручень, дотащился до двери своей квартиры. Сил оставалось ровно на то, чтобы дотянуться до звонка.

В деталях неприглядная реальность выявилась, когда Роман погрузился в тёплую ванну. Голова раскалывалась на части, а общее поганое самочувствие усугублялось подступающей тошнотой.

– Лен, а Лен... – простонал Башмак. – Принеси чего-нибудь обезболивающего и попить... Кислого.

Высокий класс обслуживания подтвердила незамедлительностью открывшаяся дверь и просунутая в проем рука с маленьким подносом, на котором желтел стакан с апельсиновым соком и отблескивала пластинка таблеток.

– Ты че? Стесняешься, что ли?

– Еще чего! Некогда мне твой член разглядывать, у меня мясо тушится, – раздалось в ответ. – Бери давай!

– У-у-у... – притворно завыл Роман и, закатив глаза, захрипел для верности, – сердце, сердце...

Ворвавшаяся в ванную девушка, обнаружив наглый обман, швырнула поднос в воду и собралась уходить, но Башмак успел ухватиться за край халата.

– Да хрен с этим мясом. Посиди со мной.

– Что это было, Рома? В голове дырка, одежда в крови. Может все-таки вызвать скорую?

– Обойдемся без медиков. Разве тебе самой не хочется поухаживать? – игривое настроение, нахлынувшее при созерцании ее ладной фигурки в белом передничке поверх кимоно, третировало неприятные ощущения. – Или не умеешь?

– Непривычно как-то, – Мамзель пожала плечиками и, настойчиво отводя глаза в сторону, присела на краешек ванны, – обычно ухаживают за мной, а тут все перевернулось вверх ногами. Так что же все-таки случилось?

– Сколько. Упал, – вздохнул Башмак и вдруг замурчал мартовским котом: – А я тебе цветы нес. Розы... Иди ко мне.

Пока Ленка постигала всю непристойность предложения, его рука гибкими щупальцами обвила тонкий стан и затянула затрепыхавшееся тело в морскую пучину.

– Идиот! Дур...

Ленкины губы были так сладки, что он, увлекшись их вкусом и быстрой победой, пропустил контрвыпад – рука, вцепившаяся в волосы, задела рану. Пользуясь замешательством, Мамзель шлепнула его в промежность, вырвалась из объятий и, поднявшись над водой, объявила:

– Я сама...

Кимоно, одним движением слетевшее вниз вместе с передником, расплылось по воде нефтяной пленкой. Бледная кожа разгоряченной снежной королевы отливала красноватой бронзой. Сквозь свое учащенное дыхание он услышал:

– Ну что, желание еще не пропало? Тогда держите меня в руках, бойфренд, – и она грациозно скользнула вниз.

Неизбежность предстоящего секса была очевидной, но Мамзель, ловко изворачиваясь, уходила с линии атаки, пока Башмак, ошалевший от возбуждения, намертво не притянул к себе ее бедра.

– Расслабься... – прошептал он, проникая в раскрывшиеся своды. Ленка вскрикнула. Член, плавно уходя вглубь, двинулся по нежным стенкам. Стремясь в недра, он вваливался все дальше и дальше, как вдруг уперся в неожиданное препятствие. Хладнокровный голос предупредил беспардонные интересы.

– Спокойно, без паники. Придется постараться, а я обещаю потерпеть.

– Ты?! Целка?! – не сдержался Роман. – Мир обезумел!

– Претензии не ко мне, а к своим братьям. То мозгов нет, то пенис короткий.

Пришлось самоутверждаться, и никакая головная боль не могла служить оправданием.

– Ну держись!

Толчок был такой силы, что Мамзель, раскрыв рот, глухо охнула и вонзила в Башмака когти. Каждое движение оставляло на его груди длинные царапины, но Роман упрямо рвался вперед и, глядя в расширенные от ужаса глаза партнерши, вспорол живую ткань, получив в награду глубокий укус в плечо.

– Ну вот, теперь мы обо ранены. Вытаскивай свою штуку.

– Как вытаскивай? – обалдел Башмак.

– Нарвалась-таки на садиста... Больно! Пусть заживет.

– А мне что сейчас делать?

– Да кончишь ты, зверюга. Встань...

Обжигающе тесный рот вобрал в себя член, и через несколько минут, залив ее губы и руки спермой, Роман плюхнулся обратно в воду.

– Если б я знал, что ты так умеешь это делать, то не стал бы калечить девственность в первом акте.

– Ошибаешься. Услуга за услугу.

После ужина подгоревшим азу, несмотря ни на что таявшим во рту, они улеглись спать и, поглаживая шелковистую спинку подруги, Башмак еще долго думал о нападении в подъезде, предателе в стае, и о намечающемся повороте в жизни.

* * *

Телефон трезвонил все утро. Не выдержав, Роман высвободил руку от спавшей на ней Мамзели и неуклюже поднялся. В голове нестерпимо зашумело. Пол качался и норовил уплыть из-под ног. Если чего-то и хотелось, то не в стоячем положении. После секундного размышления Башмак выдернул шнур и побрел обратно. В провале одеяла проглядывали соблазнительные формы.

«Услуга за услугу, значит? Но я-то выигрываю при любом раскладе», – хмыкнув, он аккуратно раздвинул пассии ноги, и, следя за прикрытыми веками, ткнул восставшую плоть в волнующую складку. Несколько осторожных движений – и сухая поверхность наполнилась влагой. Раздалось пикантное хлопанье. Уже не сдерживаясь, Роман таранил Мамзель, ресницы которой удивленно запорхали в ответ, и, испытывая упоительную власть над податливым телом, застонал.

– Быстрее, – выдохнула она. – Быстрее. Ну же, самец...

Башмак назло медлил, растягивая удовольствие, но физиология брала свое. Предвидя неизбежное приближение оргазма, он подчинился. Мамзель задышала учащенной и, когда ощутила внутри себя горячий фонтан, изогнулась в экстазе дугой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.